

СОЧИНЕНИЯ

Н. И. ПАВЛИЩЕВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ПОЛЬСКАЯ АНАРХІЯ

ПРИ ЯНѢ КАЗИМИРѢ И ВОЙНА ЗА УКРАИНУ.

ИЗДАНИЕ В. С. БАЛАШЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1878.

СОЧИНЕНИЯ

НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПАВЛИЩЕВА.

1321-0

СОЧИНЕНІЯ

Н. И. ПАВЛИЩЕВА.

ТОМЪ I.

ПОЛЬСКАЯ АНАРХІЯ

ПРИ ЯНѢ КАЗИМИРѢ И ВОЙНА ЗА УКРАИНУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ В. С. БАЛАШЕВА.

1878.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатери́н. каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, № 90—1.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

Отъ издателя	1
Польская анархія при Янѣ Казимирѣ и война за Украину. 1592—1699. Часть I. Прологъ. Происхожденіе анархіи и войны за Украину 1592—1648	11
Предисловіе	13
Прологъ	27
Глава I. Польская Рѣчь-посполитая по Люблинской уніи 1569 г.	27
» II. Внутренняя организація. Вольный голосъ.	47
» III. Король. Избирательная операція	58
» IV. Начало и ходъ анархіи 1572—1608	65
» V. Миссіонерство Сигизмунда. Брестская унія	80
» VI. Украина. Конституція 1590 г.	89
» VII. Возстанія казаковъ при Сигизмундѣ. 1592—1632.	100
» VIII. Владиславъ. Масловставская комисія. 1632—1638.	123
» IX. Порабощеніе казаковъ. 1638—1647	140
» X. Тьеполи. Проектъ турецкой войны. 1640—1647.	147
» XI. Возстаніе Хмельницкаго. Желтоводская и кор- сунская битвы. Смерть Владислава. 1647—1648.	165

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Путешествіе Руджьеро, въ 1568 г.	183
II. Рѣчь Мѣлешка на сеймѣ 1589 г.	200
III. Рѣчь Древинскаго на сеймѣ 1620 г.	204
IV. Изъ письма Сапѣги къ Кунцевичу 1622 г.	209

VIII

V. Изъ Боплана: Описаніе Украины, изд. въ 1650 г.	214
VI. Изъ Лабурёра: Путешествіе де Гебріанъ въ Польшу, изд. въ 1648 г.	231
VII. Изъ Лелевеля: О сословіяхъ въ Польшѣ	239
VIII. Изъ Величка: Лѣтопись событій въ югозападной Россіи.	252
IX. Двѣ украинскія думы	261
Современная карта Рѣчи-посполитой.	
Три портрета въ текстѣ: Сигизмунда, Владислава и Хмель- ницкаго.	

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Приступая къ изданію сочиненій Н. И. Павлицева, мы считаемъ не лишнимъ прежде всего предпослать имъ этотъ легкій набросокъ его полувѣковой авторской дѣятельности, въ развитіе нѣкоторыхъ данныхъ, сообщенныхъ рецензентами „Голоса“ и „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, по поводу выхода въ свѣтъ, въ 1874 году, втораго изданія его „Историческаго атласа Россіи“, причемъ скажемъ впередъ, что въ теченіе всей своей литературной дѣятельности, г. Павлицевъ не оставлялъ государственной службы, которую и понынѣ продолжаетъ ¹⁾.

Самое начало службы выдвинуло Г. Павлицева на прище исторической науки. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выхода изъ пансіона Царскосельскаго Лицея, въ январѣ 1820 года, онъ отправился на службу въ кан-

¹⁾ Нынѣ тайный совѣтникъ, состоящій по военному министерству. Прослужа 40 лѣтъ съ 1831 по 1871 г. въ Варшавѣ, послѣдовательно: помощникомъ статсъ секретаря государственнаго совѣта Царства Польскаго, членомъ совѣта народнаго просвѣщенія въ Ц. П., оберъ-прокуроромъ общаго собранія варшавскихъ департаментовъ правительствующаго сената, членомъ гражданскаго департамента сената, наконецъ, директоромъ періодической печати и Варшавскихъ Дневниковъ—двухъ официальныхъ органовъ—онъ въ 1871 году перешелъ сюда на службу.

целярію главнокомандующаго 2-й арміею, графа Витгенштейна. Въ главной квартирѣ, въ м. Тульчинѣ (подольской г.), онъ нашелъ образованное общество, въ средѣ преимущественно свитскихъ офицеровъ ¹⁾, между которыми выдавалась личность полковника Бурцова, завѣдывавшаго канцеляріею начальника штаба П. Д. Киселева ²⁾. При пересмотрѣ архива молдавской арміи, доставленнаго изъ Измаила въ главную квартиру, г. Бурцову пришла счастливая мысль заняться, съ помощью сотрудниковъ, описаніемъ не только войны 1806—1812 гг., но и всѣхъ прежнихъ войнъ съ турками, начиная со временъ Петра Великаго. Съ этой цѣлью, по его проекту, начальникъ штаба отправилъ (въ 1822 г.) свитскаго поручика Петрова въ Москву, а г. Павлицева въ Петербургъ, для извлеченія матеріаловъ изъ государственныхъ архивовъ. Болѣе двухъ лѣтъ г. Павлицевъ доставлялъ эти матеріалы въ главную квартиру; но по стеченію многихъ обстоятельствъ, проектъ г. Бурцова не могъ осуществиться, и г. Павлицевъ не вернулся уже въ Тульчинъ, а остался въ Петербургѣ, гдѣ и вступилъ въ Государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ (въ 1827 г.). Здѣсь онъ примкнулъ къ литературному кружку, принялъ сотрудничество въ „Литературной газетѣ“, издаваемой барономъ Дельвигомъ, его другомъ и школьнымъ товарищемъ ³⁾, занялся переводомъ романовъ Фанъ-деръ-Фельда, который въ то время считался въ Германіи своимъ Вальтеръ-Скоттомъ;

¹⁾ «Свиты Его Величества, по квартирмейской части», какъ назывался тогда генеральный штабъ.

²⁾ Бурцовъ, впоследствии генералъ, убитъ въ турецкую войну 1828 г. подъ Вайбуртомъ.

³⁾ Дельвигъ вышелъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ изъ Лицея въ 1817, г., а Павлицевъ изъ лицейскаго пансіона два года спустя, въ 1819 году.

но едва успѣлъ перевести два романа, какъ получилъ назначеніе въ составъ временнаго правленія Царства Польскаго, по случаю вспыхнувшаго тамъ мятежа. Онъ отправился въ дѣйствующую армію, и, вмѣстѣ съ побѣдоносными войсками, прибылъ въ августѣ 1831 года въ Варшаву, чтобы тамъ остаться на цѣлыя сорокъ лѣтъ.

Не оставляя своихъ литературныхъ трудовъ и участвуя въ „Москвитянинѣ“, выходящемъ подъ редакціей поэта Е. А. Баратынскаго, г. Павлицевъ помѣстилъ, между прочимъ статью: „Брамбеусъ и юная словесность“, указавшую заимствованія Сенковскаго въ его „Большомъ выходѣ сатаны“ изъ Бальзака. Но вскорѣ официальная обстановка заставила его обратиться опять на историческій путь. Онъ подготовлялъ историческія данныя для законодательныхъ работъ въ государственномъ совѣтѣ, и въ самомъ началѣ провелъ новый законъ о польскомъ дворянствѣ (1836), въ силу котораго четыре пятыхъ шляхты, не доказавъ своихъ правъ, обратились въ крестьянское сословіе. Черезъ два года послѣ того (1838 г.), онъ выступилъ на сцену во всеоружіи польской исторіи.

До мятежа 1830 года, въ училищахъ Царства Польскаго, не было, можно сказать, ни слуху, ни духу о русскомъ языкѣ. По возстановленіи уже типичны, въ силу уставной грамоты, или, какъ называли ее поляки, органическаго статута 1832 года, русскій языкъ введенъ въ училища, но только въ видѣ иностраннаго; преподаваніе же всѣхъ учебныхъ предметовъ оставлено по прежнему на польскомъ языкѣ. Состоя членомъ совѣта народнаго просвѣщенія, подѣ предсѣдательствомъ главнаго директора внутреннихъ дѣлъ С. П. Шипова ¹⁾, съ ко-

¹⁾ Генераль-адъютанта и сенатора, умершаго въ прошломъ году, любителя отечественной исторіи, написавшаго нѣсколько историческихъ брошюръ.

торымъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ, онъ подалъ ему мысль, подъ видомъ усиленія русскаго языка въ училищахъ, преподавать на немъ нѣкоторые предметы, начавъ съ русской исторіи, и продолжая такъ постепенно, до совершенной замѣны польскаго языка русскимъ въ преподаваніи. Поддержанный главнымъ директоромъ, а потомъ попечителемъ округа Н. А. Окуневымъ ¹⁾, онъ самъ началъ, въ 1838 году, читать русскую исторію по-русски въ дополнительныхъ, а потомъ въ юридическихъ курсахъ; пріискивалъ способныхъ профессоровъ для русскаго преподаванія, инспектировалъ (1848), въ званіи члена совѣта народнаго просвѣщенія, училища, и неумолимо, преодолевая разныя затрудненія, преслѣдовалъ свою задачу такъ, что на восьмой учебный годъ, въ 1846 году, всѣ уже предметы преподавались въ училищахъ порусски. Это продолжалось до 1862 года, когда уставомъ маркиза Велѣпольскаго, русскій языкъ отнесенъ опять къ разряду иностранныхъ, и преподаваніе возстановлено на польскомъ языкѣ. Къ счастью, перерывъ былъ не дологъ: 1864 годъ принесъ съ собою освобожденіе крестьянъ, и окончательное освобожденіе русскаго слова отъ веригъ польскаго преподаванія; еще четыре года, и на польской почвѣ основался русскій университетъ (1869). Самъ г. Павлицевъ оставилъ кафедру въ 1846 году, вслѣдствіе закрытія юридическихъ курсовъ, и высшихъ классовъ въ варшавской гимназій, вызваннаго современной политической обстановкой; но не переставалъ трудиться на томъ же пути, и управляя періодическою печатью въ Царствѣ Польскомъ, привѣтствовалъ 1864 годъ выпускомъ въ свѣтъ

¹⁾ Извѣстнымъ военнымъ писателемъ. Умеръ генералъ-лейтенантомъ на о-вѣ Мадерѣ, въ 1850 г.

перваго нумера основанной имъ русской газеты „Варшавскій Дневникъ“.

Но мы зашли немного впередъ, и должны обратиться назадъ къ 1838 году, когда г. Павлицевъ приступилъ къ сочиненію польской исторіи для училищъ Привислинскаго края.

Наука эта весьма поверхностно преподавалась по кафедрѣ всеобщей исторіи; съ учрежденіемъ же въ 1838 году особой кафедры русской исторіи, возбужденъ былъ вопросъ, какъ поступить съ польской исторіей, присоединить ли ее къ русской, или преподавать ее отдѣльно? Вопросъ этотъ вскорѣ, съ учрежденіемъ (1839) Варшавскаго учебнаго округа, порѣшенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ С. С. Уваровымъ. Министръ нашелъ, что вмѣсто поверхностнаго изложенія, гораздо полезнѣе знакомить учениковъ основательно съ прошлой судьбой Польши, а такъ какъ между польскими учебниками не оказывалось подходящаго, то велѣлъ объявить конкурсъ для написанія соотвѣтственнаго руководства порусски. Въ состязаніи съ двумя польскими писателями ¹⁾ Г. Павлицевъ написалъ свою польскую исторію, которая удостоилась преміи и сдѣлалась учебникомъ въ гимназіяхъ Царства Польскаго. Онъ издалъ ее въ 1843 году, а въ слѣдующемъ 1844 г. напечаталъ ее попольски (*Dzieje Polski*), съ цѣлью ознакомить родственниковъ и воспитателей учащагося юношества съ содержаніемъ русскаго учебника; не ограничиваясь же этимъ, въ предупрежденіе всякихъ толковъ въ публикѣ и въ учебныхъ сферахъ, онъ подкрѣ-

¹⁾ Съ извѣстнымъ историкомъ Балинскимъ, и литераторомъ графомъ Леономъ Потоцкимъ; послѣдній не выдержалъ до конца, но г. Балинскій окончилъ свой трудъ, и напечаталъ его (*Historya polska*) въ одно почти время съ выходомъ учебника г. Павлицева.

пилъ польскій текстъ указаніемъ источниковъ и примѣчаніями (przypiski), въ которыхъ спорные факты оправдываются цитатами изъ авторитетныхъ, преимущественно польскихъ писателей: книга эта, въ русскомъ текстѣ, служила учебникомъ въ гимназіяхъ, до тѣхъ поръ, пока въ 1862 году, какъ выше сказано, при реформѣ училищъ по плану маркиза Велѣпольскаго, не уступила мѣста польскому учебнику Лелевеля.

Между тѣмъ, преподавая польскую и русскую исторію, г. Павлицевъ задался мыслию облегчить изученіе той и другой, посредствомъ атласа, подобнаго извѣстному атласу Лесажа. Такимъ образомъ выработалъ онъ свой „Историческій атласъ Россіи“, который изданъ имъ въ 1845 году, какъ пособіе для военно-учебныхъ заведеній. Атласъ этотъ не входитъ въ наше изданіе, равно какъ и другое сочиненіе: „Гербовникъ дворянскихъ родовъ Царства Польскаго“ (1853) съ раскрашенными политическими гербами, въ двухъ частяхъ на русскомъ и польскомъ языкѣ. Это плодъ его официальной дѣятельности по званію оберъ-прокурора.

Къ историческимъ его трудамъ относится „Поѣздка въ Червоную Русь“, помѣщенная въ 1847 году въ Сѣверной Пчелѣ, изъ которой узнаемъ, что авторъ, слѣдуя хроникѣ Длугоша и указаніямъ Ходаковскаго, открылъ въ деревнѣ Чермно (люблинской губерніи) принадлежавшей графу Роникеру, слѣды древняго города „Червена“, давшаго названіе Червоной Руси. Занимаясь страстно отечественной исторіей и придя къ убѣжденію, что эпоха удѣльной Руси разъяснится только посредствомъ обработки исторіи каждаго удѣльнаго княжества, онъ составилъ „Ключъ къ удѣльной Руси“, хранящійся въ его картонахъ, и затѣмъ взялся за историческій очеркъ галицкаго княжества, но не довелъ его до конца, и остановился на княженіи Давида Романо-

вича. Этотъ отрывокъ, подъ названіемъ; „Даніиль король русскій“, напечатанъ въ Холмскомъ календарѣ 1869—1871 годовъ.

Между тѣмъ можно сказать, что варшавскія типографіи впервые стали печатать на станкахъ своихъ русскія произведенія, которыми снабжалъ ихъ г. Павлицевъ съ обычной его неумоимостью. Всего исчислить нельзя. Такъ, упомянемъ только мимоходомъ о его „Географіи Европы“, вышедшей въ 1847 году. Въ Сѣверной Пчелѣ по временамъ появлялись его „Варшавскія письма“. При изданіи сочиненій Пушкина П. В. Анненковымъ, въ 1855 году, г. Павлицевъ, женатый на родной сестрѣ нашего поэта Ольгѣ Сергѣевнѣ Пушкиной, (скончавшейся въ маѣ 1868 года), внесъ драгоцѣнный вкладъ въ матеріалы для біографіи поэта, описавъ его дѣтство со словъ своей супруги.

Послѣдній періодъ литературной дѣятельности Н. И. Павлицева относится ко времени послѣдняго польскаго мятежа 1861—1864 г. Въ самый разгаръ мятежа, въ 1863 году, когда всѣ цензоры и редакторъ officialнаго органа „Всеобщій Дневникъ“ (Dziennik powszechny), подъ угрозами подпольнаго жонда, подали въ отставку, г. Павлицевъ, по порученію Августѣйшаго Намѣстника Царства, взялъ на себя устройство ценсурнаго комитета вмѣстѣ съ редакціею польскаго Дневника, и въ слѣдующемъ году (1864), при содѣйствіи Н. А. Милютина, основалъ русскій Дневникъ по программѣ, къ которой принаровленъ былъ и польскій органъ. Но объ этомъ мы уже выше говорили. Оба Дневника, русскій и польскій, выходили подъ его дирекціей до самаго перехода его въ 1871 году на службу въ Петербургъ. Къ этому періоду дѣятельности г. Павлицева относятся записки его о „послѣднемъ польскомъ мятежѣ“, которыя войдутъ въ составъ нашего изданія. Наконецъ, прослѣдивъ

полувѣковую авторскую дѣятельность г. Павлицева, нельзя не отмѣтить, что онъ досуги свои посвящалъ музыкѣ, и вмѣстѣ съ знаменитымъ нашимъ композиторомъ М. И. Глинкой издалъ въ 1829 году „Лирической альбомъ“.

Все, что мы сказали о трудахъ г. Павлицева по предмету исторической науки и русскаго языка въ польскихъ училищахъ, совершалось гласно, официально; тѣмъ не менѣе, при замѣнутости, въ которой находился привислинскій край, во время управленія фельдмаршала князя Паскевича, у насъ въ Россіи ничего почти о томъ не знали, или просто игнорировали. Появленіе сочиненій г. Павлицева встрѣчали самыми лаконическими похвалами въ немногихъ, выходившихъ тогда періодическихъ изданіяхъ, какъ-то: въ „Библіотекѣ для Чтенія“ и „Сѣверной Пчелѣ“. Равнодушіе русскаго общества ко всему происходившему въ привислинскомъ краѣ въ эту эпоху очень удачно объясняетъ одинъ изъ нашихъ писателей ¹⁾: „Польское наше дѣло“—говоритъ онъ— „было для насъ тогда очень плохо знакомо, было новостью, какъ бы только родившеюся на свѣтъ. То, что теперь знаетъ о Польшѣ всякій гимназистъ, тогда не знали многіе оракулы. Польша и Варшава представлялись нашему воображенію чѣмъ-то далекимъ, какимъ-то заброшеннымъ въ невѣдомомъ морѣ островомъ-буяномъ, гдѣ все иначе, и пусть себѣ иначе! О тамошней жизни мы получали какія-то баснословныя, сбивчивыя свѣдѣнія отъ заѣзжихъ оттуда офицеровъ, а они больше всего рассказывали о красивыхъ варшавскихъ женщинахъ, и дешевыхъ перчаткахъ. Мы были равнодушны къ вопросамъ, къ которымъ нельзя быть равнодушнымъ, считая себя европейскимъ чело-“

¹⁾ Н. В. Бергъ: Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ. Москва. 1873. 134.

комъ. Да признаться сказать, ничего другаго и не оставалось какъ быть равнодушнымъ. Грозная фигура фельдмаршала (не тѣмъ, Богъ съ нимъ, будь помянутъ) стояла во весь ростъ не передъ однимъ завоеваннымъ народомъ; стояла она и передъ глазами русскихъ редакторовъ. Никакая тѣнь корреспонденціи изъ Польши была немислима. Не было къ тому-же и желѣзныхъ дорогъ“.

Изданіе сочиненій Н. И. Павлицева мы открываемъ новѣйшею его монографіею: „Польская анархія при Янѣ Казимирѣ и война за Украину“. Она составитъ три тома; въ двухъ послѣдующихъ пойдетъ его „Польскій мятежь“, затѣмъ прочія сочиненія, такъ что все изданіе наше составитъ около восьми томовъ.

С.-Петербургъ.

Въ февралѣ 1878 года.

ПОЛЬСКАЯ АНАРХІЯ

ПРИ ЯНѢ КАЗИМИРѢ II ВОЙНА ЗА УКРАИНУ.

1592 — 1699.

ЧАСТЬ I.

ПРОЛОГЪ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ АНАРХІИ И ВОЙНА ЗА УКРАИНУ.

1592 — 1648.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Польскіе послы, прїѣзжавшіе въ Москву, въ 1667 году, съ полномочіемъ отъ короля Яна Казимира, для подтвержденія андрусовскаго перемирія, жаловались въ конференціяхъ своихъ съ царскими боярами на болѣзнь, которая постигла Рѣчь-посполитую отъ „доуки шляхты“¹⁾, другими словами—отъ смуть, заводимыхъ шляхетскимъ своевольемъ. Болѣзнь эта, въ переносномъ смыслѣ, означала ничто иное, какъ ту анархію, которая, достигнувъ своего апогея при Янѣ Казимирѣ, въ силу безобразнаго закона „вольнаго голоса“—*liberum veto*—свела Польшу въ могилу. Злополучный монархъ, въ торжественномъ собраніи сейма (1661), предсказалъ плачевный исходъ болѣзни и черезъ семь лѣтъ сложилъ съ себя корону. Большой человѣкъ прожилъ еще сто съ небольшимъ лѣтъ и умеръ, какъ умирали другія государства, какъ умираетъ въ нашихъ глазахъ одинъ больной, отъ разложенія всѣхъ элементовъ государственной и общественной жизни.

Анархія въ Польшѣ подготовлялась издавна. Ученѣйшій изъ польскихъ историковъ отмѣчаетъ начало анархичной эпохи царствованіемъ Сигизмунда III.

¹⁾ Соловьевъ, XI. 219—220. № 36 Источниковъ.

Послушаемъ, чтò онъ говоритъ ¹⁾: „Поляки почувствовали присутствіе этихъ неумолимыхъ іезуитовъ. Гидра гоненій на мысль и чувства проникла во всѣ углы государства. Народъ (т. е. шляхта) негодовалъ. Знатные паны ссорились между собою и дрались, въ раздорѣ съ презрѣннымъ, приниженнымъ трономъ. Въ этой анархіи и первыхъ ея судорожныхъ смутахъ, зачастую обливаемыхъ кровью, военныя банды разбойничали, домогаясь своего жалованья, при чемъ внѣшніе враги врывались въ лучшія области. Всѣ эти бѣдствія не кончились съ Сигизмундомъ III: царствованіе Владислава IV было лишь кратковременнымъ отдыхомъ“. Переходя къ эпохѣ анархіи временъ Яна Казимира, составляющей предметъ нашей монографіи, авторъ оканчиваетъ картину ея „нѣмымъ сеймомъ„ въ 1717 г., который далъ Польшѣ конституцію, гарантированную Петромъ Великимъ, вторымъ пополненнымъ изданіемъ которой можно считать конституцію, гарантированную Екатериной въ 1768 году.

Вотъ эта картина: „Внутри раздоръ, извнѣ самыя страшныя напасти. Нетерпимость и гоненія шли своимъ чередомъ. Гонимые чуждались братства и національности, считая внѣшнихъ враговъ своими освободителями. Нисшія сословія—мѣщане и крестьяне—изнывали въ угнетеніи. Важнѣйшая часть населенія, служившая грознымъ оплотомъ на юго-востокѣ, выросшая въ многолюдный народъ, обижаемая старѣстами и шляхтою, преслѣдуемая въ своемъ религіозномъ обрядѣ, огорчаемая іезуитскими продѣлками,—казаки, говорю, подняли оружіе. Половина Рѣчи-посполитой охвачена убійственной борьбой между одноплеменниками; предстали два плачевные исхода: или приниженіе шляхетской республики, или искорененіе казаковъ. Разрушеніе, бойня

¹⁾ Лелевель, II, § 174, стр. 350. № 30.

наводили ужасъ, увеличиваемый вторженіемъ татаръ. Неоконченное дѣло съ Швеціею два раза отдавало все королевство въ руки шведовъ, и ленный домъ, связанный узами родства съ Ягеллонами, перешелъ на сторону враговъ. По восточнымъ краямъ, иноземныя войска расхаживали то друзьями, то недругами. Въ той сторонѣ потеряны Смоленскъ и Кіевъ, а на югѣ турки отторгли на долгое время Подоль и временно наложили дань на Рѣчь-посполитую. Австрія не оставляла своихъ происковъ, а, между тѣмъ, Польша и ея король ходили спасать націю, отдѣленную отъ нихъ Карпатами. Вельможные паны ссорились, бились между собою и тягались по судамъ. Сеймы всѣ были срываемы. Въ минуту самой явной опасности, престолъ, пущенный въ аукціонъ, хотя и приниженный, находилъ однако пріобрѣтателей. Среди бѣдствій, король, отрекаясь отъ короны, возобновлялъ предсказанія о паденіи королевства, и указывалъ на землѣ, орошенной кровью, предѣлы будущихъ захватовъ. Нѣмой сеймъ (1717) замкнулъ непрерывныя бѣдствія. Весь край измѣнилъ свой видъ. Города исчезли, превратясь въ жалкія жилища. Населеніе уменьшилось, источники богатства изсякли. Торговля упала на цѣлую треть, тогда какъ другія государства, вышедшія побѣдоносно изъ борьбы съ римскимъ дворомъ, улучшали у себя земледѣліе и промышленность. Уменьшеніе рабочихъ рукъ по деревнямъ замѣнялось усиленіемъ панщизны, которою помѣщики отягощали своихъ крестьянъ. Между тѣмъ орденъ іезуитовъ съ торжествомъ смотрѣлъ на тысячи казаковъ, скошенныхъ войною, или выселившихся изъ края. Изгнавъ соцініанъ, прижавъ диссидентовъ, онъ завладѣлъ почти исключительно воспитаніемъ цѣлаго поколѣнія, ибо куда онъ прямо не заходилъ, туда проникалъ его духъ. Ме-

ханическое вдалбливаніе нѣкоторыхъ знаній, обусловленныхъ вымышленными формальностями, возбуждаемое сѣченіемъ, притупило чувства и способности. Жалкая система отвлекать вниманіе отъ всѣхъ наукъ, образующихъ умъ и сердце, уничтожала всякія убѣжденія, подставляя на ихъ мѣсто легковѣріе и „обскурантизмъ“ ¹⁾.

„Со времени нѣмага сейма,—продолжаетъ тотъ же историкъ,—Польша впала въ совершенное бездѣйствіе, почти забытая Европой. Никакой замѣчательный фактъ не заявилъ о ея существованіи. Спасая себя въ царствованіе Яна Казимира чрезвычайными усиліями и пожертвованіями, она очутилась въ полномъ изнеможеніи. Какъ больной человѣкъ обомлѣваетъ отъ боли, когда ему отсѣкли часть, пораженную гангреной, или отняли ногу, когда его изнурила жестокая горячка, такъ Польша, послѣ столькихъ бѣдствій, зачахла, и сдѣлалась равнодушною ко всему ея окружающему“ ²⁾.

Мы готовы подписаться подъ этими словами ученѣйшаго изъ польскихъ историковъ, но не можемъ согласиться съ нимъ въ томъ, будто болѣзнь, о которой рѣчь идетъ и говорили послы Яна Казимира въ Москвѣ, началась только при Сигизмундѣ III. Онъ исключаетъ царствованіе Баторія, какъ блистательное время Польши, разумѣя его военную славу; но успѣхи оружія проявлялись и послѣ него, въ разгарѣ анархіи; Баторій же боролся, какъ потомъ Собѣскій, съ задорной шляхтой, которая тоже не терпѣла его, не давала ему денегъ на войну, срывала сеймы (1582, 1585), грубила ему въ глаза, и не уронила ни слезинки, когда онъ умеръ скоропостижно, говорятъ, отравленный ³⁾. Два

¹⁾ Лелевель, II, § 175, стр. 355.

²⁾ Онъ же, I, § 195, стр. 204.

³⁾ Шуйскій, III. 86,—о чемъ см. дальше въ Прологѣ.

первыя, предшествовавшія ему безкоролья, были самым энергичнымъ вступленіемъ въ эпоху анархіи, по смерти послѣдняго Ягеллона (1572). «Вмѣсто старопольской отваги вкрался духъ не только домашней интриги», пишетъ біографъ Баторія ¹⁾, «но и заговоры съ посторонними державами, которымъ „продажные“ люди предлагали свои услуги». Вотъ что говоритъ по этому случаю другой, новѣйшій историкъ польскій ²⁾: «Изъ всѣхъ учреждений, наиболѣе способствовавшихъ къ упадку Польши, на первомъ мѣстѣ стоитъ „вольный выборъ королей“. По смерти послѣдняго Ягеллона, онъ выступилъ во всей своей страшной дѣйствительности. Польша сдѣлалась заѣздною корчмой внѣшней политики, торжищемъ королевской власти. Разнородность претендентовъ произвела фракціи; алчность и продажность увидѣли передъ собою открытое поле“. Это мы увидимъ дальше, на своемъ мѣстѣ, а теперь только констатируемъ фактъ, что анархія обнаружилась тотчасъ при первомъ избраніи короля, въ чемъ, кстати сказать, согласенъ съ нами и самый ярый поклонникъ Польши, Рюльеръ ³⁾, который, окрестивъ свою монографію о первомъ раздѣлѣ «Исторію польской анархіи», выводитъ анархію отъ смерти послѣдняго Ягеллона.

И такъ, приступая къ описанію польской анархіи временъ Яна Казимира, мы должны сперва оговориться насчетъ заглавія нашей монографіи, въ которомъ рядомъ съ польской анархіей выставлена „и война за Украину“. Янъ Казимиръ, второй сынъ Сигизмунда III, вступивъ на престолъ въ 1648 году, послѣ брата своего Влади-

¹⁾ Албертранди, 350.

²⁾ Шуйскій, III. стр. 2, § 1.

³⁾ Histoire de l'anarchie de Pologne.

слава IV, унаслѣдовалъ послѣ него войну съ казаками за Украину, вспыхнувшую въ годъ смерти Владислава, когда Богданъ Хмельницкій, разбивъ и полонивъ двухъ польскихъ гетмановъ, явился побѣдителемъ подъ стѣнами Львова, въ Червоной Руси. Война эта, заполняющая все двадцатилѣтнее царствованіе Яна Казимира, длилась еще 31 годъ послѣ него и кончилась при Августѣ II карловицкимъ миромъ (1699), по которому турки возвратили Польшѣ Каменецъ съ Подолью и частью Украины. Она такъ распатала анархичное зданіе Рѣчи-посполитой, что уже при Собѣскомъ, по словамъ Феррана, продолжателя Рюльера въ описаніи трехъ раздѣловъ, считали Польшу умершею и написали ей эпитафію, выражавшую кратко ея истинную исторію ¹⁾. Поэтому мы предпосылаемъ царствованію Яна Казимира „Прологъ“, посвященный происхожденію войны за Украину, а въ „Эпилогъ“ излагаемъ ея окончаніе, что и раздѣляетъ нашу монографію на три части. Остается только 72 года до перваго раздѣла. Въ этомъ отношеніи мы позволяемъ себѣ думать, что монографія наша можетъ служить введеніемъ въ эпоху раздѣловъ, которую наконецъ, и не такъ давно, освѣтили въ своихъ

¹⁾ Ferrand, I, 29. № 15. Вотъ эта эпитафія:

Née de la trop grande indulgence des rois; Nourrie par l'arrogance des sénateurs; Vexée par la licence de l'ordre équestre; Prostituée par l'avarice de tous les ordres; Devenue tributaire des infidèles; (Выноска самого Феррана: «по бучацкому договору, при Михаилѣ Корибутѣ, Каменецъ уступленъ туркамъ, а Польша обязалась платить ежегодную дань»). Elle est ensevelie sous ses propres ruines. Въ переводѣ: Порожденная чрезмѣрной поблажкой королей; взлелѣянная высокоумріемъ сенаторовъ; измученная своеволіемъ шляхетскаго сословія; опозоренная алчностью всѣхъ классовъ; платящая дань невѣрнымъ: она погребена подъ собственными своими развалинами.

монографіяхъ отечественные наши историки: С. М. Соловьевъ, и Н. Ив. Костомаровъ.

Въ каждомъ историческомъ трудѣ, выборка и обработка матеріаловъ составляютъ предметъ первой важности. Въ этомъ отношеніи мы довольно потрудились.

Вотъ, въ хронологическомъ порядкѣ изданія, тѣ источники или сочиненія, на которые я ссылаюсь въ моей монографіи.

1. Шевалье (Chevalier): Histoire de la guerre des cosaques. Paris. 1663.
2. Францисци (Erasmus Francisci): Neuer polnischer Florus, d. i., Richtige und glaubhaffte Erzehlung, etc. durch den Unpartheyischen. Nürnberg, 1666.
3. Коховскій (Kochowski): Annalium Poloniae ab obitu Vladislavi IV, Climacteres 3. Cracoviae, 1683—1698.
Онъ же: Roczników Polskich Klimakter IV,—Panowanie króla Michała, перев. съ латинск. изд. Бобровича, Lipsk. 1853.
4. Роколь (Rocolles): Vienne deux fois assiégée par les turcs. Leyde. 1684.
5. Далеракъ (Daleyrac, псевдонимъ его—le chevalier de Beaujeu): Les anecdotes de Pologne ou Mémoires secrets du règne de Jean Sobieski. Paris. 1699. 2 т.
6. Залускій (Zaluski): Epistolarum historiaco-familiarum, etc., Brunsbergae. 1709. Т.-въ 3.
7. Ладовскій (Ładowski): Inwentarz constitucyi. Lipsk. 1773.
8. Койе (Coyer): Histoire de Jean Sobieski. Varsovie. 1761. Въ польскомъ переводѣ: „Historia Jana Sobieskiego“. Wilno. 1851. 2 тома.

9. Стрышковскій (Strykowski - Maciej Osostewicz): Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Królewiec. 1582, Warszawa. 1766.—въ Zbiorze dziejopisów polskich; особо въ 2-хъ томахъ. Warszawa. 1846..
10. Заннони (Rici-Zannoni): Carte de la Pologne (собственно атласъ изъ 24 картъ). Londres. 1772.
11. Грондскій (Grondski de Grondi): Historia belli cossaco-polonici, conscripta anno 1676. Pestini. 1789.
12. Генсау (Hensau): Geschichte der Haupt und Residenzstadt Wien in Oesterreich. Wien. 1793.
13. Бантышъ-Каменскій (Иванъ): „Историческое извѣстiе о возникшей въ Польшѣ унии. Москва. 1805. Второе изданiе 1864 г.
14. Рюльеръ (Rulhière): Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république. Paris. 1807. 4 тома.
15. Ферранъ (Ferrand): Histoire des trois démembrements de la Pologne, pour faire suite à l'Histoire de l'anarchie de Pologne par Rulhière. Paris. 1820. 3 тома.
16. Нѣмцевичъ (Niemcewicz): Dzieje panowania Zygmunta III. Warszawa. 1819. 3 тома.
17. Нѣмцевичъ (Niemcewicz): Zbiór pamiętników o dawniej Polsce“. Warszawa. 1822. 3-й и 4-й т
18. Бантышъ-Каменскій (Дмитрій): Исторiя Малой Россiи. Москва. 1822. 4 тома. Второе изданiе 1842.
19. Квятковскій (Kwiatkowski): Dzieje narodu polskiego za panowania Wladyslawa IV. Warszawa. 1823. 2 тома.
20. Румянцевъ (издатель): Собранiе государственныхъ граматъ и договоровъ. Москва. 1828.

21. Бѣльскій (Bielski): Kronika, въ Zbiórce pisarzy polskich. Warszawa. 1830. т-въ 8.
22. Бантке (Bantkie): Dzieje narodu polskiego. Wrocław. 1835. 2 т. Въ русскомъ переводѣ, съ перваго изданія: Исторія государства польскаго. С.-ПБ. 1830.
23. Берхъ: Царствованіе царя Алексѣя Михайловича. С.-ПБ. 1832. 2 тома.
24. Шёль (Schoel): Cours d'histoire des états européens. Paris. 1832. 46 томовъ.
25. Бопланъ (Beauplan): Описаніе Украины, перев. съ франц. О. У. С.-Петербургъ. 1832. Польскій переводъ изд. Нѣмцевичемъ, въ его Zbiór pamiętników. т. III.
26. Малиновскій: Историческое доказательство о желаніи польскаго народа и проч., въ журналѣ „Труды и лѣтописи Общества исторіи и древностей російскихъ“. 1833. т. 4-й.
27. Гаммеръ (Hammer): Histoire de l'empire ottoman. Paris. 1838. Томъ 12-й.
28. Анонимъ: Pamiętniki o wojnach kozackich za Chmielnickiego, wydane z rękopismu. Wrocław. 1840.
29. Рачинскій (Raczyński—издатель): Historia panowania Jana Kazimierza, z rękopismu. Poznań. 1840.
30. Скальковскій: Исторія Новой-Сѣчи или послѣдняго Коша запорожскаго. Одесса. 1841.
31. Лелевель (Lelewel): Histoire de Pologne. Paris. 1844. 2 тома. Собственно 2-я часть 2-го тома: „Considérations sur l'état politique de l'ancienne Pologne“.
32. Сальванди (Salvandi): Histoire du roi Jean Sobieski et de la Pologne. Paris. 1844.

33. Маркевичъ: Исторія Малороссіи. Москва. 1845.
5 томовъ.
34. Краевскій (Krajewski): Dzieje panowania Jana Kazimierza. Warszawa. 1846. 2 т.
35. Величко: Лѣтопись событій въ юго-западной Россіи въ XVII вѣкѣ. Кіевъ. 1848—1855. 3 т.
36. Шайноха (Szajnocha): Szkice historyczne. Lwow. 1854—1869. 4 тома.
37. Соловьевъ: Исторія Россіи. Москва. 1860—1864.
38. Шуйскій (Szujski): Dzieje Polski, podług ostatnich badań. Lwow. 1862—1866. 4 т.
39. Соловьевъ: Исторія паденія Польши. Москва. 1863.
40. Кояловичъ: Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края (съ французскимъ переводомъ). Историческое изслѣдованіе о западной Россіи IV — CLXXVII. С.-Петербургъ. 1865.
41. Шмитъ (Schmitt): Dzieje Polski XVIII i XIX wieku. Kraków i Lwow. 1866—1868, 4 т.
42. Костомаровъ: Богданъ Хмельницкій. С.-Петербургъ. 1870.
43. Онъ же: Послѣдніе годы Рѣчи-посполитой. С.-Петербургъ. 1870.

Кромѣ этихъ источниковъ, цитируются въ разныхъ мѣстахъ текста сочиненія: Бартошевича, Балинскаго, Иловайскаго, Кантемира, Карамзина, Каховскаго, Кропотова, Ленгниха, Мацѣвскаго, Пясецкаго, Руссо, Фризе; также мои собственныя: Dzieje Polski и „Историческій атласъ Россіи“, да еще нѣкоторые историческіе сборники.

Первые 29 номеровъ приводятся въ указаніи источниковъ моей „Польской исторіи“ (Dzieje Polski) изд.

въ 1844 г. въ Варшавѣ; остальные принадлежатъ къ числу сочиненій, вышедшихъ за послѣдніе тридцать четыре года.

Источники польской исторіи вообще, начиная съ XVI вѣка до конца XVIII, перечислены Н. И. Костомаровымъ въ двухъ его монографіяхъ (№№ 42 и 43) съ критическими противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отмѣтками; но текстъ № 43, къ сожалѣнію, не сопровождается цитатами. Подобное же указаніе источниковъ, но въ болѣе-шихъ размѣрахъ, отъ начала до конца Польши, съ рѣдкими цитатами, находимъ въ сочиненіи (№ 38) Г. Шуйскаго. Это единственная цѣльная исторія Польши, написанная бойко и даже безпристрастно, за исключеніемъ, конечно, желчныхъ выходокъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, противъ участвовавшихъ въ раздѣлѣ державъ, особенно Россіи. Эти руссофобскія выходки, обличающія или усвоенный уже въ этомъ отношеніи между польскими писателями обычай, или узкій, и порою напускной патріотизмъ, выкупаются множествомъ историческихъ правдъ, хотя и горькихъ, которыя авторъ смѣло высказываетъ своимъ соотчичамъ, и подъ конецъ приходитъ къ сознанію, что „паденіе Рѣчи-посполитой произошло по собственной нашей, многовѣковой винѣ, тяготѣющей до сихъ поръ надъ цѣлымъ нашимъ поколѣніемъ. Вина эта тѣмъ важнѣе, тѣмъ больше былъ кругъ гражданъ, принимавшихъ участіе въ правленіи. Историческая Немезида, преслѣдующая у другихъ дѣянія царей и властителей, у насъ налегла всею тяжестью на народъ“¹⁾. Въ этомъ воззрѣніи авторъ совершенно гармонируетъ съ предшественникомъ своимъ, выше упомянутымъ, но діаметрально противоположнымъ, пользо-

¹⁾ Dzieje Polski. IV. 723. Подъ именемъ народа, націй, всѣ польскіе и иностранные писатели разумѣютъ шляхту, такъ какъ народъ-собственно состоялъ изъ «хлоповъ», т. е. изъ рабовъ.

вавшимя, къ сожалѣнію, до сихъ поръ авторитетомъ въ извѣстныхъ сферахъ, полуисторикомъ, полупамфлетистомъ Рюльеромъ. Писавши свою исторію по заказу правительства и не безъ подспорья польской магнатуріи, Рюльеръ хотя и сознаетъ безобразія польской анархіи, но вину паденія Польши взваливаетъ главнымъ образомъ на „деспотизмъ“ (sic) Россіи, а русскихъ представляетъ вездѣ варварами, въ чемъ обличилъ его парижскій академикъ Шабанонъ ¹⁾. Съ этой цѣлью французскій руссофобъ озаглавилъ два экземпляра своей рукописи, одинъ „Исторіей деспотизма Россіи и польской анархіи“, а другой „Исторіей польской анархіи и деспотизма Россіи“; но послѣ спохватившись, что это нелѣпо, что гораздо прежде нѣмага сейма (1717), открывшаго, по его мнѣнію, доступъ русскому вліянію, анархія прелюбопытно развивалась и царила въ Польшѣ, онъ окрестилъ свое сочиненіе просто „Исторією польской анархіи“ ²⁾. Видно, его исторія не повкусу приплась самимъ полякамъ, когда до сихъ поръ ни онъ, ни продолжатель его Ферранъ не удостоились

¹⁾ См. Феррана: *Les trois démembrements*, I. XI. Въ письмѣ къ Рюльеру Шабанонъ пишетъ: «Позвольте мнѣ одно общее замѣчаніе. Вы рисуете русскихъ подлымъ и презрѣннымъ народомъ; вы находите у поляковъ больше благородства, величія и дѣятельности; вы имъ приписываете патріотическія чувства и большую любовь къ свободѣ... Между тѣмъ, эти гордые и дѣятельные поляки всегда въ ярмѣ. Они всегда зависятъ отъ этихъ подлыхъ тирановъ, которымъ вы ихъ порабощаете. Нѣтъ ни одной эпохи, гдѣ бы польская гордость удивляла или угрожала дикому малодушію русскихъ. Последняя эпоха вашей исторіи довершить уничтоженіе поляковъ».

²⁾ «*Histoire du despotisme de Russie et de l'anarchie de Pologne* (№ 14) и на оборотъ. См. *Notice sur Rulhière*, въ первомъ изданіи, 1807 г., вышедшемъ во время польской кампаніи Наполеона и съ его разрѣшенія, съ цѣлью разжечь между поляками рюльеровскую ненависть къ русскимъ. Рюльеръ родился около 1735 г. и умеръ въ Парижѣ въ 1791 г. Исторію свою довелъ до 1776 г.

перевода на польскій языкъ. По этой же причинѣ, намъ кажется, лучшее, капитальное сочиненіе Лелевеля, разоблачающее анархичный строй Рѣчи-посполитой ¹⁾, читается только во французскомъ оригиналѣ. И сколько другихъ писателей, какъ н. п. Модржевскій, Коховскій, Грондскій, Залусскій изъ поляковъ, а изъ иностранцевъ Лабу-рёръ, Шевалье, Францисци, Далеракъ, Сальванди, ожидаютъ переводчиковъ! А было довольно на это времени и средствъ. Образовавшееся въ 1800 году въ Варшавѣ „Общество друзей наукъ“ поставило себѣ задачей „составить полное собраніе отечественной исторіи, которая по упадкѣ Польши должна быть написана не по примѣру польской исторіи Ваги, а съ отличнымъ искусствомъ и плѣнительнымъ краснорѣчіемъ, чтобы чтеніе ея могло восхищать польскихъ юношей и заблаговременно дѣлать въ умѣ и чувствахъ глубокое впечатлѣніе, чтобы каждый, читая воспоминанія о дѣлахъ своихъ предковъ, пріобрѣталъ къ нимъ и къ самому себѣ уваженіе, и чтобы чувствовалъ честь называться полякомъ“ ²⁾. Прекрасно! Но это не исторія, это будетъ подборъ фактовъ выказывающихъ одно лишь хорошее, съ умолчаніемъ дурнаго, будетъ поддѣлка исторіи, извращеніе исторической правды. Съ такою предвзятою цѣлью общество друзей наукъ не ознаменовало тридцатилѣтняго своего существованія никакимъ серіознымъ изданіемъ, а пробавлялось распространеніемъ тенденціонныхъ и, скажемъ откровенно, неудачныхъ монографій о царствованіяхъ Баторія, Смизмунда III, Владислава IV, Яна Казимира и т. п. Словомъ, подъ научной фирмой производилась политическая агитація.

¹⁾ *Considérations sur l'état de Pologne*, помѣщенное во 2-й части его *Hist. de Pol.* (№ 31).

²⁾ Изъ протоколовъ Общества, въ апрѣлѣ 1806 г., имѣющихся въ нашихъ рукахъ.

Тѣмъ не менѣе, мы не отвергали польскихъ авторитетовъ; напротивъ, мы старались преимущественно на нихъ опереть историческую правду. Къ тому же, по отношенію къ описываемой нами эпохѣ, наши отечественные матеріалы скудны. Украинскія лѣтописи большею частію имѣютъ видъ сокращенія или компендій польскихъ хроникъ. У насъ нѣтъ Коховскаго (№ 3), который въ своихъ „Климактерахъ“ рассказываетъ по годамъ, какъ очевидецъ, все царствованіе Яна Казимира. Величко (№ 35), за небольшими исключеніями, списываетъ только Твардовскаго. Войну за Украину, по отношенію къ военнымъ дѣйствіямъ, все таки мы знаемъ преимущественно изъ польскихъ сказаній; одна лишь дипломатическая ея сторона, мало знакомая, даже игнорируемая въ польскихъ историческихъ сферахъ, сдѣлалась намъ извѣстною недавно, благодаря изслѣдованіямъ С. М. Соловьева, въ его Исторіи Россіи (№ 37).

Для освѣщенія военныхъ дѣйствій, охватывавшихъ всю территорію Рѣчи-посполитой, я прилагаю карту ея, составленную мною въ уменьшенномъ масштабѣ, по извѣстному атласу Заннони (№ 10), изданному въ 1772 году, въ Лондонѣ. Она представляетъ Польшу въ 1667 году, по андрусовскому договору; но на востокъ отмѣчены границы, въ какихъ засталъ ее Янъ Казимиръ. Западная граница русской народности служить вмѣстѣ историческою границею Руси временъ Ярослава, въ половинѣ XI вѣка.

Портреты, числомъ 8, приложенные къ тексту, сняты съ лучшихъ гравюръ. Портретъ Хмельницкаго скопированъ съ оригинала, приложеннаго къ сочиненію Шевалье (№ 1 источниковъ), изданному въ 1663 году, всего 5 лѣтъ по смерти Богдана.

Приложенія оправдываются сами собою.

ПРОЛОГЪ.

ГЛАВА I.

Начало польской Рѣчи-посполитой. — Территорія и населеніе. —
Магнаты, шляхта и хлопы.

Польская Рѣчь-посполитая сложилась на люблинскомъ сеймѣ, въ 1569 году, изъ королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго, соединившихся въ одно политическое тѣло, подъ названіемъ: „Польской Рѣчи-посполитой или республики“. Это политическое соединеніе у поляковъ называется люблинской „уніей“, которую, разумѣется, не должно смѣшивать съ религиозной, брестской уніей 1596 года. Но въ этой республикѣ былъ король со всею придворною іерархіею. Поэтому папскій нунцій, Руджьеро ¹⁾, въ своемъ донесеніи Пію IV о состояніи Польши въ 1568 году, писалъ, что „Польшу нельзя назвать ни республикой, ни монархіей. Гдѣ существуютъ привилегированныя сословія, тамъ нѣтъ общей свободы; гдѣ король встрѣчаетъ препятствія при исполненіи уставовъ, даже одобренныхъ народомъ, тамъ нѣтъ монархіи. Вельможи и шляхта за-

¹⁾ Приложение I.

хватываютъ все, попираютъ права королей и народа“; продолжая затѣмъ пророчески: „такъ какъ они сами все болѣе погружаются въ развратъ и роскошь, то кто угадаетъ чтò можетъ случиться въ будущіе вѣка?“

Въ территоріальномъ отношеніи, какъ видно на приложенной картѣ, Рѣчь-посполитая занимала пространство около 15¹/₂ тыс. кв. миль ¹⁾, раздѣленное на воеводства, а воеводства на повѣты. Группы воеводствъ сохранили, до самаго послѣдняго раздѣла, этнографичныя названія областей, показывающія съ перваго взгляда незначительность польской земли въ сравненіи съ русской, отторгнутой отъ русскаго государства во время удѣловъ и владычества татаръ. Червоная Русь, Малая Русь, Бѣлая Русь, Черная Русь, Полѣсье, Волинь, Подоль, Украина—все это русская земля, вотчина Ярослава Великаго, перешедшая въ разное время во власть Польши. Одна лишь Червоная Русь захвачена поляками при Казимирѣ Великомъ; прочія же области отторгнуты Литвою и черезъ Литву попали въ складъ Рѣчи-посполитой по люблинской уніи, о которой скажемъ нѣсколько словъ.

Эта унія далеко не была такъ добровольна со стороны Литвы, какъ утверждаетъ польскій историкъ ²⁾; самъ онъ говоритъ, какъ поляки приставали къ королю Сигизмунду Августу, чтобы онъ силою своей власти докончилъ дѣло уніи, и какъ на послѣднемъ засѣданіи люблинскаго сейма представители Литвы, видя непоко-

¹⁾ Это въ 1569 году, а въ предѣлахъ 1667 г. какъ на картѣ, около 14 тыс. кв. м.

²⁾ Шуйскій, II. 321. Слова, отмѣченныя чужесловомъ, приводимъ по тексту, помѣщенному у Кояловича, XCIV. док. № XIII, вмѣсто краткихъ словъ Шуйскаго: «умоляли, чтобы ни въ чемъ не оскорблялъ чести литовскаго народа».

лебимую волю короля, упали на колѣни передъ нимъ и со слезами говорили: „Умоляемъ тебя, государь, благоволи устроить насъ такъ, чтобы это было съ честію для всѣхъ, а не съ униженіемъ, чтобы при этомъ сохранилось доброе наше имя и твоя царская совѣсть. Помни, ради самого Бога, въ чемъ ты намъ присягалъ!“

Литвины дорожили самостоятельностью своего княжества и сохраненіемъ своей народности, которая далеко не гармонировала съ польской, ни языкомъ, ни вѣрой, ни законами и обычаями. Они имѣли свою исторію, свое прошедшее, отдѣлявшее ихъ стѣною отъ Польши ¹⁾. Насколько самъ Ягелло чувствовалъ себя литвиномъ въ Польшѣ, свидѣтельствуется желаніе его, по смерти Ядвиги, сложить съ себя корону. Но паны польскіе удержали его отъ этого, внушили ему жениться вторично и дали ему время опомниться, такъ что онъ задался мыслью соединить оба народа неразрывнымъ союзомъ, что и совершилъ на городельскомъ сеймѣ въ 1413 году, давши литвинамъ особыя преимущества, польскіе гербы и сеймы, а русскимъ только тѣмъ, которые измѣняютъ православной вѣрѣ ²⁾. Это была первая попытка внести въ Литву польское шляхетство и папское главенство. Черезъ 23 года (1436) была введена инквизиція, опередившая 43-ми годами испанскую, подъ вѣдѣніемъ доминиканца Николая изъ Лэнчиць. Ее помнили и въ либеральное время въ 1555 году ³⁾.

Но городельскій сеймъ подорванъ грамотой 1443 г. Владислава Варненскаго, уравнившей русскихъ въ пра-

¹⁾ По выраженію его же, Шуйскаго, II, 38.

²⁾ Кояловичъ, Докум. II и III.

³⁾ Нарбутъ, Dzieje nar. Lit. IX, 471—472. Кулеша, Wira prawosławna, с. 162, изд. 1702. Лелевель, II. Cons. 114.

вахъ съ латинянами, на томъ будтобы основаніи, что церкви восточная и западная соединились на флорентійскомъ соборѣ.

При томъ же Владиславѣ, подорвана не только персональная, но и политическая унія между Польшею и Литвою. Литвины посадили на свой престолъ Казимира, который, будучи призванъ (1444) на польскій престолъ, оставляя Литву, актомъ 2-го мая 1447 года гарантировалъ неприкосновенность литовскихъ границъ, нарушаемыхъ вторженіями поляковъ въ Волинь и Подоль, а литвины, которые, по выраженію Бѣльскаго ¹⁾, „боялись, чтобы имя ихъ и слава не погибли, а Литва не обратилась въ Польшу,“ отослали назадъ шляхетскіе гербы ²⁾, розданные имъ на городельскомъ съѣздѣ.

Это чувство сохраненія своей народности не изгладилось до позднѣйшихъ временъ; никакія нивелаторскія усилія іезуитовъ не могли затереть разнь между литво-русскимъ и польскимъ народомъ. Литворуссы не долюбивали поляковъ и, подобно малоруссамъ, называли ихъ „ляхами“, какъ видно изъ рѣчи посла Мѣлешка на сеймѣ, происходившемъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ ³⁾ люблинской уніи. Литва долго еще тянула къ Москвѣ, какъ это увидимъ дальше, а когда представился случай, во время шведской войны, охотно, по извѣстному договору Радзивилла, отдѣлилась отъ Польши.

И не состоялась бы никогда люблинская унія, если бы не ливонская война 1562 года, въ которой поляки не хотѣли помогать Сигизмунду Августу иначе, какъ съ

¹⁾ Kronika jego, помѣщенная въ «Zbiórze pisarzów polskich». Warszawa. 1838. I. 8, XIV, 252. Дальше о люблинской уніи см. мои Dzieje Polski. § 82-84.

²⁾ Стрыковскій, II. 232.

³⁾ См. Приложение II.

условіемъ, чтобы онъ довершилъ соединеніе Литвы съ Польшею. Сигизмундъ Августъ, безпечный какъ всѣ Ягеллоны, и преданный сластолюбію, не слишкомъ заботился о будущемъ. Не имѣя дѣтей, онъ объявилъ на варшавскомъ сеймѣ (13 марта 1564), что отрекается отъ потомственнаго владѣнія Великимъ Княжествомъ и предоставляетъ литвинамъ избрать себѣ, по его смерти, любаго монарха, но нераздѣльно съ поляками, такъ чтобы новый избранникъ былъ вмѣстѣ королемъ и великимъ княземъ. Литвины согласились на эту „персональную унію“, но поляки, въ своемъ высокомѣрїи, требовали, чтобы Литва слилась съ Польшею въ одно государство Польское. Это возбудило снова народную вражду, и дѣло затянулось на цѣлыя пять лѣтъ.

Видя непреклонность Литвы, поляки задались планомъ оставить ее до извѣстной степени самостоятельною, но обрѣзать ее территориально, отдѣливъ отъ нея лучшія земли: Волинь, Подоль и кievскую Украину, т. е. Малороссію. Сигизмундъ Августъ на это согласился. Литвины запротестовали, утверждая, и весьма справедливо, что Малороссія, завоеванная Гедиминомъ, всегда была подъ властію Литвы; но малороссійскіе послы насильно были вытребованы и насильно приведены къ присягѣ на соединеніе съ Польшею ¹⁾). Такимъ образомъ, на люблинскомъ сеймѣ 1569, поляки оборвали литовскую территорію; послы земель подляской, волинской и кievской подписали договоры соединенія съ Польшею отдѣльно (5 марта, 27 мая и 6 июня); прочіе послы протестовали и большею частію разѣхались по домамъ; остальные же подписали договоръ соединенія 1 іюля отъ имени Великаго княжества литовскаго, на

¹⁾ Дневникъ Люблинск. сейма, издан. Дзялынскимъ, 69, 71, 82, 108). См. у Кояловича ХСII. См. мои Dz. Polski, стр. 96.

условіяхъ, которыя не составляли полного сліянiя и подходили ближе къ персональной уніи, или къ вѣчному оборонительно-наступательному союзу.

По люблинскимъ договорамъ положено: обоимъ народамъ соединиться въ одну „Польскую Рѣчь-посполитую или республику“, подѣ властію одного монарха, избираемаго совокупно поляками и литвинами; сеймы держать общіе, въ Варшавѣ; воевать или мириться съ посторонними державами не иначе, какъ съ обоюднаго согласія; а впрочемъ, „Коронѣ“ (такъ названа Польша) и Литвѣ (т. е. Великому княжеству литовскому, обрѣзанному территоріально) сохранять свою автономію, свое войско, свою казну и свою внутреннюю организацію.

На основаніи этихъ договоровъ, примкнувшія къ Польшѣ русскія земли Волинь, Подоль и Украина говорили себѣ автономичныя условія, которыя, впрочемъ, сдѣлались вскорѣ мертвой буквой. По этимъ условіямъ, названныя земли присоединены къ Коронѣ, „какъ равныя къ равнымъ и вольныя къ вольнымъ“; судъ положено производить по статуту литовскому; всѣ акты и самыя декреты королевскіе писать порусски; всякаго дворянина тамошняго, римской ли онъ вѣры или православной, допускать безразлично къ должностямъ въ Коронѣ; тамошнія же мѣста, свѣтскія и духовныя, раздавать только природнымъ дворянамъ волинскимъ и кіезскимъ, сохраняя всю свѣтскую и духовную іерархію, какъ римскаго, такъ и греческаго закона, въ прежнемъ чинѣ. Тоже было предоставлено и Подлясью, за исключеніемъ литовскаго статута и русскаго языка. ¹⁾

Общею статьею этихъ договоровъ, какъ главной пружиной взаимнаго союза, все литво-русское дво-

¹⁾ Konstitucje, Statuta y Przywileje od r. 1550 aż do r. 1616 uchwalone. Kraków, 1616. 167, 173, 175.

рянство сравнено въ политическихъ правахъ съ польскою шляхтою, и всѣ имѣнія князей, пановъ, шляхты, рыцарства и духовенства обоихъ исповѣданій въ Литвѣ, Волыни, Кіевѣ и Подлясѣ, освобождены отъ податей и налоговъ, кромѣ двухъ грошей съ „влоки“ (уволоки) или одного гроша съ дыма.

Люблинская унія прославлялась и прославляется въ польскихъ сферахъ; современный намъ историкъ, бичующій безпощадно польскую анархію, превозноситъ однако унію, какъ дѣло „отечественной самородной цивилизаціи“ (? ¹⁾); но чѣмъ же Польша удивилизовала Литву? Развѣ только тѣмъ, что внесла въ нее свою анархичную закваску. Нѣтъ, это не цивилизація, а „деморализація“, какъ выразился другой ученый историкъ ²⁾. До уніи, аристократія, почти вся княжескаго литво-русскаго рода, примыкала къ низшему дворянству, а это — къ народу, передавая ему долю своихъ благъ. Угнетеніе, рабство дворянства и крестьянства было злоупотребленіемъ, но не юридическимъ, возведеннымъ въ законъ, какъ въ Польшѣ, гдѣ крѣпостное право фактически существовало уже въ теченіе XIV вѣка, при Казимирѣ Великому (прозванномъ королемъ хлоповъ, за защиту крестьянъ), а въ концѣ XV вѣка, именно статутомъ 1492, признано закономъ ³⁾. Значитъ, унія внесла въ Литву крѣпостное рабство, хлопство. Литво-русское мѣщанство было лѣстницею между крестьянствомъ и благородными сословіями: оно пало, уступивъ мѣсто жидамъ. Латинская церковь, подъ давленіемъ протестаантизма, была въ развалинахъ: нужно было ее возсоздать, для чего и призваны іезуиты, эти

¹⁾ Шуйскій, II. 323.

²⁾ Лелевель, I. 183.

³⁾ Лелевель, II. Considér., 140, и I. 56.

піонеры релігійознаго фанатизма. Гдѣ же тутъ цивилизація? Напротивъ, Польша только деморализовала Литву и похоронила ее подъ своими развалинами. Тотъ же историкъ, нѣсколько строкъ дальше, даетъ уніи иное значеніе. „Если бы не унія“, говоритъ онъ ¹⁾, „никогда бы Польша, среди столькихъ опасностей и съ такою исключительною (т. е. анархичною) организаціею, не прожила послѣдующихъ двухъ вѣковъ“. Значить, поляки эксплуатировали Литву для того, что безъ соединенія съ нею не надѣялись прожить и двухъ вѣковъ. Если бы Баторію удалось, какъ онъ желалъ ²⁾, соединить Московскую Русь съ Литовскою и Польшею, то результатъ вышелъ бы тотъ же. Рѣчь-посполитая рухнула бы вмѣстѣ съ Литовскою и Московскою Русью, но съ тѣмъ громаднымъ различіемъ, что на мѣстѣ нынѣшняго самостоятельнаго славяно-русскаго государства, красовались бы на европейской картѣ надписи: Швеція, Германія и Татарія. Провидѣніе не допустило такой плачевной катастрофы. Увидимъ дальше, какъ тотъ же историкъ честитъ католическій характеръ уніи. Сигизмундъ-Августъ, по своей ягеллонской безопасности и распутной, въ послѣдніе годы, жизни, едва-ли думалъ о послѣдствіяхъ склееннаго имъ союза и не позаботился даже о томъ, чтобы назначить себѣ преемника, для предупрежденія междуцарственныхъ смуть, извѣстныхъ ему хорошо изъ отечественной исторіи, которой тогда учили не только королевичей, но и всякаго порядочнаго шляхтича. Довольно ему было вспомнить безкорольеве послѣ смерти Людовика ³⁾, когда Польша очутилась на волосокъ отъ гибели.

¹⁾ Шуйскій, II. 323.

²⁾ Албертгранди, 344.

³⁾ Какъ о томъ дальше.

Прослѣдимъ прочіе элементы политическаго строя Рѣчи-посполитой по люблинской уніи ¹⁾.

Населеніе Рѣчи-посполитой, за исключеніемъ жидовъ и небольшого числа иноплеменниковъ, заключало въ себѣ главнымъ образомъ три народности: польскую, русскую и литовскую. Опредѣливъ выше, почти безошибочно, пространство территоріи, мы далеко не можемъ означить положительно цифру населенія, за неимѣніемъ статистическихъ данныхъ того времени. На этомъ пространствѣ, въ настоящее время, насчитывается 31.000,000 жителей: сколько же ихъ было тогда? ²⁾. Мы останавливаемся на цифрѣ 12-ти миліоновъ, принимаемой вообще изслѣдователями польской старины. Въ этой цифрѣ, не ошибаясь, можно считать поляковъ 4 м-на, русскихъ 5 м-въ, а остальное число отнести къ литви-

¹⁾ По извѣстному уважаемому сочиненію Ленгниха: *Przewo rosposlitate Królestwa Polskiego, Kraków, 1836.*

²⁾ Если прибавить, по деулинскому договору (1618), смоленское и черниговское воеводства, то въ предѣлахъ старой Польши обитаетъ теперь (1870) 34.000,000. Сколько же ихъ прибыло въ теченіе 252 лѣтъ? По географіи Бюшинга, передъ первымъ раздѣломъ населеніе это составляло 9 м-въ, но это мало. Гаттереръ насчитываетъ отъ 12-ти до 15-ти м-въ. Лелевель (*Hist. de P. I. 340*) назначаетъ 20 м-въ, въ т. ч. 3 м. шляхты, 4 м. мѣщанъ, 11 м. сельскаго люда и 2 м-на жидовъ. По Нѣмцевичу (*Ranow. Zygmunta III, въ предисловіи с. XI*) было 10 м-въ. Смитъ (*Сувор. и пад. Польши, II. 62*) полагаетъ 12 м-въ, хотя тутъ же говорить, что черезъ восемь лѣтъ, въ 1803 г. насчитывалось въ трехъ частяхъ польскихъ 14^{1/2} м-въ. Принявъ во вниманіе, что въ описываемую нами эпоху, вслѣдствіе опустошительныхъ войнъ, татарскихъ набѣговъ, моровыхъ повѣтрій, голода и дурной администраціи, ростъ населенія былъ самый незначительный, мы останавливаемся на общепринятой цифрѣ 12-ти миліоновъ. впредь до открытія какихъ-либо новыхъ, впрочемъ неожиданныхъ данныхъ. Цифра эта принята мною уже въ моихъ *Dzieje Polski § 92.*

намъ, леттамъ, нѣмцамъ, волохамъ, татарамъ и жидамъ (которыхъ могло быть не менѣе полумиліона).

Въ этой пестротѣ народностей отражалось и разнообразіе вѣроисповѣданій. Поляки были католики, но въ высшей шляхтѣ, между магнатами, сильно заронился протестантизмъ, такъ что подъ конецъ царствованія Сигизмунда Августа, въ сенатѣ засѣдало не болѣе двухъ католиковъ ¹⁾. На пѣтровкаскомъ сеймѣ (1562²/₃) объявлена была даже свобода вѣроисповѣданія и отнять у епископовъ духовный судъ надъ еретиками, по отщепенству. Но Римъ не дремалъ, и папскій легатъ Комендони успѣлъ на парчовскомъ сеймѣ (1564) склонить къ принятію постановленій тридентскаго собора и выхлопоталъ эдиктъ, возбраняющій отщепенство, подъ страхомъ строгихъ наказаній. За это бискупы, недопускавшіе никакихъ податей съ духовныхъ имѣній, согласились платить по 10 грошей съ влоки, но участвовать въ посполитомъ рушеньѣ никакъ не соглашались. Въ то же время кардиналъ Гозій, бискупъ варминскій, призвалъ іезуитовъ, которые вскорѣ возстановили пошатнувшійся католицизмъ.

Реформація, однако, дѣлала еще успѣхи; лютеране, кальвины, чешскіе братья, все это дружно соединилось на сендомирскомъ синодѣ (1570) и было причиною, что партія иновѣрцевъ или диссидентовъ, во время перваго безкоролевья, играла не послѣднюю роль. Но католическая реакція взяла свое. Іезуиты такъ распорядились, что въ короткое время, при Сигизмундѣ III, вмѣсто двухъ католиковъ, оказалось въ сенатѣ только два дис-

¹⁾ Самъ даже Сигизмундъ Августъ хотѣлъ переменить вѣру, но раздумалъ, по увѣщаніямъ Гозія, Бантке, 11, 132. Многие епископы и самъ примасъ Уханскій, хотѣли отторгнуться отъ папской власти. Лелевель, I. 189.

сидента. Какъ духовники короля и магнатовъ, они овладѣли кормиломъ правленія и, прибравъ къ рукамъ шляхетское образованіе, создали изъ Польши папскую провинцію¹⁾. Поляки такъ железко повернули къ католицизму, какъ передъ тѣмъ—къ протестантизму, доказавъ только непостоянство и вѣтренность своего характера: „Иные народы, пройдя черезъ реформацію, вышли на высокую степень развитія„, говоритъ польскій историкъ,²⁾ а поляки остались тѣмъ же, чѣмъ были: мертвыми для движенія и прогресса европейскаго. Потому-то католическія мысли униі—покоренія Москвы, борьбы съ турками—улеглись въ шляхетской головѣ спокойно, рядомъ съ цѣлымъ шляхетскимъ кодексомъ вольностей, на который папы и цесари, а съ другой стороны монархисты и политики новой Европы смотрѣли съ отвращеніемъ и удивленіемъ, какъ на уродливость. Потому-то новая Европа не могла никогда поладить съ этимъ чудовищнымъ государствомъ, которое вольнодумствомъ своихъ учрежденій опередило самыхъ отважныхъ либераловъ, а плѣсенью своихъ средневѣковыхъ стремленій походило на европейскій Китай... Потому-то Европа пришла наконецъ къ убѣжденію, что Польша—это перечущая на свѣтѣ мумія, которую всего лучше было бы разбить. Это исключительное положеніе и настроеніе Польши объясняетъ намъ ея исторію и ея паденіе“. Мы охотно подписались бы подъ этими словами правды, прощая автору его только что высказанныя палинодіи польской цивилизаціи. Затормазивъ посредствомъ іезуитизма реформацію, воспламенивъ религіозный фанатизмъ³⁾, Рѣчь-

¹⁾ О іезуитизмѣ, см. дальше.

²⁾ Шуйскій, III. 6.

³⁾ О фанатическомъ настроѣ народа, замѣченномъ между жителями Варшавы, пишетъ Лабурёръ. См. приложение VI.

посполитая не истребила диссидентовъ: они остались, чтобы, два вѣка спустя, на радомской конфедераци, вызвать первый ея раздѣлъ.

Русское населеніе, составлявшее почти половину общаго населенія Рѣчи-посполитой, исповѣдывало довольно спокойно, даже послѣ флорентійской уніи (1439), отликнувшейся въ русской церкви, свою православную вѣру. Но тотъ же іезуитизмъ, подорвавшій реформацію, накинудся вскорѣ, спустя не болѣе двадцати пяти лѣтъ (1596), на православіе. Брестская унія подняла казаковъ, за ними весь южно-русскій народъ, на защиту вѣры своихъ предковъ, и оторвала отъ Рѣчи-посполитой значительную часть русской земли. Къ эпизоду этому мы придемъ, когда пойдетъ рѣчь объ анархіи.

Евреи въ то время были тѣмъ же, чѣмъ и теперь. Они терпѣливо сносили свое презрѣнное положеніе и эксплуатировали польскую шляхту, какъ арендаторы, ростовщики и мелкіе торгаши. Латинская пропганда, свирѣпствовавшая противъ христіанъ некатоликовъ, не трогала ни жидовъ, ни татаръ.

Въ 12-ти мил-омъ населеніи одно лишь сословіе, въ составѣ отъ 500 до 800 т-чъ, составляло республику-собственно и провозглашало высокіе принципы „вольности, равенства и независимости“ народа ¹⁾: это была „шляхта“ происхожденія не славянскаго ²⁾: ее-то польскіе и иностранные писатели называютъ „нацією, народомъ“; народъ же собственно составлялъ касту „хлоповъ“, ра-

¹⁾ Wolność, równość, niepodległość. Niepodległość, независимость, по французски Лелевель переводитъ souveraineté, что почти тоже.

²⁾ По Шайнохъ, Szkice II. 236, норманскаго. Но вопросъ о происхожденіи «леховъ» или «ляховъ» также ожидаетъ разрѣшенія, какъ и нашъ вопросъ о происхожденіи «варяговъ-руси».

бовъ¹⁾). Среди шляхты съ древнѣшихъ временъ образовались два класса: „старшіе и младшіе братья“. Младшими братьями называли бѣдную шляхту, носившую жупанъ и епанчу (оройсзе, въ родѣ охабня) сѣраго цвѣта, отчего и прозвали ее „сѣренькою, сѣрашцами“, (szaragazkowa). „Старшими братьями“ величали богатыхъ пановъ, между которыми многіе задумывали порвать связь братства со шляхтою, и составить особое сословіе. По примѣру Радзивилловъ, въ Литвѣ, получившихъ въ 1518 г. отъ германскаго цесаря княжескій титулъ, многіе вельможи покупали и поискивали титулы графовъ германской имперіи. Цесари и римскій дворъ охотно предлагали честолюбцамъ желаемыя почести. Иные пренебрегали такимъ почетомъ, предпочитая свое шляхетское достоинство. Другіе учреждали маюраты (ординаціи), для обезпеченія своихъ помѣстьевъ за однимъ наслѣдникомъ ихъ имени. Сигизмундъ 1 ягеллонъ (царствовавшій съ 1506 по 1548 г.) противился этой розни въ шляхтѣ, но аристократичный духъ не унывалъ, и придумалъ, для удержанія отличія, усвоеннаго громадными ихъ богатствами, создать сословіе „магнатовъ“, — положеніе высшее надъ шляхтою. Неудовольствіе было послѣдствіемъ этихъ происковъ. Королева Бона, супруга Сигизмундова, хитрая италіанка, не пропускала случая раздуть ненависть между самими вельможами. Гетманъ графъ Тарновскій ненавидѣлъ краковскаго воеводу Кмиту, который, не будучи графомъ, имѣлъ однако вѣсъ надъ младшими братьями. Королева покровительствовала людямъ негодныхъ, продавая имъ мѣста. Однажды, въ пылу гнѣва, она упрекнула бискупа краковскаго Зебржидовскаго въ томъ, что онъ купилъ у нея епископство. „Да, возразилъ бискупъ, я купилъ, потому

¹⁾ Лелевель, II. 200.

что оно продавалось¹⁾. Вотъ эти магнаты, прозванные корольками или поукраински „королевами“ (królewicami)²⁾, заправляли всей Рѣчью-посполитою, вели свою политику и предпринимали на свою руку походы за границу. Исторія магнатскихъ домовъ — это исторія Польши. Ихъ было немного. Настоящимъ магнатомъ былъ тотъ, кто содержалъ у себя отъ 500 до 10 т-чъ своего надворнаго войска, свой дворъ, не уступавшій королевскому, въ которомъ шляхта исполняла дворовую службу, и гнула шею съ унижительными выраженіями: „упадамъ до нугъ, цалуе ноги паньске“ и т. п.

Тѣмъ не менѣе шляхтичъ гордился своимъ званіемъ и твердилъ: „шляхтичъ въ загородѣ равенъ воеводѣ“³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, шляхта, по законамъ или по статутамъ и конституціямъ, приобрѣла неограниченныя права и преимущества, начало которымъ положилъ король венгерскій Людовикъ, преемникъ Казимира В. въ 1374 г. освободивъ шляхту кошицкимъ договоромъ отъ всякихъ податей или данинъ и отъ всякихъ повинностей или работъ, кромѣ уплаты двухъ серебряныхъ грошей съ лана земли⁴⁾, съ обязанностью нести исключительно воинскую службу, въ случаѣ опасности со стороны враговъ, причемъ ей одной предоставлялись гражданскія должности и старѣства. Такимъ образомъ не шляхтичъ, устранимый отъ военной и гражданской службы, переходилъ въ сословіе „кметей“, или закрѣпощенныхъ въ послѣдствіи хлоповъ.

1) Лелевель, I. 112.

2) Шайноха. III. 175: Urazy królewiat polskich. Лелевель. II. Consid. 222.

3) Szlachcic na zagrodzie rówien wojewodzie. «Zagroda» собственно застѣнокъ.

4) Ланъ, влока, 15 десятинь. Грошъ равнялся 71 сантимамъ, или 42 к. с., слѣдовательно, приходилось по 5½ коп. на десятину. Лелевель, I. 87.

Благодаря добродушію и безопасности Ягеллоновъ, призванныхъ на польскій престолъ, шляхта увеличивала свои приобрѣтенія. Такъ Ягелло, при коронаціи своей, привилегією 1386 года, упразднилъ королевскихъ судей по дѣламъ уголовнымъ и тѣмъ подчинилъ хлоповъ шляхетскому суду. Въ 1404 году шляхта собралась предварительно на провинціальныхъ съѣздахъ для разсмотрѣнія, дать ли денегъ королю на выкупъ Добржинской земли, а потомъ съѣхалась въ Новомъ Корчынѣ на общій сеймъ. Это положило начало „сеймикамъ“ ¹⁾. Въ 1430 году, въ Едльнѣ, шляхта выговорила себѣ право на денежное вознагражденіе, въ случаѣ войны за границую. Въ 1468 г., при Казимирѣ, она выслала по два посла или депутата на пѣтрковскій сеймъ для постановленія налоговъ. Эти послы, избранные на повѣтовыхъ сеймикахъ, снабжались инструкціями и, по возвращеніи съ сейма, отдавали отчетъ своимъ довѣрителямъ на такъ называвшихся „реляціонныхъ сеймикахъ (первый былъ въ 1472 г.)“ ²⁾. Такимъ образомъ сложился сеймъ, въ установленной формѣ, изъ двухъ палатъ (избѣ), посольской и сенаторской. На пѣтрковскомъ сеймѣ (1496) состоялся органическій законъ или статутъ, въ сплу котораго король ничего, безъ общаго согласія сенаторовъ и пословъ, постановить не можетъ; мало того, этотъ же сеймъ запретилъ плебеямъ владѣть землею и однимъ почеркомъ пера лишилъ всѣхъ кметей или крестьянъ всякой собственности ³⁾.

Казалось бы, что шляхта, послѣ этого, достигла полнаго самоуправленія; но въ дѣйствительности вышло совсѣмъ иначе. Самоуправленіе или скорѣе самоуправство осталось за магнатами.

¹⁾ Бѣльскій, XIII. 218.

²⁾ Онъ же, XV. 179.

³⁾ Лелевель, II. Consid. 141.

Между магнатами и сѣрашками былъ родъ средней шляхты „земянь“, земцевъ или помѣщиковъ, крупныхъ и мелкопомѣстныхъ. Крупные попадали въ сенаторы, въ воеводы и каштеляны, и принимали магнатскій тонъ, но группировались около настоящихъ магнатовъ, составляя ихъ партіи. Впрочемъ, каждый шляхтичъ, желавшій проложить себѣ дорогу ¹⁾, долженъ былъ избрать себѣ какой-нибудь дворъ магната и служить ему душою и сердцемъ. Онъ исправлялъ должность *dworzani*, или „покоеваго“, а порой маршалка или дворецкаго. Низшія должности или дворовую службу, отъ эконома до кучера, лакея, повара и т. д. несли сѣрашки-малоземельные (загоновые, ходачковые), или вовсе безземельные, которые, по праву сильнаго магната, употреблялись на панщину и незамѣтно обращались въ хлопковъ ²⁾. Шляхтичъ на панскомъ дворѣ также раболѣпствовалъ, какъ хлопъ передъ своимъ помѣщикомъ: панъ могъ его даже наказывать розгами, съ условіемъ только, чтобы экзекуція производилась на разостланномъ коврѣ ³⁾.

Оттуда выработались странныя понятія о гражданскихъ обязанностяхъ. Вольность, свобода, въ понятіяхъ шляхты, равнялась своеволію: всякому вольно дѣлать, что ему угодно, если на то у него хватитъ силы. Законы, наполнявшіе *volumina legum*, обязывали настолько, насколько кто-нибудь отъ нихъ могъ увернуться. Въ принципѣ, н. п. была вольность въ выборѣ короля, но его навязывали силою оружія. Личная вольность и безопасность были призракомъ, коль скоро каждый сильнѣйшій, по кулачному праву, могъ обидѣть слабѣйшаго, что

¹⁾ Пишетъ Бартошевичъ въ статьѣ: *Józef Sosnowski*, помѣщенной въ *Pismo zbiórowe*. 1859. 137—196.

²⁾ Лелевель. I. 188.

³⁾ Шмитъ, *Dzieje Polski*. I. 160.

именно и произвело ту несчастную шляхетскую клиентелю, которая прислуживала въ панскихъ дворахъ, чтобы избавиться отъ насилій всякаго рода. Вольность коллективная шляхты, на сѣздахъ и собраніяхъ, на выборахъ въ трибуналы, на сеймикахъ для выбора пословъ,—оказывалась тоже пустою фразою, когда тотъ, кто являлся съ многочисленнѣйшею вооруженною прислугою, въ сопровожденіи мелкой шляхты, выбиралъ, кого ему было угодно. А такъ называемые наѣзды? Вельможный панъ, съ своею надворною дружиною, налеталъ на бѣднаго сосѣда и выгонялъ его изъ дому. Жаловался бѣднякъ; но въ трибуналѣ засѣдали клеветы вельможнаго пана. Удивительно, въ самомъ дѣлѣ, какъ эта самая шляхта, обрывая королевскую власть, чтобы она случайно не выросла въ самодержавную, сносила безропотно необузданный деспотизмъ магнатовъ, не чувствовала своего приниженія и „ползала въ прахѣ, какъ стадо рабовъ, передъ ясновельможными и освѣцонными панами“¹⁾.

Если шляхта, которой законами обезпечено было гражданское равенство, была такъ угнетаема старшими братьями, то легко представить себѣ положеніе сельскаго люда, или крестьянъ. Уже Казимиръ Великій въ XIV вѣкѣ прикрѣпилъ ихъ нѣкоторымъ образомъ къ землѣ, дозволивъ только въ извѣстныхъ случаяхъ переходить кметямъ отъ одного владѣльца къ другому. Ягелло, какъ выше сказано, подчинилъ ихъ суду шляхты. По статутамъ же пѣгровскому и радомскому, они не только лишились личной свободы, но и принадлежавшей имъ земли, сдѣлавшись въ полномъ смыслѣ „хлопами или подданными“ шляхты. Помѣщикъ прибрѣлъ

¹⁾ Ш м и т ъ, I. 159. 160.

право жизни и смерти ¹⁾ надъ ними, которымъ и пользовался до 1763 года, когда сеймъ, подъ натискомъ Россіи, постановилъ, чтобы господинъ, за убійство хлопа, отвѣчалъ передъ судомъ, какъ за свободнаго человѣка.

„И ваши уста полны свободы“, говоритъ современникъ ²⁾, „тогда, какъ у васъ одно лишь варварское рабство, предоставляющее жизнь человѣка на волю его господина. И какую же свободу даютъ крестьянину? Онъ платитъ десятину, платитъ подати; онъ пашетъ землю, лишенный всѣхъ гражданскихъ правъ; онъ долженъ бы пользоваться какимъ нибудь правосудіемъ, но ему рѣшительно въ томъ отказываютъ. Шляхта считаетъ крестьянъ и всѣхъ плебеевъ собаками. Такъ выражаются эти гнусные люди, которые, убивъ крестьянина, считаемаго ими дрянью земли („хлопомъ“), говорятъ, что они убили „собаку“. Словомъ, были только „паны и хлопы или подданные“, замѣчаетъ ученѣйшій польскій историкъ. Чувство гуманности и интересы государства требовали отмѣны этого безобразія; но шляхта была такъ вѣтрена, такъ безразсудна, что наносила вредъ самой себѣ и превращала республику, славившуюся своими вольностями, въ вертепъ рабства ³⁾. И это упорство въ сохраненіи вѣрнопостничества продолжалось до самаго паденія Рѣчи-посполитой. Люди умные и добросовѣстные пытались, даже на сеймахъ, сломить это упорство; но голосъ

¹⁾ См. Лелевеля, II. *Considér.* 140—148. За убійство хлопа шляхтичъ отдѣлывался денежной пеней. Голова хлопа, оцѣненная въ 1570 году, въ 90 франковъ (10 марокъ), стоила въ началѣ XVIII вѣка влѣдствіе упадка курса только 15 франковъ. Онъ же, II. *Consid.* 294.

²⁾ Знаменитый Модржевскій, авторъ соч. *De republ. emend.*, цитируемый Лелевелемъ II. *Consid.* 162. Сочиненіе его издано въ 1554 и 1559 г. по латынѣ.

³⁾ Лелевель, I. 189, и II. *Consid.* 159.

ихъ раздавался въ пустынь. Не то чтобъ надѣлать землю крестьянина, но даже о томъ, чтобъ освободить его лично отъ рабства, шляхта не позволяла себѣ и думать, такъ что пресловутая конституція 3-го мая оставила вопросъ этотъ открытымъ. Косцюшко, поднимая возстаніе въ 1794 году, видѣлъ одно спасеніе въ ополченіи крестьянъ и потому въ воззваніи отъ 7 мая, не упоминая ни словечкомъ о пресловутой конституціи, порицалъ порабощеніе сельскаго люда, какъ источникъ всѣхъ бѣдъ и несчастій общественныхъ, поручалъ его попеченію порядковыхъ комисій, убавлялъ число панщинныхъ дней, и семейства павшихъ воиновъ освобождалъ на время войны отъ всякой панщины ¹⁾). И что же? шляхта подняла ропотъ: зачѣмъ-де отрывать народъ отъ работы и наносить вредъ хлѣбопашеству! ²⁾). Послѣ этого, еще 70 лѣтъ прошло до 1864 года, когда, по мановенію Царя-освободителя, польскій хлопь избавился отъ панскаго гнета и получилъ землю, отнятую у него шляхтою на сеймѣ 1496 года.

Мы въ самомъ началѣ привели отзывъ папскаго нунція Рудзьbero о польскихъ магнатахъ и шляхтѣ. Лѣтъ восемьдесятъ послѣ него французскій инженеръ, находившійся въ польской службѣ, Бопланъ, такъ характеризовалъ польскихъ шляхтичей: „Почтительны и услужливы передъ высшими господами и коронными сановниками, учтивы и ласковы съ равными себѣ соотечественниками, горды и несносны съ низшими“ ³⁾). Современникъ Боплана

¹⁾ Шмитъ, I. 194; Шуйскій, IV. 706.

²⁾ Лелевель, I. 225. О положеніи польскихъ крестьянъ отсылаемъ читателей къ приложенію VII, въ которомъ заключается извлеченіе изъ добросовѣстнаго труда Лелевеля, до сихъ поръ неизвѣстно почему, недостойнаго перевода съ французскаго на польскій языкъ.

³⁾ См. приложеніе V.

Лабурёрь приводитъ слѣдующія слова одного знакомаго ему шляхтича: „Земля наша самая лучшая въ свѣтѣ, а такъ какъ она отъ насъ ускользнуть не можетъ, то мы и предпочитаемъ скорѣе жить въ безпорядкѣ, нежели въ порядкѣ; а если мы плохіе хозяева, то намъ, въ силу привилегій нашихъ, опасаться разоренья нечего: намъ по этому и не приходится никогда думать о нашихъ дѣлахъ. Живемъ мы настоящимъ, не заботимся о будущемъ. Матеріальныя блага вещь случайная, а шляхетство вѣчно: оно составляетъ богатство и силу нашихъ земель ¹⁾“. Еще лѣтъ тридцать спустя, намѣтилъ шляхту король Янъ Собѣскій въ письмѣ своемъ къ Людовику XIV, въ которомъ онъ, по поводу образованной имъ конфедераціи съ цѣлью свергнуть короля Михаила съ престола, заявилъ, что конфедерація имѣетъ также въ виду „избавить республику отъ этой глупой тираниіи плебейской шляхты“ ²⁾. Но умнѣе ли была тираниа вельможной магнатеріи? Намъ кажется,—и ходъ событий это подтвердилъ,—что магнаты нисколько не заявили государственнаго ума, и порабощая шляхту плебейскую и неплебейскую, довели своей безразсудной политикой республику до катастрофы 1795 года.

¹⁾ См. приложеніе VI.

²⁾ Рюльеръ, I. 61. «Pour soustraire la république á cette sottte tyrannie de la noblesse plébéienne».

ГЛАВА II.

Сеймъ. — Финансы. — Войско и посполитое рушенье. — Вольный
голосъ.

Сеймъ соединялъ въ себѣ атрибуціи верховнаго законодателя, судьи и правителя. Онъ состоялъ изъ двухъ палатъ, сенаторской и посольской. Въ сенаторской засѣдали всѣ бискупы съ примасомъ архиепископомъ гнѣзненскимъ, воеводы, каштеляны и министры или дигнитари: великій канцлеръ, какъ хранитель королевской печати, великій маршалокъ, заправлявшій судною частью при королевскомъ дворѣ, великій подскарбій или министръ финансовъ и великій гетманъ или главнокомандующій войскомъ, онъ же и военный министръ. У канцлера и гетмана были товарищи: подканцлеръ и полевой (польный) гетманъ. Посольскую палату составляли послы или делегаты отъ шляхты, избранные на сеймикахъ. Число ихъ не всегда было одинаково.

До люблинской уніи считалось въ посольской палатѣ королевства 95 пословъ; съ присоединеніемъ же областей Литвы, прибыло еще 89. Пруссія высылала неограниченное число пословъ ¹⁾. Въ Сенатѣ, кромѣ бискуповъ, по воеводѣ и каштеляну отъ cadaго воеводства.

¹⁾ Лелевель, II. Consid. 172.

Сеймъ собирався обыкновенно, по универсаламъ короля, каждые два года на шесть недѣль, и могъ „лимитоваться“, т. е. продолжить этотъ срокъ на нѣкоторое время. Въ случаѣ особой важности, созывался чрезвычайный сеймъ. Во время безкорольвья происходили сеймы, получившіе названіе отъ предмета ихъ зачатій: конвокаціонный, элекціонный, коронаціонный и пацификаціонный, послѣдній называемый иногда экзэрбитаціоннымъ. По окончаніи сейма, послы обязаны были представить шляхтѣ на реляціонныхъ сеймикахъ отчетъ, въ точности ли они исполнили данныя имъ инструкціи, и въ случаѣ неисполненія чего нибудь, подвергались строгой отвѣтственности передъ шляхтою.

Сеймы, въ первое время, часто не доканчивались и расходились отъ несогласія меньшинства съ большинствомъ, а впослѣдствіи были срываемы голосомъ „не позволяемъ“ одного посла, какъ это дальше объяснится.

Главные пружины государственной жизни—финансы и военныя силы находились въ самомъ жалкомъ положеніи. Доходы зависѣли отъ количества сбора, назначаемого на сеймѣ, а какъ сеймъ назначалъ всегда какъ можно меньше, то казна была всегда почти пуста, или въ долгу. Цифра доходовъ въ это время простиралась до одиннадцати миліоновъ нынѣшнихъ злотыхъ (около 1.850,000 тысячъ рублей) ¹⁾; въ то число шляхта вносила едва седьмую часть, хотя получала съ своихъ имѣній, не считая пропинаціи (подати съ питей), болѣе 165 миліоновъ злотыхъ. Такъ какъ на содержаніе войска отдѣлялось около $11/12$ долей дохода, то на удов-

¹⁾ По Нѣмцевичу: Dz. pan. Zygmunta III, стр. XVП, — до 1.820. 450 тогдашнихъ злотыхъ, что составитъ около 11 миліоновъ нынѣшнихъ злотыхъ. Приводимая цифра относится къ 1630 году. Объ этомъ и о доходахъ вообще см. mon Dzieje Polski, пр. 206 и 208.

летвореніе прочихъ расходовъ поступало въ казну 350 тысячъ; за исключеніемъ же огромнаго оклада великаго гетмана (240 тысячъ злотыхъ ¹⁾) и прочихъ министровъ, въ казнѣ не оставалось ни гроша.

При такой финансовой обстановкѣ неизбѣженъ былъ упадокъ военныхъ силъ. Сначала главную силу составляло посполитое рушенье шляхты—все конное; пѣхота же нанималась преимущественно изъ венгровъ, въ числѣ не болѣе 15 тысячъ; но Сигизмундъ Августъ, на пѣтровскомъ сеймѣ (1563), положилъ начало постоянному войску, назначивъ на содержаніе его четвертую часть доходовъ (кварту) съ королевскихъ имѣній, отчего оно и получило названіе „кварцянаго“; а Баторій, въ виду неблагонадежности наемниковъ, завелъ сперва „выбранецкую пѣхоту“, изъ рекрутъ, набравшихся тоже въ королевскихъ имѣніяхъ; потомъ изъ тѣхъ рекрутъ и завербованныхъ охотниковъ образовались драгуны и рейтары, составлявшіе вмѣстѣ съ пѣхотою такъ названное „иностранное“ войско, какъ устроенное по нѣмецкому образцу. Собственно же „народовое“ войско составляла конница, вся изъ шляхты, подъ названіемъ гусаръ и панцерныхъ. Сверхъ того, была легкая конница изъ казаковъ, волоховъ и другихъ охотниковъ.

По люблинскому союзу, вся армія составляла два отдѣльныя войска „коронное и литовское“, подъ главнымъ начальствомъ двухъ „великихъ гетмановъ“ ²⁾, назначавшихся пожизненно, независѣвшихъ другъ отъ друга и отвѣтственныхъ одному сейму. При назначеніи своемъ, они получали булаву и, по татарскому

¹⁾ По Далераку — 60 тыс. франковъ. Полный получалъ 40 тысячъ злотыхъ.

²⁾ О происхожденіи и значеніи «Гетманства» писалъ Бартошевичъ въ журналѣ: *Pismo zbiór.* Январь 1859. С.-пб.

обычаю, бунчукъ, который носился передъ ними „бунчуковымъ“. Только въ военное время король принималъ, если хотѣлъ, главное начальство. Числительность войска, въ лучшее время, при Баторіѣ, доходила до 85 тысячъ ¹⁾; но впослѣдствіи, цифра эта, уменьшаясь по мѣрѣ уменьшенія денежнаго сбора, назначаемого сеймомъ, остановилась на 48 тысячахъ, въ томъ числѣ 32 тысячи короннаго и 12 тысячъ литовскаго. Гетманъ не былъ сенаторомъ, но засѣдалъ въ сенатѣ, получая отъ короля званіе воеводы или каштеляна, и какъ неограниченный распорядитель военной силы, представлялъ конечно первенствующую личность въ Рѣчи-посполитой. Онъ производилъ въ чины, награждалъ, или каралъ даже смертью, размѣщалъ войска по квартирамъ, по своему усмотрѣнію. Передъ выступленіемъ въ походъ составлялся въ совѣтѣ короля съ сенаторами планъ военныхъ дѣйствій; но исполненіе плана зависѣло отъ гетмана.

Кромѣ гетмановъ были высшіе чины въ Коронѣ и Литвѣ: стражникъ—начальникъ авангарда, обозный—квартирмейстеръ, писарь—начальникъ штаба, генераль артиллеріи и хорунжій, командовавшій посполитымъ рушеньемъ.

Войско было двоякаго рода, какъ выше сказано, польскаго и иностраннаго строя (аукторамента). Къ первому принадлежала народова кавалерія, гусары и панцерные, а въ Литвѣ еще „пятигорцы“; ко второму же пѣхота, драгуны и рейтари. Боевыми единицами считались въ народной кавалеріи „хоронгви“ (хоругви)

¹⁾ По расчету самого Баторія на турецкую войну: копейщиковъ 30.000, аркебузеровъ (конныхъ стрѣлковъ) 15 т., иноземной пѣхоты 10 т., польской пѣхоты 30 т. Содержаніе на полгода 3.648.580 злот. а злотый стоилъ тогда (1528) 9 нын. злотыхъ. Албертранди. 478.

или роты, подъ командой ротмистровъ, а въ прочихъ войскахъ полки, составлявшіеся изъ нѣсколькихъ ротъ. Вся народова кавалерія состояла изъ шляхты, а ротмистрами были знатнѣйшіе магнаты или сенаторы, при чемъ и королевская фамилія имѣла свои роты. Рядовые, называвшіеся „товарищами“, принадлежали къ зажиточной шляхтѣ; каждый изъ нихъ имѣлъ двухъ-трехъ пахолковъ, тоже изъ мелкой шляхты. Въ строю первую шеренгу составляли товарищи, а вторую и третью пахолки.

Гусары совсѣмъ не были похожи на нынѣшнихъ гусарь; это были скорѣе кирасиры. Гусарь удивлялъ громадностію своего вооруженія, соединявшаго въ себѣ характеръ европейскій съ азиатскимъ. Ротмистръ гусарскій Дечинскій былъ вооруженъ слѣдующимъ образомъ ¹⁾: панцирь, на головѣ мисюрка, съ желѣзной сѣткой, ниспадавшей на шею, щитъ, наплечники, наручи, наколѣнники, сабля за поясомъ, если не было лука карабинъ, ножъ, шило, шесть серебряныхъ ложекъ, вкладывавшихся одна въ другую, шелковый платокъ, пистолеть, кожанное ведерко для питья, канчукъ (нагайка), обухъ для рукопашнаго боя, три локтя шелковой веревки для вязанья плѣнныхъ, рогъ для леченія сапа лошади; на плечахъ, въ накидку, леопардовая или тигровая шкура; на конѣ, у сѣдла, длинный въ 5 футовъ палашъ для колотья павшаго непріятеля, молотокъ въсомъ до 6-ти фунтовъ, ведро для водопоя, три путала для коня, кожаный мѣшокъ для патроновъ, порохов-

¹⁾ По Далераку, посвятившему описанію войска цѣлую главу въ своихъ: *Les anecdotes* и пр. Мы держимся его описанія потому, что вооруженіе ротмистра Дечинскаго не одинаково описано въ русскомъ переводѣ Боллана (см. приложение V) и въ польскомъ, помѣщенномъ Ньмцевичемъ въ его: *Zbiór pamiętników* т. III. стр. 400 и слѣд.

ница, отвертка къ карабину, и пр., наконецъ, у стрелени, въ бушматѣ, копье, длиной 19 футовъ, съ разноцвѣтнымъ флюгеромъ, саженой длины. Пахолковъ былъ также вооруженъ, но безъ панциря, въ накидку волчья шкура, съ пристегнутымъ за спиной орлинымъ крыломъ. Панцерные имѣли также своихъ пахолковъ и были вооружены подобно гусарамъ, но безъ копьевъ, и считались легкой конницей. Тѣ и другіе были на лихихъ коняхъ. Они получали небольшое жалованье изъ казны, но стоили большихъ денегъ своимъ ротмистрамъ, которые, въ свою очередь, получали отъ короля полки драгунскіе и пѣхотные, доставлявшіе имъ значительный доходъ. Громоздкое и сложное вооруженіе гусарь дѣлало ихъ неповоротливыми; прекрасныя лошади ихъ, по татарскому обычаю, на уздечкахъ, во время атаки, закусивъ удила, заносили иногда всадниковъ въ непріятельскіе ряды и подвергали ихъ часто гибели.

Народовая кавалерія берегла себя для рѣшительныхъ ударовъ въ бою, предоставляя труды полевой и гарнизонной службы кварцьянымъ, т. е. пѣхотѣ и драгунамъ, составлявшимъ не болѣе трети всего войска. Эти кварцьяные были плохо обмундированы, особенно пѣхота, не имѣвшая однообразной одежды. Артиллерія была малочисленна, съ орудіями небольшого калибра. Въ военное время, войска располагались „таборомъ“ (лагеремъ), въ видѣ четверугольника, составленнаго изъ повозокъ, связанныхъ между собою желѣзными цѣпями. Въ такомъ порядкѣ таборъ могъ двигаться. Палатки военнопачальниковъ отличались убранствомъ и даже роскошью, по образцу турецкихъ.

Все это войско никогда не содержалось въ комплектѣ, по недостаточности средствъ, назначаемыхъ сеймомъ на его содержаніе, а потому и не могло быть дисциплини-

ровано. Жалованье должно было производиться по четвертямъ года (кварталамъ), а производилось по произволу начальниковъ и притомъ не сполна, потому что сами начальники получали его не полностью. По окончаніи кампаніи, если были въ полученіи деньги, то жалованье раздавалось коммисією, собиравшеюся во Львовѣ, подъ надзоромъ гетмана или его товарища. Тутъ же гетманъ раздавалъ награды и назначалъ войскамъ зимнія квартиры, такъ называемыя „гиберны“, приносившія жителямъ разореніе, а начальникамъ поживу. За неимѣніемъ провіантскихъ складовъ и комиссаровъ для путевого довольствія войскъ, начальники вели отряды по своему усмотрѣнію, заходя въ стороны, по деревнямъ, обирали и грабили жителей, такъ что проходъ своихъ же войскъ имѣлъ для нихъ значеніе непріятельскаго нашествія¹⁾. Сами гетманы не брезгали такого способа наживою. Конецпольскій нажилъ огромныя имѣнія, вымогая у шляхтичей продажу ему своихъ старобствъ; несогласавшихся на такую продажу, обременялъ и доводилъ до крайности разорительными гибернами.

Эти походы и гиберны принимали ужасающіе размѣры въ то время, когда войско, не получивъ жалованья, бунтовалось и составляло между собою „конфедерацію“ или „сконфедеровывалось“. Жолнеры выбирали себѣ въ „маршалки“ или главнокомандующіе любого офицера, передъ которымъ гетманъ исчезалъ. Конфедераты расходились по городамъ и деревнямъ, не щадя порой и шляхетскихъ имѣній, и добывали себѣ силою, какъ говорилось, жалованье, чтò продолжалось до тѣхъ поръ, пока сеймъ не распорядится расплатой. Это былъ одинъ изъ безобразнѣйшихъ видовъ анархіи, хуже татарскаго и всякаго другаго вторженія.

¹⁾ Далеракъ I. 29.

Въ средѣ этихъ необузданныхъ полчищъ Рѣчи-посполитой было еще превосходное войско, извѣстное въ Европѣ по своимъ боевымъ способностямъ,—это днѣпровскіе казаки: „украинскіе или городовые“ и „низовые“ или собственно „запорожцы“. Они были пѣшіе и конные, хорошо вооруженные и страшные для татаръ и турокъ, опустошавшихъ Украину и Червоную Русь своими набѣгами¹⁾. Но поляки не умѣли ими пользоваться и скорѣ довели ихъ до того грознаго возстанія, которое продолжаясь полвѣка подорвало политическій бытъ Рѣчи-посполитой.

Наконецъ, подспорьемъ военныхъ силъ служило „посполитое рушенье“, или поголовное ополченіе шляхты, общее, или въ раіонѣ нѣсколькихъ воеводствъ, все конное. Сначала оно составляло главную боевую силу, а потомъ, по заведеніи кварцянаго войска, созывалось по рѣшенію сейма и королевскимъ универсаламъ, въ случаѣ опасности, и высылалось въ походъ, но только въ предѣлахъ края. Эти „посполитаки“ были самые плохіе воины, готовые тотчасъ сконфедероваться и уйти домой или разбѣжаться, не вступая въ бой. Послѣ „кокошей (пѣтушей) войны“ (1537) при Сигизмундѣ I, посполитое рушенье сдѣлалось страшилищемъ не враговъ, а мирныхъ жителей, и созывалось королемъ неохотно, болѣе для вида, нежели для службы. Сигизмундъ I созвалъ его на войну противъ Петрика, молдавскаго господаря, и засталъ въ Львовѣ до 150 тысячъ шляхты въ сборѣ. Но шляхта заведя съ королемъ споръ о своихъ привилегіяхъ, простоявъ два мѣсяца, не пошла на войну и самовольно разошлась по домамъ. Вслѣдъ за этимъ,

¹⁾ О вооруженіи и боевыхъ силахъ казаковъ. см. Каховскаго: Опытъ изученія войскъ Богд. Хмельницкаго. Спб. 1862 См. тоже приложение У.

султанъ Сюлейманъ вступилъ въ Молдавію и покорилъ ее своей власти. Это былъ первый „рокошь“ или бунтъ шляхты, повторявшійся потомъ въ разныхъ видахъ, въ заговорахъ и конфедераціяхъ. Если „посполитаки“ не бунтовали, то и пользы не приносили. Каждый изъ нихъ тащилъ за собой повозку съ харчами, а который побогаче, то цѣлый обозъ съ дворней. Оттуда въ таборѣ ихъ, особенно во время войнъ съ казаками, насчитывались сотни тысячъ слугъ (цюръ или джуръ) и повозокъ. При малѣйшей опасности, вся ватага эта обращалась въ бѣгство и увлекала съ собой войско.

Въ составъ народоваго ополченія входили и магнаты съ своимъ фамильнымъ или надворнымъ войскомъ. Иные изъ нихъ, напимѣръ, Замойскіе, Тернавскіе, Острожскіе, Конецпольскіе, Вишневецкіе, Потоцкіе, Любомирскіе, Яблоновскіе и др., въ Польшѣ, Радзивиллы, Пацы, Сапѣги, Сангушки, Тышкевичи др., въ Литвѣ; могли вывести въ поле каждый отъ 1-ой до 7-ми тысячъ войска, которое они впрочемъ употребляли въ междоусобныхъ расправахъ, въ наѣздахъ на шляхту, въ набѣгахъ на любимую Молдавію, въ конфедераціяхъ и рокошахъ.

Возвратимся теперь къ сеймамъ, которые, какъ мы сказали выше, расходились часто не постановивъ ничего и были поэтому поводомъ ко всей неурядицѣ. Это началось при Сигизмундѣ I. На пѣтрковскомъ сеймѣ (1512) король требовалъ денегъ на войну съ татарами, а шляхта не давала и предлагала посполитое рушенъе; по несогласію съ обѣихъ сторонъ, послы разѣхались. Не докончились тоже сеймы въ 1545 г. и въ 1547 г. передъ смертью короля. Послѣ люблинской уніи явленія эти стали повторяться чаще; такъ, при Баторіѣ разошлось два сейма, при Сигизмундѣ III восемь, при Владиславѣ три, и все по одному лишь разногласію между большинствомъ и меньшинствомъ сеймующихъ. Остава-

лись, разумѣется, нерѣшенными дѣла, которыхъ накоплялось множество подъ именемъ „рецессовъ“. Съ этихъ рецессовъ и начинались иногда засѣданія сеймовъ. Собравшись разъ, сеймующие спорили, ссорились и писали „конституціи“ или постановленія. Но конституціи эти или не исполнялись вовсе, или исполнялись плохо за недостаткомъ надзора, въ ожиданіи слѣдующаго сейма, который, въ свою очередь, уничтожалъ ихъ и постановлялъ новыя, составившія такимъ образомъ цѣлыя томы законовъ (*Volumina legum*).

Со временъ Яна Казимира, именно въ 1652 году, вошелъ въ законъ чудовищный принципъ „вольнаго голоса“ *liberum veto*, въ силу котораго протестъ одного посла: „не позволяемъ“, *veto*, или *sisto activitatem*, уничтожалъ всѣ дѣйствія сейма, который затѣмъ долженъ былъ расходиться¹⁾. Не трудно было найти или подкупить такого смѣльчака въ посольской средѣ, и потому сеймы срывались часто, такъ что впослѣдствіи, при Августѣ III Саксонскомъ, изъ числа семнадцати сеймовъ, сорвано было тринадцать. Послѣ такого сорванія сейма, король обыкновенно собиралъ сенатъ и совѣтовался съ нимъ, что дѣлать, а такъ какъ безъ сейма не было денегъ, то онъ ничего не дѣлалъ и тянулъ какъ нибудь войну до будущаго сейма, а безъ войны Рѣчь-посполитая рѣдко обходилась. Сорвать сеймъ считалось даже удальствомъ, и шляхтичъ даже этимъ подвигомъ тщеславился; прокричавъ свое „не позволяемъ“, онъ поспѣшно уходилъ изъ засѣданія и прятался, чтобы его не нашли; затѣмъ уѣзжалъ въ какой нибудь городъ и тамъ заявлялъ свой протестъ въ гродскихъ актахъ. Эта продѣлка производилась не даромъ, а за деньги, по уговору съ

¹⁾ Объ этомъ «не позволяемъ» и срываніи сеймовъ подробнѣе говорится во 2-й части.

какимъ нибудь магнатомъ или вліятельнымъ лицомъ. Проклинаемая смѣльчака, сеймующіе развѣзжались. Воцарялось полнѣйшее безправіе.

Противъ этого безобразія придумано другое— „конфедераціи“, которыя въ дѣйствительности можно назвать „конспираціями“¹⁾. Недовольная сторона составляла вооруженный союзъ и присвоивъ себѣ сеймовыя права, рѣшала дѣла насиліемъ; составлялись порою контръ-конфедераціи и обѣ онѣ развѣдывались между собою, какъ хотѣли.

¹⁾ Лелевель. II. Considér. II. 341

ГЛАВА III.

Законодательство.—Значеніе короля.—Избирательная операція.

Рѣчь-посполитая не имѣла „конституціи“, въ нынѣшнемъ значеніи этого слова. „Конституціями“ назывались постановленія сейма. Выраженіе „законъ“, *lex*, улетучилось изъ польскаго языка, и замѣнилось выраженіемъ „право“—*jus*, право—такъ что между закономъ (*lex*) и правомъ (*jus*) не было и нѣтъ никакой разницы ¹⁾. Собраніе законовъ—*volumina legum*—называется собраніемъ „правъ“. Тѣмъ не менѣе, законы или конституціи существовали. Для постановленія закона требовалось, по теоріи современныхъ юристовъ, участіе трехъ чиновъ (*status, ordo*): рыцарства (съ нѣмецкаго *Ritterschaft—ordo equestris*), т. е. шляхты, сената и короля; но въ дѣйствительности было не такъ. Основные, главные (кардинальные) законы постановлялись во время безкоролевій. Такъ, въ первое безкоролевье, по смерти Сигизмунда Августа, состоялся законъ о выборѣ короля всѣмъ огуломъ шляхты, и о предоставленіи примасу на это время королевской власти. Основные законы, значить, шляхетское представительство постановляло безъ

¹⁾ Есть въ польскомъ словарѣ «законъ»—*zakon*, но онъ означаетъ «орденъ монашескій».

короля, считая ихъ палатіумомъ своей вольности, а избираемому королю предписывало условія—*pacta conventa*—на какихъ онъ долженъ царствовать, съ оговоркой, извѣстной подъ фразою *de non prestanda obedientia* (объ отказѣ въ повиновеніи), что если онъ чего не исполнить, то лишится престола. Очевидно, что шляхта, давая королю титулъ третьяго „чина“, заявивъ свободно свою верховную, законодательную волю, доказывала ничтожность этого титула; поэтому въ дѣйствительности было только два чина, и то на видѣ, потому что старшая братія въ сенатѣ, и младшая въ посольской палатѣ составляли, можно сказать, одно шляхетское тѣло, въ которомъ магнаты были головой, а рыцари волосами, какъ это мы въ предыдущей главѣ объяснили.

Между тѣмъ, въ конституціяхъ и статутахъ, какъ замѣчаетъ ученѣйшій изъ польскихъ историковъ ¹⁾, не все то сказано, что хотѣлось бы знать для уразумѣнія мудреной организаціи Рѣчи-посполитой: многое надо искать въ событіяхъ и результатахъ шляхетскаго движенія. Совѣщанія, голосованіе и рѣшенія сейма зависѣли много отъ прихоти пословъ. Не было никакой парламентарной организаціи. Всякій говорилъ, что ему угодно, и поднималъ вопросъ, касавшійся его лично, или какого нибудь частнаго дѣла. Согласіе на постановленіе заявлялось или кликомъ *zgodzi* (согласенъ), или молчаніемъ. Мы уже знаемъ, что любой посолъ своимъ *veto*, „не позволяемъ“, могъ разбить или сорвать сеймъ; но нѣтъ примѣра, чтобы король осмѣлился закрыть, или распустить сеймъ; не видно, чтобы онъ могъ отвергнуть рѣшеніе сейма, или остановить своимъ *veto* разсмотрѣніе однажды поднятаго сеймомъ вопроса. „Мы живемъ лучше

¹⁾ Делевель, II. *Consid.* 97.

въ безпорядкѣ, чѣмъ въ порядкѣ“, говаривали поляки ¹⁾).

Что же такое былъ король въ республикѣ? Ни президентъ, ни дожъ, а какой-то междуумокъ. Онъ сидѣлъ на тронѣ, въ коронѣ; шляхтичъ припадалъ къ его ногамъ и смиренно цѣловалъ его руку; онъ имѣлъ свой дворъ, своихъ шамбеляновъ (камергеровъ) изъ знатнѣйшихъ фамилій и—не имѣлъ никакой власти; зато, какъ бы въ вознагражденіе, имѣлъ право предводительствовать войскомъ во время войны и раздавать высшія мѣста въ государственной службѣ и крулевщины или королевскія имѣнія, подъ именемъ старобствъ, въ пожизненное владѣніе ²⁾, но не иначе, какъ на первомъ же засѣданіи сейма, и такъ, чтобы дигнитарство или старобство ни на минуту не оставалось вакантнымъ; въ противномъ случаѣ засѣданіе сейма закрывалось, и тутъ же, какойнибудь мальконтентъ могъ запротестовать и сорвать сеймъ. Это именно право, на видъ значительное, ставило его въ самыя непріятныя отношенія къ шляхтѣ. Такъ какъ должности раздавались на всю жизнь, то получившій мѣсто больше уже въ королѣ не нуждался, и не всегда платилъ ему признательностію. Напротивъ, претендентъ на гетманство, воеводство, дигнитарство или старобство, обойденный при замѣщеніи вакансіи, дѣлался личнымъ врагомъ короля и мстилъ ему, когда хотѣлъ, рокошемъ или конфедераціею. Старобство, съ правомъ уголовного суда, король обязанъ былъ тотчасъ отдать другому, какъ только оно оказывалось вакантнымъ вслѣдствіе смерти старобсты. Искатель старобства

¹⁾ См. Лабурёра, въ приложеніи VI, на стр. 113 его сочиненія.

²⁾ Эти имѣнія, принадлежавшія нѣкогда королю, были собственно государственныя: они раздѣлялись на старобства, аренды (dzierżawy) и войтогства.

выпрашивалъ себѣ иногда у короля впередъ привилегію съ „окошечкомъ“ (z okienkiem), въ которой оставлялось чистое мѣсто для вписанія жалуемой милости. Получившій такую привилегію прописывалъ въ „окошечкѣ“ первое вакантное мѣсто или „крулевщизну“¹⁾—продѣлка, отмѣненная впоследствии варшавскимъ трактатомъ, въ 1717 году. Какъ бы то ни было, право раздачи милостей доставляло королю большое вліяніе на дѣла и при томъ составляло для него доходную статью. Современникъ, французъ, сопровождавшій изъ Парижа въ Варшаву невѣсту Владислава, столь прославившуюся впоследствии супругу Яна Казимира, Марію Гонзага, довольно курьезно выгораживаетъ его изъ подозрѣнія во взяточничествѣ. „Король, говоритъ онъ²⁾, не будучи такъ богатъ, какъ прочіе монархи, не можетъ давать большаго содержанія своей супругѣ, и потому тѣ, кому достается вакантное мѣсто, обыкновенно приносятъ въ даръ королевѣ доходъ за годъ, за два впередъ, съ пожалованнаго мѣста: приличнѣе же получить это королевѣ, нежели королю“. Почтенный царедворецъ словно подготовлялъ почву для будущей королевы, безцеремонно эксплуатировавшей продажность магнатовъ.

Выборъ короля изъ иностранныхъ принцевъ накликалъ на Польшу одно изъ величайшихъ бѣдствій—пагубное вмѣшательство въ дѣла ея постороннихъ державъ. Каждый претендентъ имѣлъ свою партію, приобретаемую цѣною золота. Такъ, въ первое же безкоролевье, Фирлей взялъ огромную сумму за поддержку прусскаго принца³⁾; во второе же,—послѣ бѣгства Ген-

¹⁾ Mok Dz. P., § 163, пр. 385.

²⁾ См. Лабурѣра въ приложеніи VI, при указаніи страницы 10 его сочиненія.

³⁾ De la Bizardière. Histoire des diètes de Pologne. Paris, 1697, стр. 12.

риха во Францію, за суммы, выплаченныя кандидатами короны, по свидѣтельству Варшевицкаго, можно-бъ было набрать огромное войско ¹⁾. Корона, значить, сдѣлалась предметомъ аукціона. Представителями партій австрійской, французской, бранденбургской, русской, шведской или турецкой являлись магнаты, подъ знаменемъ которыхъ и группировалась шляхта. Четыре раза случилось, что вмѣсто одного короля выбраны были два: Баторій и Максимилианъ въ 1576 году, Сигизмундъ-Ваза и тотъ же Максимилианъ въ 1587 г., Августъ саксонскій и принцъ Конти, въ 1697 г., и тотъ же Августъ и Лещинскій въ 1703 г.

Вся избирательная операція регламентирована была въ первое безкорольевье, на конвокаціонномъ сеймѣ, открывшемся 15 января 1573 года. Прежде всего рѣшено было право созванія сеймовъ, во время безкорольевья, предоставить примаду, архіепископу гнѣзненскому, которымъ былъ въ то время Уханскій, знаменитый усиліями къ образованію самостоятельной польской церкви; проклятый папой, онъ, въ свою очередь, проклиналъ самого папу. Нѣкоторые послы желали предоставить это право великому маршалку, но примасъ одержалъ верхъ. Затѣмъ поставленъ былъ вопросъ: вся ли шляхта лично, или только депутаты отъ сейма должны участвовать въ выборѣ короля? Молодой староста белзскій, Янъ Замоискій, предложилъ рѣшеніе въ пользу всей шляхты, и оно было принято. Этотъ принципъ общаго голосованія при выборѣ королей разгорячилъ шляхту въ высшей степени и навелъ впоследствии на мысль „либерумъ-вето“, которое подорвало значеніе сеймовъ и подвинуло

¹⁾ Да и самъ авторъ записокъ, Варшевицкій, бралъ значительныя суммы отъ цесаря, какъ свидѣтельствуеть Мосбахъ. Шуйскій, III. 38.

анархію къ крайнимъ предѣламъ. „Сенаторы замолкли¹⁾; предложеніе Замойскаго приходилось имъ на руку. Легче было поддержать кандидата всей громадой шляхты, нежели въ замкнутомъ кругу сеймовыхъ пословъ. Это роковое пріобрѣтеніе на полѣ вольности или своеволія довершило, вмѣстѣ съ пріобрѣтеннымъ впоследствии „непозволяемъ“, чудовищное зданіе польскихъ учреждений, похожее на опрокинутую пирамиду, которая, вмѣсто того, чтобы стоять основаніемъ на землѣ, опиралась на ней своей вершиною. Этой вершиной былъ шляхетскій индивидумъ“.

Если мы все сказанное нами въ этой и въ предыдущей главѣ подведемъ къ одному знаменателю, то получимъ въ результатъ организацію польской Рѣчи-посполитой или шляхетской республики, въ которой верховная власть, представляемая сеймомъ, въ бездѣйствіи, республиканскій король безъ власти, законы безъ силы, казна безъ денегъ, войско безъ жалованья и дисциплины; словомъ—получимъ образецъ польской анархіи²⁾.

Это исключительное положеніе государства, польскіе послы, находившіеся въ 1667 году въ Москвѣ, для заключенія андрусовскаго перемирія³⁾, назвали „великою внутреннею болѣзнью Польши“. Болѣзнь эта началась, какъ видимъ, съ люблинской уніи, и достигла при Янѣ Казимирѣ полнаго развитія. „Больной человекъ“, по выраженію, относимому въ наше время къ иному государству, прожилъ еще два вѣка; но въ самой половинѣ жизни, при Янѣ Казимирѣ, былъ пости-

¹⁾ Шуйскій, III. 15.

²⁾ Mon Dz. P., § 99.

³⁾ См. предисловіе и дальше, во второй части нашей монографіи.

гнуть такимъ припадкомъ, который чуть было не от-
правиль его на тотъ свѣтъ. Вотъ этотъ эпизодъ и со-
ставляетъ предметъ нашей монографіи.

Чтобы подойти къ нему, необходимо прослѣдить
исторически развитіе анархіи и ходъ украинской вой-
ны, какъ два неразлучныя между собою событія.

ГЛАВА IV.

Начало и ходъ анархіи при Генрихъ, Баторіѣ и Сигизмундѣ III.—
Бунтъ Зебржидовскаго. 1572 — 1608.

Зародышъ польской анархіи образовался въ теченіи двухъ вѣковъ, прежде люблинской уніи 1569 года, и Польша внесла въ унію свою анархическую закваску. Въ царствованіе Людовика Венгерскаго, преемника Казимира Великаго и въ четырехлѣтнее безкоролевье послѣ его смерти (съ 1370 по 1386 годъ), въ этотъ шестнадцатилѣтній періодъ, скажемъ словами польскаго историка ¹⁾, „группируется въ миниатюрѣ все, что въ послѣдующіе вѣка обуревало Польшу: дѣло о наслѣдствѣ при жизни короля, привилегіи и вольности, добываемыя шляхтою на счетъ королевской власти, выборъ между претендентами на престолъ, фракціи придворныя и шляхетскія, споры духовенства и вельможъ со шляхтою, походы знатныхъ людей, предпринимаемые на собственную свою руку, домашнія войны князей (Земовита Плоцкаго) и ненавистныхъ между собою родовъ (Налэнчей и Гржималитовъ), конфедераціи шляхты (въ Радомскѣ и Серадзѣ), сѣзды, рецессы, прибавимъ, даже попытки вольнаго голоса со стороны простаго шляхтича Бонвельскаго, который на сѣздѣ въ Сончѣ (1384) своимъ

¹⁾ Шуйскій, I, 260.

„не позволяя“ уничтожилъ рѣшеніе собранія, — „такъ что намъ кажется, какъ будто это царствованіе Людовика и безкоролье по его смерти принадлежатъ къ позднѣйшей эпохѣ избирательныхъ королей“. Изъ этого хаоса выручаетъ Польшу литовская партія, улаживаетъ супружество Ядвиги съ Ягелломъ и возводитъ на престоль династію Ягелмоновъ.

Ягеллоны затормазили на два вѣка возвратъ этой анархіи; но сами, угождая шляхтѣ, надѣляя ее щедро привилегіями, подготовили матеріалы для новой анархіи, которая, окоренясь на люблинскомъ сеймѣ 1569 года, царила еще два вѣка и, какъ неизлечимая бо-лѣзнь, кончилась смертью Рѣчи-посполитой.

Первое безкоролье, по смерти Сигизмунда Августа, было продолжительно и шумно, по новости положенія, въ которомъ очутилась Рѣчь-посполитая. Девять мѣсяцевъ прошло въ бесполезныхъ сѣздахъ и шумныхъ преніяхъ о способѣ выбора короля. Камнемъ преткновенія оказалась религіозная рознь. Католики хотѣли имѣть королемъ католика; протестанты или диссиденты, многочисленныя въ сенатѣ и представляемые краковскимъ воеводою Фирлеемъ, желали выбрать своего единовѣрца и, съ цѣлю огражденія своихъ правъ, подписали между собою въ Краковѣ (19 іюля 1573 г.) религіозно-политическій, въ родѣ аугсбургскаго, союзъ, извѣстный подъ именемъ „конфедерации диссидентовъ“; но утративъ, вслѣдствіе происковъ папскаго легата Комендони, надежду на выборъ протестантскаго монарха, заявили свою декларацію насчетъ свободы совѣсти, которая и утверждена актомъ „варшавской генеральной конфедерации“ (28 января 1574 г.). Послѣ этого осталось только выбрать короля. Претендентовъ явилось довольно: эрцъ-герцогъ австрійскій Эрнестъ, принцъ Генрихъ Анжуйскій братъ французскаго короля Карла IX,

и король шведскій Иванъ III; Литва почти единодушно предлагала царя Ивана Васильевича. Но французскій посолъ Монъ-Люкъ съумѣлъ такъ расхвалить своего претендента, и такъ ловко оправдать дѣло вареоломевской ночи, выставивъ гугенотовъ какъ измѣнниковъ Франціи, что выборъ на элекціонномъ сеймѣ, происходившемъ, между прочимъ, довольно смирно, безъ дракъ и убійствъ, выпалъ на французскаго принца. Этотъ эксцентричный выборъ, какъ извѣстно, сдѣлалъ совершенный фіаско. Генрихъ, провѣдавъ о смерти брата своего, черезъ пять мѣсяцевъ (18 іюля 1574 г.) ускакалъ тайкомъ въ Парижъ. Поляки разгнѣвались на французовъ, однако рѣшились ждать, и когда король не явился на срокъ, провозгласили безкорольеве (26 мая 1575 г.).

Безкорольеве оказалось чрезвычайно бурнымъ. На стѣнжицкомъ съѣздѣ чуть не дошло до ножей. Къ прежнимъ претендентамъ прибыло еще два: Стефанъ Баторій князь семиградскій и Альфонсъ, герцогъ феррарскій. Развязку ускорило сильное вторженіе татаръ, которые бросились было въ Украину, но, разбитые казаками у днѣпровскихъ пороговъ, ворвались черезъ Молдавію въ Подоль и произвели неслыханное опустошеніе, угнавъ въ ясиръ дѣля тысячи населенія (1575).

Турецкій султанъ грозилъ войною, если выберутъ австрійскаго претендента, и предложилъ Баторія. Такой рекомендаціи было довольно, чтобы выбрать Баторія; но австрійская партія отстаивала своего кандидата, и дѣло кончилось тѣмъ, что примасъ Уханскій провозгласилъ королемъ цесаря Максимилиана (12 декабря 1575 г.), а партія Замойскаго придумала довольно тонкую сдѣлку: выбрать королевой Анну, пятидесятилѣтнюю сестру Сигизмунда Августа, и выдать ее замужъ за Баторія, чтó и состоялось. Баторій, видно, не побрезгалъ

рукой старой Ягеллонки ради королевской короны и обвѣнчался. Оригинальный выборъ этотъ оказывался однако незаконнымъ, такъ какъ провозгласилъ его (14 декабря) не примасъ, а коронный маршалокъ Андрей Зборовскій; но Баторій съ 3,000 войска прибылъ поспѣшно въ Краковъ и короновался (22 апрѣля 1576г.); шляхта не запротестовала противъ нелегальности выбора, а соперникъ Баторія, Максимилианъ, вскорѣ умеръ (6 октября).

Баторій, при всемъ своемъ умѣ и энергичномъ характерѣ, не могъ унять ни буйства шляхты, ни крамольничества магнатовъ, и видѣлъ противоядіе въ одной лишь внѣшней войнѣ. Соблюдая миръ съ Турціею, отъ которой зависѣло обузданіе крымскихъ татаръ, онъ занялъ неугомонную шляхту войною съ Россіею, кончившейся десятилѣтнимъ перемиріемъ, заключеннымъ на Киверовой Горѣ (15 января 1582), по которому царь Иванъ Васильевичъ уступилъ Полоцкъ и отказался отъ правъ своихъ на Ливонію.

Управившись съ внѣшними врагами, Баторій не могъ сладить съ внутренними; однако онъ пытался затормозить какъ нибудь анархію, исходъ которой можно было тогда уже предвидѣть, судя по предложеніямъ, сдѣланнымъ въ Вѣнѣ русскому послу Новосильцову, насчетъ раздѣла Польши ¹⁾. Однимъ изъ первыхъ и лучшихъ средствъ представлялось ему устранить гибельный принципъ избирательнаго престола. На сеймѣ, собравшемся въ Варшавѣ (6 октября 1582), вскорѣ послѣ киверогорскаго мира съ Россіею, для постановленія денежнаго сбора на уплату жалованья наемному войску и покрытіе долговъ, сдѣланныхъ въ Германіи на военныя издержки, король сдѣлалъ предложеніе, чтобы сеймъ, въ

¹⁾ Карамзинъ, II. Г. Р. X. прим. 93.

видахъ избѣжанія бурныхъ безкоролевій, назначилъ ему заблаговременно преемника. Сеймъ не только съ негодованіемъ отвергнулъ предложеніе, но не согласился дать ни гроша на удовлетвореніе войска и долговъ, и разошелся ничего не постановивши ¹⁾. Посоль Немоевскій такъ разгорячился, что объявилъ королю: „Или сохраняй намъ въ цѣлости наши привилегіи и будешь нашимъ милостивымъ королемъ, или, въ противномъ разѣ, ты будешь Стефаномъ Баторіемъ, а я—Яковомъ Немоевскимъ ²⁾“ . Необузданность шляхты еще рѣзче высказалась на сеймѣ 1585 года, по поводу процесса Зборовскихъ.

Зборовскіе принадлежали къ тѣмъ магнатамъ, которые въ это уже время, группируя около себя шляхту, ворочали дѣлами правленія и между прочимъ способствовали избранію Баторія. Одинъ изъ нихъ, Самуиль, за убійство каштеляна Ваповскаго, во время коронаціи Генриха (1574), былъ приговоренъ къ изгнанію. Братья его хлопотали о его прощеніи; они ненавидѣли Яна Замойскаго, который при Баторіѣ вырвалъ у нихъ изъ рукъ канцлерскую печать и гетманскую булаву. Замойскій, какъ защитникъ шляхетской гегемоніи, имѣлъ свою партію между шляхтою, сильнѣе партіи Зборовскихъ, и мѣтилъ даже на корону, во время безкоролевья, и когда ему это не удалось, сдѣлался наперникомъ и главнымъ сподвижникомъ короля. Между тѣмъ, Самуиль Зборовскій, какъ истый шляхтичъ, шутилъ судебнымъ приговоромъ, жилъ открыто въ своихъ помѣстьяхъ и мучилъ шляхту. Замойскій, провѣдавъ, что изгнанникъ злоумышляетъ на жизнь короля и его самого, велѣлъ схватить Зборовскаго и по приговору своего ста-

¹⁾ Албертранди, 267.

²⁾ Шуйскій, III. 71.

ростинскаго суда, казнилъ его смертью въ краковскомъ замѣѣ (1584). Это взорвало шляхту и произвело страшную бурю на сеймѣ 1585 года, когда, по предложенію Замойскаго и самого короля, предали суду Христофора Зборовскаго, брата Самуила, за соумышленничество въ покушеніи на жизнь короля. Защитникъ подсудимаго, знакомый намъ Немоевскій, не только оправдывалъ своего кліента, но и доказывалъ, что покушенія на жизнь короля никогда не было,—вопросъ не совсѣмъ разрѣшенный исторіею. Сеймъ однако приговорилъ виновнаго къ безчестію и изгнанію (къ инфаміи и баниціи). Тогда посоль Казимирскій именемъ палаты запротестовалъ противъ приговора въ такихъ дерзкихъ выраженіяхъ, что король хватился за саблю. Это была первая протестація, какую посоль осмѣлился заявить противъ приговоровъ короля и сената ¹⁾.

Этотъ же годъ (1585) ознаменовался возмущеніемъ, вспыхнувшимъ въ Ливоніи, по поводу введенія тамъ новаго, грегорианскаго календаря. Рижане публично на рынкѣ отрубили голову королевскому депутату Тасти и разграбили церковь и монастырь іезуитовъ, которые спаслись бѣгствомъ въ замокъ. Это случилось передъ самою смертью Баторія. Когда ему совѣтовали, чтобы онъ предложилъ въ преемники себѣ Андрея Баторія, то онъ съ горечью сказалъ: „Не хочу отдать его на бойню“,—такъ было трудно положеніе короля въ Польшѣ! Шляхта, сдерживаемая желѣзною рукою Баторія, не изъявила ни малѣйшей скорби послѣ его смерти (12 декабря 1586 г.) и память о его дѣлахъ стали прославлять уже гораздо позже. Есть свидѣтельства, что онъ умеръ насильственной смертью, отъ яда ²⁾.

¹⁾ Албертранди, 326. Шуйскій, III, 83.

²⁾ Шуйскій, III, 86. Албертранди, 345.

Воспитанный въ правилахъ протестантской вѣры и сдѣлавшись католикомъ потому только, что не могъ иначе получить польской короны, онъ далекъ былъ отъ преслѣдованія иновѣрцевъ, и если покровительствовалъ іезуитовъ, то единственно потому, что видѣлъ въ нихъ людей ученыхъ, какими они дѣйствительно были на первыхъ порахъ, и стремленія монархическія, которымъ онъ сочувствовалъ, ожидая отъ этихъ пионеровъ папскаго самодержавія помощи къ преобразованію анархичнаго строя шляхетской республики. Онъ засталъ уже ихъ колегіи, основавшіяся еще при Сигизмундѣ Августѣ, прежде всего въ Браунсбергѣ (1564), по почину варминскаго бискупа Гозиуса, потомъ въ Пултускѣ (1565) и въ Вильнѣ (1570). Онъ учредилъ для нихъ академію въ Вильнѣ (1579), не предвидя, что она сдѣлается разсадникомъ не науки, а обскурантизма. „Іезуиты, пишетъ историкъ литовскій ¹⁾, всегда и вездѣ имѣли цѣлью защиту римской церкви отъ реформаціи и образованіе юношей для членовъ своего общества, или для подчиненія своей власти, не заботясь вовсе о просвѣщеніи умовъ и развитіи умственныхъ способностей... Академія была собственно духовнымъ училищемъ, которое приготавливало или ксендзовъ для богословской полемики съ иновѣрцами, или новыхъ іезуитовъ въ свѣтскомъ кругу“. Черезъ сорокъ лѣтъ, послѣ основанія ордена іезуитовъ или общества Іисусова Игнатіемъ (Иниго) Лойолой, утвержденнаго буллою папы Павла III въ 1540 г., академія прибрала къ рукамъ всѣ училища; патеры іисусовы, черезъ школу, исповѣдь или конфессіональ и проповѣдь съ церковнаго амвона, вторглись во всѣ слои общества и завладѣли общественнымъ воспитаніемъ, какъ о томъ говорится дальше (во второй части). Учреж-

¹⁾ Балинскій, Akademia Wileńska, 47, 74.

деніе академіи въ Литвѣ, гдѣ большинство пановъ были протестанты или православные, было встрѣчено съ большимъ отвращеніемъ, такъ что подканцлеръ Волловичъ долго не хотѣлъ приложить печать къ королевской привилегіи. Но іезуиты скоро одолѣли протестантовъ и въ 1611 году разрушили и сожгли реформатскій храмъ въ Вильнѣ: оттуда упадокъ протестантства и вмѣстѣ польскаго языка, такъ какъ въ іезуитскихъ школахъ учили полатыни и только одной средневѣковой латыни. Польскій языкъ преобразился въ смѣсь, извѣстную подъ именемъ „макаронизма“¹⁾).

Безкоролевье послѣ Баторія представило новую картину анархіи. Кандидатами на престолъ явились: опять австрійскіе герцоги, кардиналъ Андрей Баторій, котораго рекомендовалъ султанъ турецкій, запрещающій строго выбирать австрійца или москвича, царь Ѳедоръ Ивановичъ, предлагаемый Литвою, и шведскій королевичъ Сигизмундъ (Зыгмунтъ у поляковъ, Жигимонтъ у русскихъ), племянникъ королевы Анны; но всѣ партіи раздѣлились на два большіе круга (кола) черный и генеральный, предводимые одинъ канцлеромъ Замойскимъ, другомъ покойнаго короля, а другой Зборовскими, братьями Самуила, казненнаго Замойскимъ. Канцлеръ выставилъ на элекціонномъ полѣ, подъ Волей, пять тысячъ своего войска, а Зборовскіе еще больше; литвины же, соблюдая нейтралитетъ, расположились у д. Каменки, подъ Прагой. Черный кругъ стоялъ за Сигизмунда, генеральный — за Максимилиана, а вся почти Литва — за русскаго царя. Полилась и кровь: убили каноника Бржезинскаго, перебили челоуѣвъ десять шляхты. Примасъ, измѣнивъ австрійской партіи, перекинулся на шведскую сторону и провозгласилъ королемъ Сигизмунда (^{9/19}

¹⁾ Балинскій, 70, 116.

СИГИЗМУНДЪ III, КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ.

августа 1587); литовская шляхта, предводимая Пацомъ, запротестовала и удалилась, а Эборовскіе склонили бискупа Воронецкаго провозгласить королемъ Максимилиана (¹²/₂₂ августа). Замоискій, занявъ Краковъ, далъ время Сигизмунду прибыть изъ Швеціи и короноваться (¹⁸/₂₈ декабря). На коронаціонномъ сеймѣ, паны-шляхта старались обрѣзать еще королевскую власть, подтвердивъ строго королю не входить ни въ какіе международные трактаты безъ вѣдома сената; а себѣ выговорили то преимущество, что преступники, скрывшіеся въ шляхетскихъ дворахъ, не могли быть преслѣдуемы городскимъ старостою. Литовскіе послы не прежде признали короля, какъ по ратификованіи имъ пятнадцатилѣтняго перемирія, заключеннаго ими съ Россією, въ апрѣлѣ 1587 года, на собственную руку, и по полученіи извѣстія, что Максимилианъ разбитъ Замоискимъ при Бычинѣ въ Силезіи (¹⁵/₂₅ января 1588) и взятъ въ плѣнъ, изъ котораго освобожденъ только черезъ годъ, по бендзинскому договору.

Сигизмундъ, при свиданіи съ отцомъ своимъ Іоанномъ шведскимъ въ Ревелѣ (1589), жаловался на горькое свое положеніе, на самовластіе канцлера Замоискаго, на стѣсненіе королевской власти. Іоаннъ, смотрѣвшій опасливо на популярность своего брата, протестанта, Карла Зюдерманландскаго, не хотѣлъ никакъ отпустить сына, помимо умаливаній Замоискаго, который прислалъ гонца съ извѣстіемъ о страшномъ нашествіи татаръ на Подоль и Русь; но представленія шведскихъ сенаторовъ, которымъ хотѣлось сбыть съ рукъ Сигизмунда, какъ завзятаго католика, склонили Іоанна въ согласію отпустить сына на королевство.

Густавъ Адольфъ въ своей рѣчи къ шведскимъ чинамъ (1620) назвалъ Сигизмунда „королемъ миссіоне-

ромъ“¹⁾. Диссиденты, во время рокоша Зебржидовскаго, въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ представляли, какъ Сигизмундъ служить обѣдню, іезуиты ему прислуживаютъ, а шляхта слушаетъ обѣдню²⁾. И въ самомъ дѣлѣ, Сигизмундъ, воспитанный іезуитами Поссевинымъ и Варшевицкимъ, которые надѣялись черезъ него доставить папѣ милліоны новыхъ подданныхъ въ Швеціи и Россіи, послушный слуга своихъ духовниковъ Скарги и Гостынскаго, въ теченіе долгаго, къ несчастію Польши, сорокапятилѣтняго царствованія (1587—1632), совратилъ изъ православія въ унию или латинство около двухъ милліоновъ русскаго населенія³⁾, да истребилъ не мало протестантовъ, такъ что въ сенатѣ, гдѣ при Сигизмундѣ Августѣ засѣдало только два католика (не считая бискуповъ), осталось подъ конецъ Сигизмундова правленія только два диссидентъ. Онъ справедливо заслужилъ памятникъ, воздвигнутый ему поляками въ Варшавѣ, изображающій его стоящимъ на вершинѣ колонны съ крестомъ въ одной рукѣ и съ мечомъ въ другой. Но миссіонерство дорого обошлось Польшѣ. Сигизмундъ угодилъ іезуитамъ, но потерялъ Ливонію, лишилъ сына царской короны, самъ лишась наслѣдственнаго престола шведскаго, озлобилъ Турцію и подготовилъ отпаденіе Украины, оставивъ послѣ себя одну лишь анархію съ новыми ея безобразіями, усвоенными шляхтой.

На первомъ же сеймѣ 1589 года, передъ отъѣздомъ Сигизмунда въ Ревель, Замойскій выступилъ съ проектомъ противъ короля и противъ гегемоніи шляхты, имъ самимъ созданной. Онъ исключалъ навсегда австрійскій

¹⁾ Нѣмцевичъ, Dzieje panowania Zygmunta III. Warsz. 1819. III. 40.

²⁾ Шуйскій, III. 193.

³⁾ Бантке, Dzieje narodu polskiego, Wrocł. 1835, II. 195.

домъ, при выборѣ королей, а самый выборъ предлагалъ производить не всею шляхтою, а большинствомъ головъ. Проектъ былъ отвергнутъ. Не смотря на то, онъ, съ помощью кварцянаго войска, которому выдалъ жалованье изъ своего кармана, отразилъ татаръ, прорвавшихся (осенью 1589 г.) къ самому Львову, и склонилъ сеймъ (1590) выслать посольство въ Царьградъ для заключенія мирнаго договора съ султаномъ, грозившимъ войною, въ случаѣ неуплаты гарача суммою 300 тысячъ червонцевъ. Сеймъ назначилъ для этого денежный сборъ, и договоръ, при посредничествѣ Англии, былъ заключенъ. Эти успѣхи канцлера навлекли на него бурю. Могущество его возбудило зависть со стороны короля и многихъ магнатовъ, а шляхта, помня вышеназванный проектъ, отомстила ему тѣмъ, что отказала на кольскомъ съѣздѣ въ удовлетвореніи кварцяныхъ жалованьемъ, распустивъ слухъ, будто бы турецкая война ничто иное, какъ фальшивая тревога. Войско разбѣялось и предалось грабежу, давъ въ первый разъ почувствовать, что такое войсковая конфедерація.

Сеймъ (1591 г.) назначилъ сборъ на жалованье войску; но король, наперекоръ Замойскому, просваталъ дочь эрцгерцога Карла Анну, и въ маѣ слѣдующаго года обвѣнчался съ ней въ Краковѣ. Тогда-то Замойскій сдѣлалъ первый шагъ къ явной оппозиціи. Передъ отбѣздомъ къ отцу въ Ревель, Сигизмундъ, при посѣщеніи плѣннаго Максимилиана въ Красноставѣ, имѣя намѣреніе отказаться отъ престола, заключилъ, черезъ повѣреннаго Врадера (1589 г.), сдѣлку съ эрцгерцогомъ Эрнестомъ, по которой эрцгерцогъ, въ случаѣ отреченія Сигизмунда, обязывался, по вступленіи на престолъ, сохранять постоянный союзъ между Швеціею и Польшею. Основываясь на этомъ и въ виду женитьбы короля, Замойскій заподозрилъ его въ тайныхъ политиче-

скихъ планахъ и, созвавъ шляхту въ Ендржеёвѣ, предложилъ ей потребовать на сеймѣ, чтобы надѣ дѣйствіями короля произведено было слѣдствіе. Понятно, что шляхта охотно заявила это домогательство на открывшемся сеймѣ (1592). Король смѣшался и подалъ декларацію, въ которой завѣрялъ, что онъ не входилъ ни въ какія тайныя сдѣлки, и совѣтовалъ обратиться по этому предмету, для разясненія, къ его отцу. Шляхта возстала и настоятельно потребовала слѣдствія, домогаясь удаленія изъ королевскаго двора иноземцевъ, разумѣя въ томъ числѣ иезуитовъ. Сеймъ, названный „инквизиціоннымъ“, разошелся, не постановивъ ничего.

„Нельзя не сказать“, замѣчаетъ польскій историкъ ¹⁾, „что Замойскій, созывомъ ендржеёвскаго съѣзда и поступками своими на „инквизиціонномъ сеймѣ“, перешелъ за предѣлы патріотизма, далъ увлечь себя чувству оскорбленной гордости, и сдѣлался, изъ перваго гражданина Польши, магнатомъ-честолюбцемъ; что и шляхтѣ сеймъ этотъ не принесъ пользы, а только уронилъ передъ ней королевское достоинство, единственную силу, которая могла удержать въ рукахъ шляхту. Большимъ несчастіемъ было, что Польша, послѣ Баторія, получила такого короля, какъ Сигизмундъ III; что король этотъ, слабый и упрямый, тупоумный и самонадѣянный, не могъ сойтись съ такимъ великимъ человекомъ, какъ Замойскій“. Совершенно правда; но несчастіемъ тоже было, что великій человекъ оказался мелкимъ честолюбцемъ и подалъ собою примѣръ мятежничества другимъ магнатамъ. Онъ повелъ прямо къ рокошу Зебржидовскаго.

Николай Зебржидовскій, краковскій воевода, другъ Замойскаго, зашелъ дальше его въ своихъ властолюби-

¹⁾ Шуйскій, III. 138.

выхъ видахъ. Король, дѣлая приготовленія къ своей вторичной женитьбѣ въ Краковѣ, велѣлъ Зебржидовскому выѣхать изъ замка, въ которомъ воевода проживалъ еще, какъ бывший староста краковскій. Воевода, послѣ нѣкотораго сопротивленія, исполнилъ королевскую волю, но съ угрозою, сказавъ: „Я уберусь изъ дому, а король уберется изъ королевства“. Въ то же время вознегодовалъ на короля литовскій магнатъ, подчашій князь Янушъ Радзивиллъ, глава литовскихъ диссидентовъ, за то, что король отобралъ у него два староства и отдалъ ихъ Ходкѣвичу, полевому гетману. Оба они бросились возмущать шляхту противъ короля, увѣряя, что онъ стремится къ самодержавію и угрожаетъ шляхетской вольности, вслѣдствіе чего нужно заняться исправленіемъ государственнаго организма. Шляхта вѣрила, хотя и подозрѣвала въ затѣяхъ этихъ магнатовъ другія, личныя ихъ цѣли ¹⁾).

Король созвалъ сеймъ въ Варшаву (на 6 марта 1606), а Зебржидовскій впервые заявилъ обвиненія противъ короля на прошовицкомъ сеймикѣ, заключивъ ихъ словами: „Умеръ Замоискій, но не умираетъ шляхта; она сама должна охранять свои права“. Затѣмъ собравшись въ Стэнжицѣ, шляхта уговорила послать свои жалобы (gławażina) на сеймъ, собравшійся въ Варшавѣ. Польская палата сформулировала обвинительные пункты, состоявшіе главнымъ образомъ въ томъ, что король не исполняетъ пактовъ, не держитъ при себѣ сенаторскаго совѣта, откладываетъ раздачу вакансій (должностей и староствъ), лучшія староства оставляетъ себѣ и нарушаетъ миръ съ иновѣрцами. Король опровергалъ каждый пунктъ обвиненія, но палата этимъ не удовлетво-

¹⁾ О рокошѣ подробнѣе у Нѣмцевича; *Panowanie Zygmunta III* т. I и II.

валась. Радзивилль сорвалъ сеймъ. Стэнжичане перенесли свое коло (кругъ) въ Люблинъ, а оттуда въ Сендомиръ, куда Зебржидовскій привелъ свое надворное войско и собралось до 100 тысячъ шляхты. Тутъ провозгласили Зебржидовскаго гетманомъ, выпустили универсалъ о рокошѣ и сборѣ посполитаго рушенья, и отправили къ королю депутацію съ условіями рокошанъ. Условіями этими, въ 68-ми пунктахъ, требовалось между прочимъ, чтобы король держалъ при себѣ постоянно совѣтъ сенаторовъ, удалилъ отъ двора своего іезуитовъ (Скаргу и другихъ), соблюдалъ пакты, раздавалъ въ свое время вакансіи и старѣства, соблюдалъ миръ съ иновѣрцами, отмѣнилъ „брестскую унію“ и не позволялъ папскому легату находиться постоянно при дворѣ.

Понятно, что Сигизмундъ отвергнулъ подобныя условія и рѣшился употребить силу. Онъ двинулся съ войскомъ изъ Вислицы противъ рокошанъ, которые стали отступать къ Вислѣ, чтобы переправиться на другую сторону, подъ Яновцемъ. Зебржидовскій и Радзивилль, будучи отрѣзаны отъ рѣки, принуждены были сдаться. Оба они извинились передъ королемъ и получили прощенье; затѣмъ велѣли рокошанамъ разойтись, объявляя имъ, что довольствуются сдѣлкою, состоявшеюся въ Вислицѣ, и обѣщаніемъ королевскимъ, что всѣ прочія претензіи разсмотрѣны будутъ сеймомъ.

Король, обрадованный своимъ успѣхомъ, торжествовалъ въ Краковѣ и не спѣшилъ созывать сеймъ. Малопольская шляхта роптала; великопольская же, собравшись въ Колѣ, разослала (⁴/₁₄ февраля 1607) универсалъ, призывающій всю шляхту Польши и Литвы на съѣздъ въ Ендржеевъ, куда пріѣхалъ Зебржидовскій и стали собираться рокошане (¹⁰/₂₀ марта). Тогда король созвалъ сеймъ, который большею частію удовлетворилъ требованіямъ рокошанъ; но они уже не захотѣли ничего

принять ни отъ короля, ни отъ сейма, и торжественнымъ актомъ ¹⁴/₂₄ іюня, отказались отъ повиновенія королю, т. е. объявили безкоролевье, рассчитывая посадить на престолъ Гавріила Баторія, князя семиградскаго. Тутъ уже дѣло не могло обойтись безъ оружія; оно рѣшилось сраженіемъ подъ Гузовомъ (въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Радома), въ которомъ рокошане потерпѣли поражение, потерявъ 120 человекъ убитыми. Зебржидовскій скрылся въ Опатовъ, а Радзивиллъ ушелъ въ Люблинъ, откуда всетаки назначилъ сеймъ для избранія короля, но это были предсмертныя судороги рокоша. Миртовая состоялась послѣ сейма, на пѣтровкаскомъ съѣздѣ; Зебржидовскій однако не прежде, какъ въ маѣ слѣдующаго года (1608), испросилъ прощеніе у короля; Радзивиллъ долго ломался, но тоже послѣдовалъ примѣру своего товарища.

Сигизмундъ усидѣлъ на тронѣ, благодаря только тому, какъ мы выше сказали, что шведы не вмѣшались въ дѣло рокошанъ.

Это пагубное событіе, по выраженію ученѣйшаго изъ польскихъ историковъ ¹⁾, имѣло ужасныя послѣдствія для существованія Рѣчи посполитой. Шляхта сдѣлалась послушнымъ орудіемъ магнатовъ, и анархія пошла впередъ гигантскими шагами. Іезуиты зацарили. Въ этомъ рокошѣ, пишетъ другой историкъ, шляхта упала, запятнавъ себя буйствомъ, эгоизмомъ и неправдой. „Народъ (т. е. шляхта) ничему не научился и ничего не забылъ. Мысль самоуправленія исчезла, и шляхта, запряженная, какъ пегасъ, въ колесницу польскихъ королей, раздробилась на столько кружковъ, сколько было честолюбивыхъ и безсовѣстныхъ пановъ“ ²⁾.

¹⁾ Лелевель I. 160—1.

²⁾ Шуйскій III. 172.

ГЛАВА V.

Миссіонерство Сигизмунда. — Іезуиты. — Поссевинъ.—Брестская унія 1596 г.—Самозванцы.

Іезуиты, сподвижники Сигизмунда, уже въ царствованіе Баторія такъ расплодились въ Польшѣ, что въ 1574 году отдѣлились отъ „австрійской провинціи“ ордена и образовали свою „польскую провинцію“, составившую одну изъ лучшихъ областей палы. Подъ ихъ неотразимымъ вліяніемъ легко фанатизировалось не только польское духовенство, но и шляхетство, такъ что Сигизмундъ, вступивъ на престолъ, нашель почву хорошо подготовленную для своего миссіонерства. Уже иновѣрцы не считались членами одной семьи, сынами одного отечества и назывались „диссидентами“. Іезуиты, овладѣвшіе воспитаніемъ шляхты, съумѣли подстрекнуть учениковъ своихъ къ нападеніямъ на церкви и дома диссидентовъ въ Краковѣ, Познани, Вильнѣ. Духовенство, на гнѣзненскомъ синодѣ (1589), высказалось совершенно въ духѣ нетерпимости. Король обѣщаль наказать разрушителей протестантскихъ храмовъ, но обѣщанія своего не исполниль.

По смерти отца своего (1592), Сигизмундъ выпросилъ у сейма позволеніе съѣздить въ Швецію для пріятія престола и отправился (1593), не съ войскомъ, а

съ папскимъ нунціемъ Маляспини и свитою изъ ксендзовъ и іезуитовъ. Это возмутило шведовъ и расположило ихъ въ пользу дяди его, Карла Зюдерманландскаго, управлявшаго королевствомъ. Сигизмундъ короновался, но возвратился (1594) съ однимъ лишь титуломъ короля шведскаго.

Испытавъ неудачу въ протестантской Швеціи, іезуитизмъ не отказывался отъ своихъ видовъ на православленную Россію. Наставникъ Сигизмунда, іезуитъ Поссевинъ, находившійся при дворѣ Іоанна Грознаго, для мирныхъ переговоровъ съ Баторіемъ, доносилъ между прочимъ папѣ: „Вообще я полагаю, что даже безъ особаго труда, однѣми бесѣдами о религіи можно будетъ подѣйствовать на сердце дворянства; добрый же примѣръ будетъ лучше всякихъ словъ. Необходимо будетъ изучить языкъ страны, потомъ написать на этомъ языкѣ книги и распространить ихъ въ средѣ народа, въ особенности, если по миру Ливонія достанется польскому королю (какъ она и досталась), ибо тогда при помощи семинарій, которыя нужно будетъ устроить въ Дерптѣ и въ другихъ мѣстахъ, проповѣдники евангелія получаютъ возможность съ безопасностію проникнуть въ самое сердце Московіи“ ¹⁾. Проповѣдники латинства не проникнули въ сердце Россіи, но безъ труда подѣйствовали на сердца довольно уже ополяченнаго и окатоличеннаго дворянства въ Бѣлой и Малой Руси. Хотя договоромъ люблинскаго союза русское дворянство уравнено было въ политическихъ правахъ съ польской шляхтой, безъ различія вѣры, но въ дѣйствительности, при замѣщеніи какой-либо должности, шляхтичъ-католикъ всегда имѣлъ предпочтеніе. Не желая терпѣть приниженія, православія ради, русскій дворянинъ дѣлался католикомъ, а если и оста-

¹⁾ Крпотовъ. Жизнь М. Н. Муравіева, с. 294.

вался православнымъ, то легко ополячивался, получая образованіе въ школахъ, находившихся преимущественно въ рукахъ іезуитовъ. Что касается русскаго духовенства, то русскіе епископы или владыки далеко не могли равняться съ польскими бискупами, которые засѣдали въ сенатѣ, имѣли свою надворную кавалерію, пользовались десятиной и огромными доходами съ имѣній, присвоенныхъ бискупской кафедрѣ; священники же русскіе, съ ихъ бѣдными приходами, еще менѣе могли соперничать съ ксендзами, пробощами, надѣленными богатыми пребендами.

При такой обстановкѣ и при содѣйствіи короля-миссіонера, іезуитамъ представлялась хорошо подготовленная почва, и планъ Поссевина осуществился въ 1596 году. На соборѣ духовенства и дворянъ, въ Брестѣ (9 октября), состоялась „унія“, въ силу которой православная церковь подчинилась папской власти, съ сохраненіемъ однако своихъ восточныхъ обрядовъ и славянскаго языка въ богослуженіи ¹⁾). Но планъ уніи осуществился не вполне: не подписали соборнаго акта два епископа, два князя Острожскихъ и многіе знатнѣйшіе дворяне, заявивъ свой протестъ въ разныхъ гродскихъ судахъ и окончательно во Владимірскомъ (іюня 1-го 1597 г.). Эта пагубная, какъ называетъ ее польскій историкъ ²⁾), унія взволновала и протестантовъ, такъ что

¹⁾ Мы затрогиваемъ унію настолько, насколько это нужно для полноты нашего труда. Отсылаемъ нашихъ читателей по этому предмету главнымъ образомъ къ «Исторіи Россіи», Соловьева, т. X, стр. 6—63 и 64—84, и къ монографіи Костомарова «Южная Русь», помѣщенной въ III томѣ его монографій, изданія 1867 г. Извѣстно давно сочиненіе Бантыша объ уніи. Въ моихъ »Dzieje Polski« цитируется, въ примѣчаніи 247, Мацѣевскій, «Pamiętniki», I, 297, и Венгерскій «Systema Ecclesiarum Sclavonicarum», стр. 466, 470, 480.

²⁾ Лелевель, II, Consid. 205.

они вошли въ союзъ съ православными и заключили съ ними виленскую конфедерацію (1599); но такъ какъ они предлагали принять всѣ догматы ихъ безусловно, то союзъ обратился изъ религіознаго только въ политическій. Такимъ образомъ, брестскій соборъ раздвоился и обѣ стороны, вмѣсто примиренія, предали другъ друга проклятію. Съ той поры, возникло названіе „уніатовъ“ и „неунитовъ“ или „дизунитовъ“, которыхъ поляки называли презрительно „шизматиками“. Главные орудователи уніи, Поцѣй, Терлецкій и другіе уніатскіе епископы не получили мѣста въ польскомъ сенатѣ, изъ-за чего именно и хлопотали. Тѣмъ не менѣе, обнадеживаемые и покровительствуемые Сигизмундомъ, они принялись усердно гнать своихъ противниковъ, забирая на унію церкви, монастыри и духовныя имѣнія. Гоненія эти усиливались съ ужасающею быстротою. Прошло съ небольшимъ двадцать лѣтъ послѣ уніи, какъ посоль Древинскій торжественно на сеймѣ представилъ бѣдственное положеніе православнаго народа, а литовскій канцлеръ Сапѣга громилъ уніатскаго архіепископа Кундевича за его неистовыя мѣры къ распространенію уніатства ¹⁾. Менѣе церемонились паны-шляхта, обращая русскія церкви прямо въ польскіе костелы. Русскіе дворяне, волей-неволей, переходили въ унію, а изъ уніи въ латинство, такъ что черезъ 30 лѣтъ съ небольшимъ послѣ того, современникъ Бопланъ писалъ: „русское дворянство стыдится исповѣдывать иную вѣру, кромѣ католической, хотя всѣ вельможи и князья (въ Украинѣ и Литвѣ) ведутъ свой родъ отъ русскихъ ²⁾“. За русскій народъ вступились казаки. При самомъ обнародованіи уніи, воз-

¹⁾ См. Приложенія III и IV.

²⁾ «Описаніе Украины», перев. О. У. Спб. 1832, стр. и приложеніе V.

станіе Лободы и Наливайка противъ польской короны приняло религіозный характеръ, какъ это мы увидимъ дальше.

Совершивъ подвигъ разъединенія между православными, Сигизмундъ рѣшилъ покончить свое дѣло въ Швеціи, гдѣ, послѣ его отъѣзда, Карль Зюдерманландскій присвоилъ себѣ неограниченную власть регента. Онъ отправился туда вторично, но уже не простымъ миссіонеромъ, а въ сопровожденіи войска (1598). Карль встрѣтилъ его съ оружіемъ въ рукахъ: завязалась борьба; разбитый подъ Линкьепингомъ, Сигизмундъ успѣшно возвратился въ Польшу. На сеймѣ 1600 года паньшляхта не захотѣли помогать королю; вслѣдствіе чего онъ велѣлъ венденскому старостѣ Фаренсбаху сдѣлать нападеніе на шведовъ. Староста вторгнулся въ Эстонію. Оскорбленный этимъ, Карль вступилъ въ Ливонію и взялъ Перновъ. Тогда новый сеймъ (1601) вступился за короля и объявилъ Швеціи войну. Замойскій принялъ начальство надъ войскомъ.

Такъ началась шведская война, которая съ перемирными промежутками длилась шестьдесятъ лѣтъ. Польша потеряла Лифляндію, а Сигизмундъ шведскій престоль, благодаря ненавистной шведамъ іезуитской пропагандѣ.

Первый походъ посчастливился полякамъ. Карль очистилъ Ливонію и отступилъ въ Эстонію. Замойскій хотѣлъ взять Дерптъ, занятый еще шведами; но войско, не получая жалованья, стало расходиться по домамъ, предаваясь по дорогамъ грабежу. Замойскій, обвиняемый въ подстрекательствѣ войска къ неповиновенію, сдалъ команду Ходкѣвичу (1602) и возвратился въ Варшаву. Назначеніе Мышковскаго великимъ маршалкомъ оскорбило Замойскаго, вслѣдствіе чего, происками его и его партіи, сеймъ 1603 г. оказался чрезвычайно бурнымъ и

едва не разошелся въ виду сумбура, поднятаго шляхтой; однако согласился произвести денежный сборъ на войну.

Война продолжалась побѣдоносно. Ходкевичъ одерживалъ побѣды за побѣдами, которыя однако оставались безъ послѣдствія. Карлъ провозглашенъ былъ королемъ, съ устраненіемъ Сигизмунда отъ престола (1604), а Сигизмундъ замышлялъ утвердить наслѣдство польской короны за сыномъ Владиславомъ, искалъ опять себѣ невѣсту въ австрійскомъ домѣ, вдавался въ интригу съ Мнишкомъ и Дмитріемъ Самозванцемъ (1604) и не созывалъ сейма, помимо крайней надобности. Зато сеймъ въ 1605 году вышелъ возмутительнѣе инквизиціоннаго. Замоискій выступилъ опять на сцену. Шляхта, поджигаемая магнатами, велѣла на сеймикахъ посламъ не соглашаться ни на что, пока король не раздастъ вакантныхъ мѣстъ. Замоискій явился въ челѣ оппозиціи, и сеймъ разошелся, не постановивъ ничего. Вскорѣ послѣ сейма умеръ Замоискій (1605); успѣхи оружія и побѣда Ходкевича подѣ Кирхгольмомъ прошли однако безслѣдно; интриги магнатовъ и безобразія разнузданной шляхты готовили страшный рокошъ Зебржидовскаго. Къ счастью, Карлъ согласился заключить перемиріе до октября 1602 года.

Между тѣмъ, слѣдуя плану Поссевина проникнуть въ самое сердце Московіи, іезуиты подготовляли нашествіе на Россію самозванцевъ. Іезуиты представили Лжедмитрія Сигизмунду (1604), который, будучи связанъ, не столько перемиріемъ, заключеннымъ Сапѣгою въ 1601 году отъ имени Литвы съ Москвою на 20 лѣтъ, сколько заботами о продолженіи шведской войны, поручилъ сендомирскому воеводѣ Мнишку и Вишневецкимъ поднять знамя противъ Бориса, именемъ Дмитрія, а отъ себя назначилъ самозванцу содержаніе по 40 т. золотыхъ ежегодно. Лжедмитрій, воцарившись въ Москвѣ (10/20

іюня 1605), отправилъ посломъ Безобразова въ Польшу за Марією Мнишекъ. Въ ноябрѣ, одновременно со свадьбою Сигизмунда, женившася на австрійской принцессѣ Констанціи, совершилось свадебное торжество Марины заочно. Въначалъ ее кардиналъ Мацѣвскій, а нунцій вручилъ письмо отъ папы Павла V съ благословеніемъ и увѣщаніемъ, чтобы она распространяла католическую вѣру. Вскорѣ она отправилась, въ сопровожденіи отца и блистательной свиты пановъ и дамъ, въ Москву, чтобы никогда ужъ Польши не увидѣть.

Лжедмитрій вскорѣ погибъ въ Москвѣ (1606). На его мѣсто явился другой самозванецъ и наступила для Россіи эпоха смутъ, терзавшихъ ее шесть лѣтъ сряду. Марина передается самозванцу и, по совѣту іезуитовъ, выходитъ за него замужъ. На царскомъ престолѣ садится князь Шуйскій. При дворѣ Сигизмунда происходятъ большія затѣи. Еще посолъ Безобразовъ отерылъ сенаторамъ подъ секретомъ, что русскіе желали бы видѣть Владислава у себя на престолѣ. Но Сигизмундъ самъ хотѣлъ быть царемъ, и—въ то время, когда войско подъ начальствомъ Рожинскаго предавалось неистовствамъ въ окрестностяхъ Москвы, а другіе кондотьеры польскіе, рассыпавшись до самыхъ береговъ Волги, грабили и истязали жителей,—Сигизмундъ, не спросяся ни сейма, ни сената, пошелъ въ походъ и осадилъ Смоленскъ (1609). Во время осады Смоленска Жолкѣвскій ¹⁷/₂₇ августа 1610 г. занялъ Москву, гдѣ русскіе присягнули королевичу Владиславу; но Сигизмундъ, по внушенію іезуитовъ, не отпустилъ сына и, овладѣвъ Смоленскомъ (1611), возвратился въ Варшаву просить у сейма денегъ для продолженія войны. Сеймъ выдалъ ему незначительную сумму, а для войска, стоявшаго въ Москвѣ, не далъ ничего. Тогда-то образовались, одна за другой, три войсковыя конфедераціи, которыя внесли

въ анархію новый элементъ, едвали не страшнѣе рокоша и вольнаго голоса. Одна конфедерація, подъ маршалковствомъ Цѣклинскаго, ушла изъ Москвы (въ мартѣ 1612) и пробралась ко Львову, грабя и опустошая „королевщизны“; другая, подъ начальствомъ Побѣдзинскаго, направилась въ Литву, а третья увела съ собой гарнизонъ изъ Смоленска въ Великую Польшу. Засѣвшій въ Кремль Струсь долженъ былъ сдать (12 октября 1612 г.). Въ это время Сигизмундъ съ супругой и съ цѣлымъ дворомъ, въ сопровожденіи двухъ наемныхъ полковъ, шелъ въ Москву царствовать и прошелъ уже Вязму, но узнавъ о сдачѣ Москвы, воротился со стыдомъ, растерявъ отъ голода и стужи большую часть войска. На царскій престолъ вступилъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ ¹⁾. Конфедераты буйствовали еще полтора года, пока не получили жалованья.

„Въ самомъ дѣлѣ, это была историческая Немезида“, пишетъ польскій историкъ ²⁾. „Этотъ пренебреженный народъ московскій дождался одной изъ прекраснѣйшихъ минутъ въ своей исторіи, — борьбы съ своевольными, жестокими и безнравственными наѣздниками, какими были поляки, поддерживающіе самозванцевъ, алчущіе богатствъ московскихъ, срамящіе имя свое неистовствомъ и жадностію безъ границъ. Народъ этотъ дождался Минина и Пожарскаго! Съ другой стороны, Сигизмундъ III, второй Филиппъ испанскій, обмануть въ своихъ католическо-міродержавныхъ мечтаніяхъ. Та же Немезида укачала Марину, этотъ прототипъ польской магнатской надменности“.

Поладивъ съ сеймомъ 1616 года, Сигизмундъ послалъ

¹⁾ «Ѳедоръ Микитичъ Романовъ», пишетъ Шуйскій, т. III 204. Это или ошибка, или опечатка. Ни то, ни другое непростительно въ такой серьезной книгѣ.

²⁾ Шуйскій, III, 204.

сына, Владислава, добывать царскій престоль, обязавъ его формальнымъ договоромъ (1617) уступить, въ случаѣ успѣха, Смоленскъ и Сѣверскій край (впослѣдствіи— черниговское воеводство) Польшѣ. Владиславъ ознаменовалъ два свои похода только тѣмъ, что заключилъ въ Деулинѣ (1/11 декабря 1618 года) перемиріе на четырнадцать лѣтъ, удержавъ однако Смоленскъ и Сѣверскій край. Война эта возобновилась въ 1633 году, по смерти Сигизмунда и всетаки не доставила царской короны. Владиславъ заключилъ миръ на р. Поляновкѣ, близъ Вязьмы (4/14 іюня 1634 г.), на деулинскихъ условіяхъ, но отказался отъ царскаго титула, съ обязательствомъ возвратитъ грамоту объ избраніи его на царство, которую онъ однако не возвратилъ, отозвавшись, что ее не отыскали ни въ королевскомъ, ни въ другихъ архивахъ.

Не осуществивъ своихъ іезуитскихъ плановъ на Москву, Сигизмундъ съ упорствомъ продолжалъ оспаривать у Густава Адольфа шведскую корону; но и здѣсь не былъ счастливѣе. По договору въ Альтмаркѣ (1629), онъ долженъ былъ заключитъ перемиріе на 6 лѣтъ, въ силу котораго вся Лифляндія и многіе прусскіе города остались въ рукахъ Густава Адольфа. Черезъ три года послѣ того онъ умеръ, не добывъ шведской короны. Владиславъ продолжилъ это перемиріе въ Штумсдорфѣ (2/12 сентября, 1635 г.) на двадцать шесть лѣтъ, по истеченіи которыхъ, уже при Янѣ-Казимирѣ, вспыхнула опять война, пошатнувшая до основанія Рѣчь-посполитую.

Если іезуитская пропаганда вовлекла Сигизмунда въ двѣ войны, доставившія ему, вмѣсто двухъ коронъ, самый жгучій элементъ анархіи, какъ мы сказали— страшилище войсковыхъ конфедерацій, то брестская унія, плодъ той же пропаганды, ожесточила въ высшей степени борьбу шляхетства съ казачествомъ въ Украинѣ.

ГЛАВА VI.

Украина.—Казаки.—Привилегія Баторія.—Запорожская Сѣчь.—
Конституція 1590 г.—Помѣстья магнатовъ.

Украина по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, въ составѣ трехъ тогдашнихъ воеводствъ: кievскаго, браславскаго и черниговскаго, или нынѣшнихъ губерній кievской, черниговской, полтавской и восточныхъ частей волынской и подольской, составляла часть „Малой Руси“ или „Малороссіи“¹⁾, заключающей въ себѣ остальные части

¹⁾ «Малая Русь» (Russia minor) въ грамотѣ Юрія Андреевича Галицкаго и Владимирскаго около 1334 года;—«Урусчякъ» (Малая Русь), въ Киевской Руси, около 1395 г., въ жизнеописаніи Тимуръ Бега (см. описаніе X карты въ моемъ «Историческомъ атласѣ Россіи» изд. 1873 г.). Потому-то Хмельницкій назвался гетманомъ «Малороссійской Украины», такъ какъ была и «Великороссійская Украина», извѣстная уже въ XV вѣкѣ подъ названіемъ «рязанской». (См. атласъ, карту XI). Исторія должна идти объ руку съ географіей. «Украины», или какъ ихъ нынче зовутъ «окраины», рязанская и малороссійская, начиная отъ Воронежа, Курска, Кременчуга, Крылова и Балты, къ югу терялись въ степяхъ, называвшихся, напримѣръ, «Чистымъ-полемъ», «Дикимъ-полемъ» (см. карту прилагаемую и карту XII атласа) и составлявшихъ, такъ сказать, нейтральную территорію, за которой начинались улусы татаръ ногайскихъ, перекопскихъ или крымскихъ, бѣлгородскихъ и буджакскихъ. На этой территоріи и появляются казаки, сначала татарскіе или «ордынскіе» (язовскіе и бѣлгород-

Волны и Подоли и Червоную Русь или нынѣшнюю восточную Галицію съ восточными частями люблинской и сѣдлецкой губерній. На южной границѣ кievскаго воеводства, въ нынѣшней екатеринославской губерніи, отъ Крылова и Кременчуга, внизъ по Днѣпру, по обѣимъ его сторонамъ, вдоль пороговъ, до острова Хортицы, въ нейтральной территоріи, отдѣлявшей Украину отъ татаръ, находилось казацкое „Запорожье“ или „Запорожская сѣчь“, номинально подчиненная Польшѣ, фактически же независимая.

Вотъ эта Украина съ Запорожьемъ и была колыбелью малороссійскихъ „козаковъ“, называвшихъ себя также „черкасами“ и „запорожцами“; послѣднихъ въ тѣсномъ смыслѣ поляки называли „низовцами“. Когда

skie) въ XIV вѣкѣ (см. карту XI атласа); потомъ казаки русскіе кievскіе, бывшіе съ Витовтомъ въ битвѣ подъ Танненбергомъ (1410), и рязанскіе, упоминаемые въ 1440 году (см. мои Dzieje Polki, § 72 и описаніе карты XI атласа). Еще раньше, именно въ началѣ XII вѣка, встрѣчаются на самомъ югѣ кievской Украины «Черные клубки». Это были Торки и Берендеи, побѣжденные Мономахомъ въ 1080 году, подъ Переяславлемъ, и поселившіеся на р. Роси, въ Поросьѣ, гдѣ построили городъ Торческъ, и потомъ въ 1094 году, защищались въ немъ отъ Половцевъ. Покоренные окончательно Мономахомъ въ 1121 г., они уже подъ именемъ «Черныхъ клубковъ» служатъ русскимъ князьямъ, до самаго нашествія татаръ. Они-то въ 1146 году прислали сказать Изяславу Переяславскому: «Ты нашъ князь, а Ольговичей не хотимъ» (см. Густынск. лѣтоп., подъ этимъ годомъ). Живя на Поросьѣ, они натурально занимали и берега Тясмина, распространяясь къ югу внизъ по Днѣпру, по позднѣйшему Запорожью, и на западъ до Днѣстра, по Низовью (см. карту VI атласа). Въ 1224 году, они бились съ татарами на р. Балкѣ, въ рядахъ русскихъ князей. Послѣ нашествія Батяи, мѣста ихъ занимаютъ татары, именно улусы Бурондая, подходившіе подъ самый Каневъ (см. карту VII атласа). Въ этомъ перемѣщеніи, одни изъ Черныхъ клубковъ могли остаться на своихъ мѣстахъ, другіе же переселились въ бли-

и какъ возникло казачество, какъ оно исторически развивалось, это не входитъ въ программу нашего труда; при томъ исторія происхожденія козаковъ и первыхъ ихъ предводителей темна и чрезвычайно запутана разнорѣчивыми толкованіями современныхъ лѣтописей и актовъ. Скажемъ только, что „казачество“ составляло отличительную черту „Черныхъ клобуковъ“, потомъ явились козаки „ордынскіе“ и вскорѣ послѣ того, въ XV вѣкѣ, козаки русскіе, запорожскіе и донскіе на рубежахъ кievской или малорусской и рязанской или великорусской Украины, по берегамъ Днѣпра и Дона. Это были вольные люди русскіе, православные, искавшіе приволья и добычи въ улусахъ раздробившейся орды Батыевой.

Борьба съ татарами, а потомъ съ турками, сдѣла-

жайшіе украинскіе города и мѣстечки. Гедиминъ, взятіемъ Кіева (1321), Олгердъ и Витолдъ своими побѣдами, отодвинули татаръ къ Черному морю, и тѣмъ очистили Поросье и Запорожье для казачества. Мимоходомъ сказать, кievская Украина управлялась своими князьями изъ рода Гедиминовичей и не прежде 1472 г. обратилась въ воеводство.

«Черные клобуки» составились, какъ мы сказали, изъ смѣси Торковъ, Берендеевъ и отчасти Печенѣговъ; къ нимъ приставали и вольные русскіе люди, непривязанные къ землѣ и домовности, что и могло повліять на ихъ обрусѣніе, особенно въ то время, когда они, вслѣдствіе нашествія татаръ, расселились по Украинѣ. Духъ казачества развивался въ русскомъ народѣ, и не мудрено, что на прежнихъ мѣстахъ «Черныхъ клобуковъ», въ началѣ XV вѣка, явились русскіе казаки: «черкасы и запорожцы». То же и одновременно происходило на Дону, гдѣ даже первымъ атаманомъ былъ Сары-Азманъ, татаринъ; но русскій элементъ взялъ верхъ. Наконецъ, самое названіе «Черныхъ клобуковъ» указываетъ на черныя овчинныя шапки запорожцевъ и донцовъ. О казакахъ писано много. Замѣчательнѣе, по нашему мнѣнію: «Исторія Новой Сѣчи», г. Скальковскаго, 1841 г., и введеніе къ «Богдану Хмельницкому», г. Костомарова 1870 г., съ его монографіею «Южная Русь въ концѣ XVI вѣка», 1867 г.

лась цѣлью казацкой удали. Малорусскіе или собственно украинскіе казаки селились преимущественно около Черкасъ и Канева, на правой сторонѣ Днѣпра, и пускались въ набѣги на татаръ подъ пачальствомъ избранныхъ ими предводителей, величавшихъ себя гетманами, или же въ соединеніи съ польскими войсками. Такъ, вторгнувшись въ Литву (1508) татаръ отразили князь Константинъ Острожскій и „Полюсь русинъ, славный казакъ“. Организаторомъ ихъ военной общины считается Евстафій (Остапъ) Дашковичъ, другъ князя Острожскаго, черкасскій и каневскій староста. Онъ представлялъ на пѣтровскомъ сеймѣ (1511) о необходимости держать постоянную стражу, тысячи въ двѣ, на днѣпровскихъ островахъ; но это не состоялось. Въ 1516 году, онъ и Предславъ Лянцкоронскій хмельницкій и подольскій староста, зять князя Острожскаго, громили съ казаками бѣлгородскихъ татаръ. Одного начальника надъ всѣми казаками еще не было, хотя, по малороссійскимъ и польскимъ источникамъ, Лянцкоронскій считается первымъ гетманомъ. За Лянцкоронскимъ слѣдуютъ гетманы: Венжикъ Хмельницкій, князь Дмитрій Вишневецкій, Свирговскій, князь Богданъ Рожинскій, и т. д. ¹⁾

Все это были знатные вельможи, воеводы или старосты, которые сами водили казаковъ противъ татаръ, или въ Молдавію на поиски за господарствомъ, словомъ, „козаковали“. Это служило поощреніемъ казачеству, которое одновременно усиливалось наплывомъ мѣщанъ и хлоповъ, уходившихъ отъ притѣсненій старостъ и помѣщи-

¹⁾ Такъ по Бантышъ-Каменскому, и мы его придерживаемся, считая князя Богдана Рожинскаго современникомъ Баторія и первымъ гетманомъ, слышшимъ у казаковъ подъ именемъ «Богданка». Все это пока спорные вопросы, требующіе разъясненій. Начало казачества и имена первыхъ предводителей неизвѣстны положительно.

ковъ на „Низъ“, за днѣпровскіе пороги, въ „Запорожьє“. Такъ возникло у нихъ на одномъ изъ днѣпровскихъ острововъ постоянное укрѣпленіе, славная впослѣдствіи „Запорожская Сѣчь“ (Сича).

Между тѣмъ, набѣги казацкіе на Крымъ и Турцію вызывали нападенія съ противной стороны, что и побудило Сигизмунда I сдѣлать перепись казакамъ (около 1540 года) и внести ихъ въ списоць или въ „реестръ“, съ воспрещеніемъ нападать на татарскіе улусы; то же подтвердилъ и Сигизмундъ Августъ (1557) и поставилъ надъ ними „старшюго“, подчиненнаго коронному гетману. При князѣ Богданѣ Рожинскомъ, Стефанъ Баторій особою привилегіей далъ казакамъ полную организацію. Онъ присвоилъ старшюму званіе „гетмана“, съ булавою и бунчукомъ, подчиненнаго непосредственно королю, но ограничилъ число „реестровыхъ казаковъ“ до шести тысячъ, назначивъ имъ жалованье и раздѣливъ ихъ на шесть полковъ: черкасскій, каневскій, бѣлоцерковскій, корсунскій, чигиринскій по правой, и переяславскій по лѣвой сторонѣ Днѣпра ¹⁾. Резиденцію для

¹⁾ Такъ по *Костомарову* (Хмельниц. I, XXXVII). *Бантышъ* считаетъ 20 тысячъ реестровыхъ и 10 полковъ, называя по правой сторонѣ полки: чигиринскій, корсунскій, черкасскій, уманскій, ладыженскій, богуславскій, кievскій; по лѣвой: переяславскій, полтавскій (?) и миргородскій. Г. Костомаровъ называетъ первымъ гетманомъ, отъ руки Баторія, Оедора Богданка, не смѣшивая его съ Рожинскимъ (Хм. I, XXXI, XXXII); Бантышъ объясняетъ, что казаки называли Рожинскаго полуименемъ «Богданко» въ знакъ равенства между собою (I, XVIII). Г. *Маркевичъ* находитъ у Рожинскаго 20 полковъ и дѣлаетъ его преемникомъ Вишневецкаго, съ 1514 года; къ сожалѣнію, хронологія и географія лишены у него всякаго значенія. Привилегію Баторія казакамъ онъ приводитъ безъ числа и года (I, 61); въ ней гетманская резиденція назначается въ Батуриивъ, точно такъ, какъ и въ организаціи *Шуйскаго* (III, 56), который относитъ приви-

„гетмана русскаго, войскъ русскихъ казацкихъ“ (какъ сказано въ привилегіи) назначенъ Трехтемировъ, откуда она впоследствии перенесена въ Чигиринъ; въ Черкасахъ же находился „Наказный гетманъ“, или наместникъ королевскій. Гетманъ избирался вольными глосами; при немъ были „генеральные“: обозный, судья, писарь и асаулъ. Полкъ подъ начальствомъ полковника дѣлился на 10 сотенъ. Казаки судились по дѣламъ службы своимъ войсковымъ судомъ, пока состоялъ въ реестрѣ и „казаковаль“; иначе вѣдался въ судахъ земскихъ и городскихъ.

Привилегію эту далъ Баторій украинскимъ казакамъ въ награду заслугъ, оказанныхъ при оборонѣ отечества „отъ проклятыхъ иноплеменныхъ магометанцевъ и бурсурманъ“, надѣясь вмѣстѣ съ тѣмъ дисциплинировать ихъ и сдерживать своевольные ихъ набѣги на татаръ; но онъ не тронулъ Запорожской-Сѣчи, которая въ это время представлялась своеобразно организованнымъ обществомъ. Къ устройству Сѣчи способствовалъ главнымъ образомъ князь Дмитрій Вишневецкій, тотъ самый, который поддался царю Іоанну Грозному и кончилъ жизнь

легію къ 1579 или 1578 годамъ. *Бантке* говоритъ, что привилегія дана послѣ 1578 года; *Бантъшъ* называетъ 1576 годъ (I, XVII), но въ 1576 году Баторій только что вступилъ на престолъ; Костомаровъ вовсе не означаетъ года; резиденція же у Бантыша, Бантке и Костомарова въ Трехтемировѣ. Не знаешь, кому и чему вѣрить. Не было ли двухъ привилегій, по одной изъ которыхъ, старѣйшей, резиденція назначена была въ Трехтемировѣ, а по другой, вѣроятно позднѣйшей, въ Батуриинѣ (построенномъ Баторіемъ) съ назначеніемъ мѣстопребыванія для наказнаго гетмана въ Черкасахъ, гдѣ до того времени жили гетманы или предводители. Вопросъ остается нерѣшеннымъ, а между тѣмъ организація Баторія удержалась до послѣднихъ временъ гетманщины казацкой, съ измѣненіями, вызванными современной обстановкой.

трагически въ Константинополѣ (1564). Онъ помѣстилъ казаковъ въ укрѣпленіи, построенномъ имъ (около 1555 г.) на днѣпровскомъ островѣ Хортицѣ (что противъ р. Конскія-воды), получившемъ названіе „Сѣчи“, или „Коша“; оттуда перенесъ ее на островъ Томаковку ¹⁾; онъ же научилъ ихъ строить свои челны или чайки изъ буйловыхъ кожъ, для удобнѣйшей переноски по сухопутью, во время морскихъ походовъ, которыми такъ славились запорожцы, доплывая въ своихъ чайкахъ до Константинополя.

Эта запорожская община управлялась по выбору своимъ Кошевымъ атаманомъ и раздѣлялась на курени. Въ общину принимались сперва одни холостые, а потомъ и женатые, но женщинъ держать въ самой Сѣчи запрещалось даже подъ смертною казнію. Какъ питомникъ казацкой Украины, Запорожье было неразрывно связано съ ней и даже дало названіе „Запорожскаго“ всему казацкому войску. Кошевой подчинялся гетману, насколько хотѣлъ, и дѣйствовалъ самостоятельно.

Запорожскіе казаки отправляли боевую службу преимущественно пѣшіе; украинскіе же на половину конные и пѣшіе; пѣхота казацкая отличалась особенною стойкію въ бою и, замкнувшись въ своемъ таборѣ, дѣлалась неприступною. Казакъ былъ вооруженъ ружьемъ,

¹⁾ Съ Томаковки Сѣчь перенеслась къ урочищу Никитинъ Рогъ, гдѣ нынѣ Никополь. Скальковскій (ст. 156) называетъ четыре Сѣчи или Коша, а Бантышъ (II, 8) десять. Она переносилась, какъ видно, нѣсколько разъ въ теченіе ея болѣе двухъ-вѣкового существованія. На атласѣ Польши Заннони (1772) «старая казацкая Сѣчь» показана выше пороговъ, противъ р. Чаплинской-воды, а «Новая Сѣчь» ниже пороговъ, между устьями Бузувлуга и Подпольной. Въ 15 верстахъ выше Подпольной, по лѣвую сторону р. Чертомлыка, урочище «Переправа Никитина», вѣроятно то же, что Никитинъ-Рогъ.

пистолетами, саблею и пикою не хуже польскаго гусара или панцернаго. Числительность пѣшихъ и конныхъ казаковъ, въ началѣ XVII вѣка (по свидѣтельству Боплана ¹⁾) простиралась до 80-ти тысячъ. Безалаберное польское правительство не умѣло пользоваться столь превосходнымъ войскомъ, для обороны южныхъ границъ отъ набѣговъ татаръ.

А междутѣмъ поляки, находясь постоянно, начиная съ XIII вѣка, подъ страхомъ татарскихъ набѣговъ, сами поощряли казачество, принимая участіе въ борьбѣ казаковъ съ татарами; мало того, паны вельможные сами держали у себя вооруженныхъ людей, тоже подъ названіемъ казаковъ. Если казаки задирали своими набѣгами татаръ, считавшихся данниками Турціи, то и польскіе магнаты, напримѣръ, Ласкій (1561), Вишневецкій (1563), Свѣрговскій (1575), съ помощію тѣхъ же запорожцевъ, своими вторженіями въ Молдавію, покоренную султаномъ Сюлейманомъ (1537), еще болѣе раздражали Отоманскую Порту. Но и у татаръ были свои, такъ сказать, казаки, которые, не спросясь хана, врывались въ польскіе предѣлы, чтобы пограбить и нахватать ясырь, не смотря на то, что современъ Альбрехта (1501) Польша, для укрощенія татаръ, платила хану крымскому, хотя неисправно, дань подъ именемъ „донативы, юргельта, гарача, упоминковъ“. Поэтому поляки несправедливо винили однихъ казаковъ въ нарушеніи мира съ Крымомъ и Турціею, стараясь ограничить казачество переписью или „реестромъ“; но эта мѣра не достигала своей цѣли, потому что оставшіеся за реестромъ „выписчики“ (выписные) и разные своевольные люди тоже „казаковали“, и что важнѣе, къ нимъ приставали шляхтичи,

¹⁾ См. Приложение V.

недовольные жизнью у пана, или вообще шляхетскими порядками, отрекаясь от своей національности.

Такимъ образомъ казачество усиливалось и, какъ вышедшее изъ среды посольства или низшаго сословія мѣщанъ и хлоповъ, становилось враждебно противъ пановъ-шляхты и ополячившагося русскаго дворянства, и принимало сторону народа, поработеннаго шляхтой. Вотъ почему, польское правительство стремилось „охолопить“ казаковъ, а вовсе не по поводу набѣговъ ихъ на татарскіе улусы, и конституціей 1590 года, подъ названіемъ: „Порядокъ со стороны Низовцевъ и Украины“, уничтожило привилегію Баторія.

Въ 1589 году (въ августѣ) татары ворвались въ Червоную Русь, подъ самый Львовъ; за ними шель сплистрійскій беглербегъ Гайдеръ-паша къ Днѣстру требовать, чтобы поляки платили „гарачъ“ ¹⁾; татары разбили шляхту подъ Баворовымъ и шли раздробившись загонами. Казаки напали на одинъ загонъ и совершенно его уничтожили. Замойскій послалъ къ беглербегу извиниться и просить, чтобы онъ пріостановилъ военныя дѣйствія до возвращенія короля (находившагося въ Ревелѣ), обѣщая, что Рѣчь-посполитая будетъ удерживать казаковъ отъ походовъ на Черное море. Вслѣдъ затѣмъ отправлено въ Константинополь посольство, которое наслышалось отъ визиря Синанъ-паши самыхъ дерзкихъ рѣчей: „Пусть что нибудь одно выбираютъ поляки“, говорилъ визирь, „либо черезъ сорокъ дней пригонятъ намъ сто коней, навьюченныхъ серебромъ, и будутъ давать каждый годъ такую-же дань, либо всѣ примутъ мусульманскую вѣру. А если не будетъ ни того, ни другаго, то мы васъ сотремъ и землю вашу

¹⁾ Это нашествіе татаръ и турокъ бойко описано въ монографіи Костомарова «Южная Русь», стр. 241 и слѣд.

пустою сдѣлаемъ“. Съ такимъ отвѣтомъ визиря прибылъ изъ посольства Чижевскій въ началѣ 1590 года, когда открывался сеймъ. Донесеніе его произвело ужасный переполохъ. Сеймъ постановилъ наскоро поголовный сборъ, а подскарбію велѣлъ сдѣлать заемъ въ полмиліона злотыхъ и тутъ-же издалъ вышеназванную конституцію (Порядокъ и пр.) противъ казаковъ.

Въ силу этой конституціи казаки, украинскіе и низовые, подчиняются коронному гетману, который назначаетъ начальниковъ и сотниковъ изъ шляхты. Безъ позволенія гетмана реестровые казаки никуда не могутъ отлучаться. Бурмистры и войты должны, подѣ страхомъ смертной казни, наблюдать, чтобы никто въ казаки не поступалъ и пороку не покупалъ и не продавалъ. Паны и шляхта, помогающіе казакамъ или предводительствующіе ими, подлежатъ отвѣтственности по конституціи, изданной противъ ведущихъ войну на собственную руку (войну, которую и прежде, и послѣ всетаки вели магнаты). Реестръ казакамъ долженъ вестись короннымъ гетманомъ. Два особые дозорца должны наблюдать, чтобы казаки не ходили на поиски. Чиновники и шляхта должны смотрѣть, чтобы подданные ихъ (т. е., хлопы) не уходили на «Низъ». Вслѣдъ затѣмъ сеймъ послалъ Замойскаго, секретаря королевскаго, въ Царьградъ для заключенія мира. Посредничество англійскаго посла и сто сороковъ соболей, принесенныхъ въ даръ новому визирю Фергетъ-пашѣ, склонили Порту къ заключенію перемирія съ Польшею.

Одновременно съ конституціей, сеймъ роздалъ обширныя земли на Украинѣ магнатамъ и шляхтѣ. Князю Александру Вишневецкому, старостѣ черкасскому, досталось побережье р. Сулы, почти половина лѣвобережной Украины; Янушу Острожскому—богатое бѣло-церковское староство и т. д. „Въ этомъ видно“, говоритъ

польскій историкъ, „стремленіе вытѣснить изъ Украины воинственный элементъ празднаго казачества и замѣнить его земледѣльческимъ народомъ, переселяемымъ панами. И дѣйствительно, эмиграція изъ Польши въ Украину происходила въ огромныхъ размѣрахъ. Народъ угнетенный буйной и бѣднѣйшей шляхтой, которая, для удовлетворенія своихъ потребностей, подвергала хлопа тяжелой работѣ, рвался на волю, на Украину. Тамъ онъ пахалъ землю, частію же ходилъ на поиски съ низовцами (запорожцами). Оттуда онъ впервые поднялъ возстаніе „противъ пановъ“... ¹⁾. Это едвали не первый правильный взглядъ поляка на украинское возстаніе, возникшее въ 1592 году, подъ знаменемъ Косинскаго.

¹⁾ Шуйскій. III, 132.

ГЛАВА VII.

Возстанія козаковъ.—Косинскій.—Лобода.—Наливайко.—Яругскій договоръ.—Конашевичъ Сагайдачный.—Хотинскій договоръ.—Смерть Конашевича.—Жмайло.—Кураковскій договоръ.—Тарась.—Смерть Сигизмунда 1592—1632.

Возстаніе Косинскаго и всѣ за нимъ послѣдовавшія называются у поляковъ «казацкими бунтами». Казаки, конечно, играли тутъ важнѣйшую роль; но возставалъ и весь южно-русскій людъ, такъ называемое «поспольство» или мѣщане и хлопы, и возставалъ не противъ короля, а противъ гегемоніи польской шляхты и государственнаго строя Рѣчи-посполитой, противъ гордости и алчности пановъ „которые хотѣли имѣть побольше хлоповъ въ своихъ имѣніяхъ и побольше извлекать изъ нихъ выгодъ“, пишетъ современный польскій историкъ ¹⁾. „Этимъ хлопамъ въ Украинѣ, пишетъ другой польскій историкъ ²⁾, гдѣ находились преимущественно королевскія имѣнія и обширныя помѣстья магнатовъ, сначала было легче: сами паны, для заселенія своихъ пустошей, принимали къ себѣ, на льготныхъ условіяхъ, крестьянъ бѣжавшихъ изъ Польши отъ угнетеній помѣщиковъ, или переселяли туда своихъ крестьянъ изъ

¹⁾ Пясецкій. Предисл. LIX.

²⁾ Лелевель II. Consid. 265.

другихъ имѣній.. Но эта пора кротости очень скоро улетучилась. Вездѣ, на всей Украинѣ, положеніе крестьянъ ухудшилось. Увеличили панщину и повинности; наложили таксу на свадьбы, завели «куницу» и другія притѣсненія. Помѣщикъ, обратившійся въ палство, гналъ религію своихъ хлоповъ. Участь эта, постигшая рабовъ, угрожала и казакамъ, какъ общею системою шляхетскаго господства, такъ и мѣрами, принятыми для истребленія казаковъ.. Магнаты и старѣсты, поддерживаемые іезуитами и жидами, ковали цѣпи для казаковъ. Они старались довести ихъ до того-же холопства, какъ крѣпостныхъ, и накинуть на нихъ панщину. Жидаы, всегда умѣвшіе увеличивать доходы помѣщиковъ въ пользу своихъ арендъ, отняли у казаковъ свободную продажу питей и завели разныя монополіи. Отнимали у казаковъ ихъ храмы, ихъ кладбища; учредили судилища подъ управленіемъ іезуитовъ; выкапывали мертвыхъ изъ могилъ и ругались надъ костями шизматиковъ. Подпольными продѣлками и явными насиліями подстрекали преслѣдуемыхъ къ возмущеніямъ, къ бунтамъ, чтобы имѣть поводъ къ наказанію и усиленію неволи. Варварская жадность магнатовъ и старѣсть готовила неизъяснимыя бѣдствія республикѣ“. Вотъ въ сжатомъ видѣ добросовѣстное изложеніе причинъ возстанія казаковъ, распатавшаго до основанія Рѣчь-посполитую и запечатлѣннаго съ обѣихъ сторонъ самую безпощадную ненавистью.

Шляхетство и казачество не могли совмѣститься въ польской жизни. Своевольный шляхтичъ не могъ и не хотѣлъ ужиться съ казакомъ, вольнымъ человѣкомъ и притомъ шизматикомъ: онъ думалъ только о томъ, какъ его охолопить. Казакъ и русскій холопъ видѣли передъ собой только одного врага, но въ трехъ лицахъ: «ляха, вызувита (іезуита) и жида». Ляхомъ они назы-

вали поляка, преимущественно шляхтича; іезуитъ олицетворялъ у нихъ латинство, съ присущею ему униєю, а жидъ представлялся въ видѣ пьявки-арендаря.

Борьба между этими двумя элементами, русскимъ и польскимъ, усложнилась и затянулась отъ вмѣшательства Турціи. Казаки, по своему исконному призванію, громили татаръ, подвластныхъ Турціи; татары въ отместку и по собственному своему почину, грабили польскія владѣнія. Порта требовала обузданія казаковъ; Польша охотно на это соглашалась. Нападутъ ли казаки на татаръ, или татары на поляковъ, тотчасъ конституція на сеймѣ противъ казацкой вольницы. Казаки не унимаются, татары тоже, и опять конституція, строже прежней. „Пусть себѣ татары врываются и грабятъ“, разсуждали паны, „за то мы охолопимъ эту казацкую вольницу и закрѣпимъ ее въ панщизну“. Такъ относилось польское правительство къ казацкимъ набѣгамъ, а насчетъ пановъ-магнатовъ нисколько не тревожилось, когда они врывались въ Молдавію, съ цѣлію добывать господарство для своихъ родственниковъ, или водили самозванцевъ на русскую землю; польское правительство даже приглашало казаковъ участвовать въ этихъ шляхетскихъ набѣгахъ.

При такихъ условіяхъ мировая была немислима. Возстанія, въ продолженіи сорока шести лѣтъ, то вспыхивали, то замирали. Правительство, обезсиленное анархією, не могло сломить казаковъ и успѣло только въ 1638 году принудить ихъ къ десятилѣтнему наружному замиренію.

Косинскій¹⁾, шляхтичъ русской вѣры, изъ Подляся,

¹⁾ Возстаніе Косинскаго и послѣдующія, до смерти Наливайка, описаны Костомаровымъ въ его монографіи: «Южная Русь», стр. 249—282; но хронологія грѣшитъ: авторъ говоритъ, что Косин-

поднялъ возстаніе съ казаками (неизвѣстно какого рода, реестровыми или выписными, „выписчиками“); только ополченіе его считалось казацкимъ, къ которому примкнула вся разнородная вольница Украины. Казаки эти разоряли панскіе и шляхетскіе дворы, брали королевскіе замки, забирали непремѣнно пергаментные документы шляхты и истребляли ихъ, принуждали къ присягѣ на свое имя; противниковъ убивали и мучили. По овладѣніи Кіевомъ, Бѣлою-Церковью и другими городами, Косинскій не пощадилъ имѣній и князя Острожскаго и опустошилъ ихъ. Будучи разбитъ сыномъ Острожскаго, Янушемъ, подъ Пятокомъ, онъ распустилъ свою вольницу, потомъ опять ополчился и былъ убитъ въ Черкасахъ (1593).

Преемникъ Косинскаго, Лобода, подговоренный австрійскимъ агентомъ Хлопицкимъ, пошелъ на Дунай, разорилъ Журжево и ограбилъ окрестности (1593). Цесарь Рудольфъ желалъ этой уловкой вовлечь Польшу въ войну съ Турціею, въ союзъ съ имперіею. Польша

скій явился въ 1593 году (стр. 249), въ чемъ согласенъ съ Бантышемъ (Вступленіе, XXI), а на слѣдующей страницѣ—Косинскій еще въ 1592 году овладѣлъ Кіевомъ и Бѣлою-Церковью и шляхта только въ январѣ 1593 г. стала собираться подъ Константиновъ, вслѣдствіе универсала королевскаго, 1592 года. Авторъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», пользовавшійся достоверными, польскимъ историкамъ неизвѣстными источниками, каковы напр., «Малороссійскія дѣла, Моск. Арх. иностр. дѣлъ, рукописи Имп. публ. бібліотеки и т. д., называетъ 1592 годъ. По Бантышу, Косинскій убитъ въ 1594 году, въ сраженіи подъ мѣстечкомъ Пяткою, а по Соловьеву и Костомарову, онъ только былъ разбитъ подъ городомъ «Пятокомъ» и убитъ въ Черкасахъ, въ 1593 году. У Маркевича, онъ схваченъ поляками въ Брестѣ, въ 1596 году, и замурованъ въ столбъ (?) (I, 81). Костомаровъ называетъ Косинскаго шляхтичемъ, Соловьевъ говоритъ просто какой-то Косинскій, а Шуйскій о Косинскомъ вовсе не упоминаетъ.

извинилась передъ Портою; но турки не удовольствовались этимъ и вошли въ Венгрію, а татары ворвались въ Покутье и произвели страшное опустошеніе (1594). Отряды казаковъ ходили въ Волощину, сожгли Тегинь (Бендеры) и, соединясь съ Лободою, ограбили Молдавію.

Лобода и сподвижникъ его Наливайко, предводительствовавшій не реестровыми казаками, а украинской вольницей, расположились въ Браславщинѣ. Панъ Калиновскій въ Гусятинѣ отнялъ имѣніе у отца Наливайка и такъ его избилъ, что тотъ умеръ отъ побоевъ. Наливайко, ожесточенный противъ польскаго своеволья, задумалъ продолжать дѣло Косинскаго и поднять возстаніе противъ шляхетскаго строя Польши. Онъ началъ съ того, что занялъ Браславъ съ согласія мѣщанъ и вмѣстѣ съ ними разогналъ шляхту, ѣхавшую въ городъ на совѣщаніе о своихъ дѣлахъ. Передавъ Браславъ Лободѣ, онъ ходилъ въ Семиградье (1595), по призыву тамошняго князя Сигизмунда Баторія, желавшаго завоевать для себя Молдовлахію. Замыселъ Баторія не удался и вызвалъ нашествіе турокъ, подъ начальствомъ Синай-паши. Баторій и волошскіе господа Розванъ и Михаилъ бѣжали. Тогда канцлеръ и гетманъ, Замойскій, вступилъ въ Молдавію, посадилъ Іеремію Могилу на господарство въ Яссахъ (1595). Синай-паша бросился въ Валахію, которую и завоевалъ, но Замойскаго оставилъ въ покоѣ, боясь начать войну съ Польшею. Затѣмъ ханъ крымскій, Кази-гирей, подошелъ къ Яссамъ, въ намѣреніи посадить туда санджакомъ Адиль-гирея. Замойскій окопался на цецорскпхъ поляхъ, и послѣ нѣсколькихъ сшибокъ, заставилъ хана признать Іеремію господаремъ, но обезпечилъ татарамъ свободное возвращеніе въ Крымъ. Въ этомъ походѣ, Лобода, помимо приказанія Замойскаго, не захотѣлъ участвовать; напротивъ, онъ изъ Браслава ходилъ тоже въ Волощину, дѣйствовать

на свою руку. Послѣ вступленія Іереміи на господарство, оба казацкіе предводителя, Наливайко и Лобода, воротились домой и подняли возстаніе, прежде нежели Замоискій возвратился изъ Молдавіи (зимою 1595).

Этотъ своевольный походъ Замоискаго возбудилъ противъ него неудовольствіе шляхты, которая боялась за дурныя послѣдствія, въ виду неудовольствія австрійскаго двора. Папа Климентій написалъ даже выговоръ Баторію; но этотъ отправилъ къ нему посольство съ извиненіемъ, которое было принято тѣмъ благосклоннѣе, что принесло первое извѣстіе объ уніи¹⁾. Въ это именно время (1595) Терлецкій и Поцѣй собирались ѣхать въ Римъ, для подчиненія папѣ русской церкви.

Наливайко, возвратившійся изъ Семиградья (осенью 1595), открыто пошелъ противъ польской короны²⁾. Возстаніе его принимало уже религіозный характеръ. Читалось посланіе князя Острожскаго, и возбуждались въ православныхъ привязанность и вѣрность къ религіи своихъ предковъ. Наливайко пошелъ на Волынь и ограбилъ Луцкъ, въ которомъ находились сторонники и слуги Терлецкаго. Оставивъ набирать охотниковъ въ казаки подъ надзоромъ Лободы, Наливайко отправился въ Бѣлую Русь. Въ Слуцкъ, принадлежавшемъ Ходкѣвичу, виленскому каштеляну, онъ запасся пушками и ружьями, взялъ контрибуцію и пошелъ къ Могилеву. Панышляхта, защищавшіе городъ, зажгли его, казаки не могли погасить огонь и Наливайко, оставивъ пепелище, пошелъ въ обратный путь. Народъ повсюду начиналъ изъяснять къ нему свое сочувствіе. Даже шляхтичи, недовольные почему либо польскими порядками, приставали къ казакамъ, какъ это случилось въ Пинскѣ.

¹⁾ Шуйскій, III, 145.

²⁾ Костомаровъ: «Южная Русь», стр. 262—282.

Наливайко находился въ Черновѣ, близъ м. Острополя ¹⁾ (въ февралѣ 1596), на Воляни, усиливая свое ополченіе подходившими къ нему отрядами охотниковъ, а Лобода разгонялъ пановъ и уніатовъ въ Кіевщинѣ, когда король вызвалъ для укрощенія мятежа оставленное Замоискимъ въ Молдавіи войско, подъ начальствомъ полеваго гетмана Жолкѣвскаго. Со всѣхъ сторонъ стягивались полки, предводимые панами, прославившимися потомъ на боевомъ полѣ; тутъ были: князь Рожинскій, Потоцкій староста каменецкій, Михаилъ Вишневецкій, Струсь, Ходѣвичъ, Огинскій и многіе другіе со своими надворными дружинами. Жолкѣвскій только въ концѣ февраля пришелъ къ Кременцу и, передовымъ отрядомъ разбивъ двѣ сотни казаковъ подъ Мичевицами ²⁾, двинулся къ Острополю. Въ виду превосходныхъ силъ поляковъ, Наливайко началъ отступать черезъ Прилуку, по направленію къ Кіеву, преслѣдуемый по пятамъ Жолкѣвскимъ. Послѣ дѣла подъ Бѣлой Церковью, въ которомъ Жолкѣвскій потерпѣлъ пораженіе, и послѣ нѣсколькихъ стычекъ, въ которыхъ казаки храбростію не уступали полякамъ ³⁾, угрожаемые подошедшимъ изъ Литвы Ходѣвичемъ, Наливайко и Лобода, соединивъ свои войска, перешли у Триполя на лѣвый берегъ Днѣпра. Жолкѣвскій продолжалъ преслѣдованіе. Они отступили къ Лубнамъ и стали таборомъ верстахъ въ семи отъ города на урочищѣ Солоницѣ. Жолкѣвскій окружилъ таборъ и дѣлалъ нѣсколько приступовъ, но безуспѣшно. Въ таборѣ оказался недостатокъ и къ тому возникли раздоры. Казаки убили Лободу и выбрали гетманомъ не Наливайка, а Кремпскаго, каневского

¹⁾ М. Острополь, въ 25 верстахъ отъ Староконстантинова, волянской губерніи.

²⁾ Селеніе въ 13 верстахъ отъ Острополя.

³⁾ Пясецкій. Kronika, Kraków, 1870. 131.

полковника, послѣ чего еще чаще и отчаяннѣе стали дѣлать вылазки. Но когда подвезли къ полякамъ изъ Кіева большія пушки и открыли пальбу по табору, то казаки не могли долѣе держаться. Тысячи полторы съ Кремпскимъ успѣли уйти въ Сѣчь; остальные сдались и выдали Наливайка (іюня 1596). Жолкѣвскій отправилъ его въ Варшаву, гдѣ онъ и преданъ былъ мучительной казни ¹⁾.

Послѣдствіемъ солоницкаго побоища было новое стѣсненіе казаковъ. Они лишались всѣхъ своихъ прежнихъ правъ, угодій, Терехтимирова, и подчинялись строго коронному гетману. Но для исполненія репрессивныхъ мѣръ требовалась сила, а ея не оказывалось, и сеймовыя конституціи противъ казаковъ оставались мертвой буквой, точно такъ, какъ и конституціи (1608, 1618, 1623, 1627 и 1631), изданныя въ пользу православ-

¹⁾ Паны слишкомъ были озлоблены прогивъ этого врага шляхетства и засадили его въ тюрьму, гдѣ истязали его пытками до времени открытія сейма и тогда только казнили (1597). Историкъ Бѣльскій († 1576) говоритъ, что ему просто отрубили голову; другой современникъ, Янчинскій, пишетъ, что Наливайко былъ посаженъ на раскаленнаго желѣзнаго быка, а по народному преданію, перешедшему въ Малорусскія лѣтописи, его сожгли въ мѣдномъ быкѣ (Костомаровъ: «Южная Русь», стр. 281). Почтенный историкъ Пясецкій († 1649), цитируемый Делевелемъ, (II. Consid., 254) въ латинскомъ текстѣ (Chronica Crac. 1645) пишетъ, что его уморили бессонницею, не давая ему спать (Solis vigiliis, quod ipsi non fuisset concessum dormire, enecatus.) Странно, что это мѣсто въ польскомъ переводѣ, которымъ мы пользуемся, «пропущено». Видно только, что его порядкомъ помучили. Бантышъ (I, XXII), слѣдя Миллеру, говоритъ, что Наливайко былъ посаженъ на колъ, любимое наказаніе у поляковъ во время казачьихъ войнъ. Соловьевъ, X. 65, говоритъ только, что онъ казненъ въ Варшавѣ, въ 1597 году. По мѣстнымъ преданіямъ, онъ содержался и казненъ на той улицѣ въ Варшавѣ, которая называется, по имени его, Налевками.

ныхъ, по поводу свирѣпствовавшей въ то время уніи. Относительно этихъ послѣднихъ конституцій, польскій историкъ ¹⁾ говоритъ: „Кто только имѣетъ понятіе о тогдашнемъ состояніи Рѣчи-посполитой“, тотъ долженъ сознать, что такія „частыя и строгія конституціи свидѣтельствовали именно о преслѣдованіи православныхъ“, и оставались, слѣдовательно, только на бумагѣ. Въ отношеніи къ казакамъ, несостоятельность конституцій оказывалась еще отъ непослѣдовательности и безалаберности правительства. Оно запрещало казакамъ дѣлать нападенія на татаръ и турокъ, боясь раздражить Порту, а между тѣмъ, смотрѣло сквозь пальцы, какъ паны Замойскіе, Потоцкіе, Корецкіе, Вишневецкіе, врывались въ Молдавію и казаковали за одно съ казаками. Мы видѣли уже Замойскаго въ Яссахъ; не прошло трехъ лѣтъ послѣ смерти Наливайка, какъ Замойскій снова пошелъ (1600) въ Волощину и на этотъ разъ кстати, чтобы отразить грозившую оттуда опасность.

Михаилъ, государь валахскій, поддерживаемый цесаремъ Максимилианомъ, свергнулъ съ государства Іеремію Могилу (1599) и задался отважнымъ планомъ, съ помощію Австріи, Швеціи и Россіи, овладѣть Польшею и раздѣлить ее между союзниками. Замойскій представилъ о томъ на сеймѣ (1600). Поляки не захотѣли вмѣшиваться въ это дѣло; при томъ, королю надо было развѣдываться съ Карломъ Зюдерманландскимъ, овладѣвшимъ уже Лифляндіею. Сеймъ разошелся, не постановивъ ничего. Тогда Замойскій рѣшился повести дѣло на свою руку. Онъ собралъ надворные полки литовскихъ и русскихъ пановъ и взявъ кварцяное войско, подъ начальствомъ Жолкѣвскаго, перешелъ Днѣстръ (25 августа

¹⁾ Шуйскій, III. 150.

(4 сентября) 1600) и вступилъ въ Молдавію. Безъ казаковъ, разумѣется, дѣло не могло обойтись; ихъ было до тысячи человекъ въ рядахъ Замойскаго, но гораздо больше на сторонѣ Михаила, подъ предводительствомъ Кисельницкаго и Косаковского. Когда онъ осадилъ Сочаву, семиградчане возстали противъ Михаила, а казаки, служившіе Михаилу, перешли въ польскій лагерь. Это ободрило Замойскаго, и онъ двинулся въ Валахію, разбилъ Михаила на голову подъ Терговиштемъ (9/19 октября). Иеремія возвратился на господарство, и Михаилъ вскорѣ погибъ отъ руки австрійскаго генерала Басты.

По поводу возникшей въ слѣдующемъ году (1601) шведской войны, правительство старалось задобрить казаковъ, отмѣнило приговоръ, постановленный надъ ними послѣ солоницкаго погрома, и, оставляя ихъ въ непосредственной зависимости отъ короннаго гетмана, распространило амнистію на всеѣхъ тѣхъ, которые заявляютъ готовность воевать противъ шведовъ. Казаки, конечно, неотказались отъ участія въ шведской войнѣ, но за то пустились съ большею отвагою громить бусурманъ. Уже въ 1601 году крымскій ханъ жаловался на низовцевъ, а въ слѣдующемъ году атаманъ Килей, на тридцати чайкахъ, бился на Черномъ морѣ съ турецкимъ агою Гассаномъ и разбилъ его. Эти набѣги усиливались, не смотря на ни какія конституціи, имѣя опору въ недоступной для татаръ Запорожской Сѣчи. Мѣщане и хлопы, назвавшись поляками, или казаками, отправлялись въ Сѣчь, оттуда ходили воевать на сушѣ и на морѣ, и возвращаясь на родину, ни за что уже не хотѣли подчиниться прежней власти пановъ. Эти обстоятельства, вмѣстѣ съ жалобами Порты и крымскаго хана, побудили польскій сеймъ издать въ 1607 году строгую конституцію противъ казаковъ, подчинившую ихъ юрисдикціи пановъ. Но что же значила эта конституція въ то время, когда

одни паны, Зебржидовскій и Радзивилль, дрались съ королемъ, а другіе, Вишневецкіе, Мнишки, Рожинскіе, Сапѣги, Зборовскіе, подъ знаменами самозванцевъ, выводили толпы казаковъ въ московское государство? Вскорѣ и самъ Сигизмундъ призвалъ къ себѣ казаковъ, подъ Смоленскъ (1609). Это была пора казацкаго разгула. Служа въ шайкахъ Сапѣги и Лисовскаго, въ земскихъ ополченіяхъ Ляпунова и Пожарскаго, они дрались въ то же время съ татарами и ходили на море грабить турокъ.

Около этого времени появился въ Запорожѣ знаменитый Петръ Конашевичъ-Сагайдачный и сталъ предводительствовать всѣми низовыми и украинскими казаками ¹⁾, съ титуломъ гетмана, неоспориваемымъ даже съ польской стороны. Ему противопоставляли иногда другихъ гетмановъ, по волѣ короля, но они не могли удержаться. Онъ беспощадно велъ борьбу съ Турціею. Казаки врывались въ Крымъ и грабили анатолійскіе берега; такъ, они взяли Кафу (1613) и освободили христіанскихъ плѣнниковъ, ограбили Синопъ (1614), напали на Трапезонтъ (1615), разбили пашу и занесли на своихъ чайкахъ подъ самый Царьградъ. Этотъ послѣдній набѣгъ совпадалъ съ набѣгомъ поляковъ въ Молдавію. Стефанъ Потоцкій хотѣлъ возвратить господство Константину Могилѣ (сыну Іеремі), изгнанному Томжею (1612), но былъ разбитъ турками подъ Сасовымъ-Рогомъ и взятъ въ плѣнъ. Родственники Константина, князья Корецкій и Михаилъ Вишневецкій, повели его опять на господство; но походъ ихъ не

¹⁾ По Бантышу: (I, XXIII), Сагайдачный (отъ слова «сагайдакъ» — лукъ) является въ 1606 г.; по Маркевичу, (I, 96) въ 1596 г.; а по Костомарову (Хмельн. I, LV) въ 1612 г. Трудно согласить хронологію.

удался; Вишневедкій умеръ отъ огорченія, а Корецкій попался туркамъ въ плѣнь ¹⁾ Это нашествіе на Молдавію, въ которомъ участвовали казаки, и одновременное опустошеніе запорожцами анатолійскихъ береговъ побудили турецкій диванъ (1617) послать большое войско подъ начальствомъ Скиндера-паши, для наказанія поляковъ и казаковъ. Жолкѣвскій, стоявшій подъ Бушей, на Днѣстрѣ, не рѣшился принять битвы и заключилъ съ пашею въ Яругѣ договоръ (¹⁷/₂₇ сентября, 1617 г.), которымъ обязался платить туркамъ обычную донативу, не мѣшаться въ дѣла Молдавіи, срыть города Бершадъ и Рашковъ на Днѣстрѣ и обуздать казаковъ ²⁾. Черезъ мѣсяць послѣ того (¹⁸/₂₈ октября) комисія въ Ольшанѣ обязала казаковъ не ходить на море, не нападать на татаръ и не принимать къ себѣ своевольныхъ людей ³⁾. По этому поводу поднялся вопросъ: уничтожить ли казаковъ или нѣтъ? Разрѣшая вопросъ, польскій публицистъ Пальчовскій, въ своей брошюрѣ, 1618 г., писалъ, что „по его мнѣнію, истребить казаковъ безчестно, бесполезно и невозможно. Безчестно: ибо значить исполнить требованіе непріятели турка истребить христіанъ, тогда какъ казачество, при дворахъ европейскихкихъ считается единственною оградою христіанства. Бесплезно: если не будемъ имѣть сосѣдями казаковъ, то будемъ имѣть сосѣдями турокъ и татаръ: что лучше? Невозможно: еще при королѣ Стефанѣ Баторіѣ хотѣли истребить казаковъ, но отложили намѣреніе за невозможностью, а тогда было казаковъ гораздо менѣе,

¹⁾ Пясецкій. 252—260.

²⁾ Шуйскій, III. 210.

³⁾ Слѣдуемъ Костомарову и Шуйскому; у перваго (Хмельн. I, LXI) беремъ дату договора, а у послѣдняго (III, 208) мѣсто собранія комисіи.

чѣмъ теперь. Если кто скажетъ, что можно было нѣмецкихъ рыцарей уничтожить, то отвѣчаю: съ нѣмецкимъ орденомъ Польша боролась 200 лѣтъ, пока его уничтожила; кто будетъ совѣтовать начать двухвѣковую борьбу съ казаками для ихъ уничтоженія, того надобно подвергнуть остракизму¹⁾. Дальше, мы встрѣтимъ подобное мнѣніе современника Пясецкаго. Но это былъ гласъ въ пустынь. Ольшанская комисія не имѣла значенія, потому что понадобилась опять казацкая помощь въ войнѣ съ Россією. Владиславъ самъ призвалъ (1618) Конашевича-Сагайдачнаго, принялъ его съ почетомъ и пожаловалъ бунчукомъ и гетманской булавою²⁾. Конашевичъ привелъ 20 тысячъ казаковъ, которые и сражались подъ Москвою. Но какъ только кончилась московская война деулинскимъ перемиріемъ (1/11 декабря 1618 г.), правительство взялось опять за казаковъ, число которыхъ при Конашевичѣ, со времени участія ихъ въ походахъ самозванцевъ, значительно увеличилось. На этомъ основаніи, по рѣшенію сейма (въ мартѣ 1619), комисары королевскіе—оба гетмана Жолкѣвскій и Конецпольскій, два воеводы и два старобыты заключили съ Конашевичемъ (27 сентября (8) октября, 1619) сдѣлку, по которой обѣщано казакамъ ежегодное жалованье 40 тысячъ злотыхъ, съ условіемъ, чтобы они воздержались отъ всякихъ набѣговъ на Черномъ морѣ, отпустили изъ рядовъ своихъ весь людъ, накопившійся у нихъ въ послѣдніе пять лѣтъ, не уклонялись отъ старостинскаго суда и слушались старшого, назначаемаго изъ среды ихъ короннымъ гетманомъ. Сдѣлку подписалъ „Старшой Петръ Конашевичъ“³⁾. По поводу этой сдѣлки или договора, Жолкѣв-

1) Соловьевъ, X, 86.

2) Пясецкій. 267.

3) Шуйскій, III, 214.

скій писалъ (¹¹/₂₁ октября): „Сколько стараній надобно было употребить, чтобы успокоить казаковъ,—такъ они сознавали свою силу! Было не мало торгу и толковъ; домогались они то того, то другаго. Дали имъ 20 тысячъ въ награду за московскую службу и 700 поставовъ сукна, да 10 тысячъ въ счетъ обѣщаннаго жалованья (сорока тысячъ)“ ¹⁾. Поляки остались довольны этой сдѣлкой; но странно, что Конашевичъ показаль такую уступчивость въ виду предстоявшей турецкой войны, зная, что безъ казацкой помощи полякамъ не обойтись. Помимо Яругскаго договора, турки и татары (въ маѣ 1618) вторглись въ Подоль. Жолкѣвскій разбилъ ихъ; но когда появился на Днѣстрѣ Скиндеръ-паша съ султаномъ Галгой, то онъ окопался подъ Орынномъ, близъ Каменца, и не принялъ битвы, по малочисленности своихъ силъ, въ чемъ и долженъ былъ оправдываться передъ сеймомъ (въ мартѣ 1619). Татары и турки страшно опустошили Подоль и Волянъ. Поляки снесли это насиліе Турціи и послали Отвиновскаго въ Стамбуль ходатайствовать о мирѣ. Но посоль этотъ не былъ даже допущенъ къ аудіенціи въ диванѣ, и Скиндеръ-пашѣ повелѣно было съ татарами снова ударить на Польшу. Тогда Жолкѣвскій, съ пятью тысячами отборнаго народоваго войска, въ которомъ находился цвѣтъ магнатовъ и шляхты, имѣя при томъ двѣ тысячи казаковъ, двинулся въ Молдавію (²/₁₂ сентября) и сталъ таборомъ на цецорскихъ поляхъ, близъ Прута. Разбитый въ вылазкѣ (⁹/₁₉ числа) превосходными силами Скиндеръ-паши, онъ началъ отступление (¹⁹/₂₉ числа) къ Днѣстру и, не доходя верстъ четырехъ до Могилева, палъ въ послѣднемъ сраженіи (26 сентября (6 октября) 1620) съ Скиндеръ-пашою, истре-

¹⁾ Онъ же.

бывшимъ тутъ почти все польское войско; по другимъ же сказаніямъ, онъ убитъ ночью однимъ изъ барскихъ казаковъ, когда пробирался къ Днѣстру, одинъ безъ войска ¹⁾. Небольшая часть спаслась за Днѣстръ. Въ этомъ погромѣ попались въ плѣнъ польный гетманъ Конецпольскій, кн. Корецкій, сынъ Жолкѣвскаго Лука и Фаренсбахъ, три года томившіеся въ неволѣ, и убитъ сотникъ чигиринскій, Михаилъ Хмельницкій, отецъ знаменитаго впоследствии Зиновія-Богдана, который тутъ же былъ взятъ въ плѣнъ ²⁾.

Могилевскій, или какъ его называютъ, цецорскій погромъ поразилъ ужасомъ Польшу. Въ ожиданіи новой грозы, на сеймѣ, собравшемся въ ноябрѣ 1620 г., памятномъ тѣмъ, что когда Сигизмундъ входилъ въ костель, шляхтичъ Пекарскій ранилъ его топоркомъ (чеканомъ),—рѣшено было ополчиться всѣми силами и идти на встрѣчу туркамъ. Ходкѣвичъ назначенъ былъ предводителемъ. Съ трудомъ набрали 32 т. войска; пушекъ и артиллерійскихъ снарядовъ такъ было недостаточно, что принуждены были занять ихъ у казаковъ. Конашевичъ поставилъ 40 тысячъ запорожскаго войска и участвовалъ въ этомъ трудномъ походѣ. Ходкѣвичъ перешелъ Днѣстръ (22 іюля (1 августа) 1621 г.) и расположился таборомъ подъ Хотиномъ. Кантемиръ-мурза съ татарами сдѣлалъ первый приступъ къ табору (²¹/₃₁ августа), но былъ отбитъ. Явился наконецъ (23 ав-

¹⁾ Пясецкій. 288. Онъ означаетъ цецорское сраженіе 9 (19) сентября (?)

²⁾ Значитъ, Жолкѣвскій погвбъ не подъ «Цецорой», какъ пишутъ обыкновенно польскіе и русскіе историки, а подъ «Могилевомъ». Отъ Цецоры, лежащей на Прутѣ, до Могилева верстъ 130 на прямикъ. Отступленіе отъ Цецоры до Днѣстра продолжалось 7 дней (Моя Dz. Р. пр. 267).

густа (2 сентября) самъ султанъ Османъ съ огромнымъ войскомъ и началъ рядъ послѣдовательныхъ приступовъ, въ которыхъ главная атака была ведена на казаковъ и всякій разъ мужественно отражаема. Конашевичъ, находившійся тутъ съ казаками, въ числѣ 30 тысячъ ¹⁾, настаивалъ, чтобы сдѣлать нападеніе на турецкій лагерь, но Ходкѣвичъ не соглашался, что и произвело волненіе между казаками, съ трудомъ унятое увѣщаніями. Въ лагерьѣ оказался недостатокъ продовольствія и появились болѣзни. Ходкѣвичъ занемогъ и, отвезенный въ Хотинъ, умеръ (14/24 сентября). Королевичъ Владиславъ, находившійся при войскѣ, передалъ начальство Станиславу Любомирскому, воеводѣ русскому. Черезъ четыре дня (15/28 сентября) турки въ послѣдній разъ пошли на штурмъ, но были отражены. На другой день поляки вступили въ переговоры и, благодаря страстному желанію турокъ воротиться домой, заключили миръ (29 сентября, (9 октября)) на яругскихъ условіяхъ, съ небольшими исключеніями. Король польскій обязался казаковъ, а султанъ—татаръ удерживать отъ набѣговъ и грабежей. На молдавское господарство султанъ обѣщалъ назначать христіанъ, расположенныхъ къ Польшѣ; король обязался платить татарамъ ежегодно „упоминки“. Этотъ договоръ такъ возмутилъ казаковъ, что они стали грабить польское войско на обратномъ пути, а жолнеры, не получивъ жалованья, сконфедеровались и стали грабить (1623) панскіе дворы въ Червоной Руси.

Конашевичъ, недовольный хотинскимъ миромъ и тяжело раненый въ битвѣ, удалился въ кіево-братскій монастырь, гдѣ и умеръ въ слѣдующемъ году (1622). Украинцы не долюбивали его за то, что онъ „съ ляхами жилъ въ мирѣ“, какъ выражается одна малорос-

¹⁾ Пясецкій 301—2.

сійская лѣтопись. Онъ дѣйствительно оказывалъ услуги Польшѣ и сдерживалъ казацкую удаль, но не безъ задней мысли: ему хотѣлось сколько нибудь обуздать свирѣпствовавшую въ то время унію, посредствомъ конституцій въ пользу православной церкви, и въ этомъ онъ успѣлъ, какъ свидѣлствуютъ конституціи, хотя и не приведенныя въ исполненіе, 1607, 1609, 1618 и 1620 годовъ. Главною же заслугою его для православія было возстановленіе духовной іерархіи: по его просьбѣ, проѣзжавшій черезъ Кіевъ (1620) іерусалимскій патріархъ, Теофанъ, посвятилъ въ кіевскіе митрополиты Іова Борецкаго, а за тѣмъ были посвящены владыки на всѣ русскія епархіи. Онъ возвращалъ православнымъ церкви, отнятыя уніатами, и возобновилъ кіевобратскій монастырь. Съ возстановленіемъ іерархіи, борьба русскаго народа съ ополчившимся шляхетствомъ, опредѣленіе, чѣмъ прежде, прикрывалась знаменемъ униженной православной церкви ¹⁾. Съ той поры казаки сдѣлались опорю православія греческаго обряда, говорить польскій историкъ ²⁾ и приводитъ по этому случаю рѣчь, сказанную послѣ, на сеймѣ 1627 года, литовскимъ конюшимъ княземъ Збаражскимъ въ защиту своей православной вѣры. „Какую выгоду находитъ король въ притѣсненіи русскаго народа? Мы, восемнадцать славянскихъ народовъ, надѣялись найти спасеніе нашихъ вольностей у королей польскихъ, мы думали, что польскій народъ избавитъ насъ отъ ига невѣрныхъ, и готовы были пролить за это кровь нашу: съ той же поры, какъ стали обижать русскій народъ, всѣ эти славяне сдѣлались нашими врагами: они готовы лучше погибнуть въ войнѣ, лучше потерять своихъ женъ и дѣтей

¹⁾ Костомаровъ «Хмельницкій», I, LXV.

²⁾ Делевель. II. Consid. 264.

въ огнѣ, какъ подѣ Смоленскомъ, чѣмъ проливать свою кровь за насъ. Что же препятствуетъ успокоить Москву, какъ не оскорбленіе русской вѣры?»

Поляки хвалились въ Европѣ хотинскою побѣдою, и папа велѣлъ даже праздновать ея годовщину, хотя она не принесла Польшѣ ничего, кромѣ мира довольно унижительнаго и притомъ ненадежнаго. Порта вовсе не думала унимать татаръ, имѣя постоянно свои завоевательныя виды на Польшу, а Польша, хотя и желала обуздать казаковъ для того, чтобы ихъ охолопить, но не могла. Тѣмъ не менѣе, Рѣчь-посполитая отдѣлялась отъ турокъ на цѣлыя двѣнадцать лѣтъ.

По смерти Сигайдачнаго, казаки еще менѣе прежняго уважали королевскія повелѣнія. „Старшіе“, или гетманы, настолько удерживали власть за собою, насколько удовлетворяли страсти казаковъ къ нападеніямъ на черноморскіе берега. Ежегодно повторялись эти нападенія, вызывая въ отместку набѣги татаръ на Рѣчь-посполитую. Если не шли на бусурманъ, то бросались на грабежъ панскихъ дворовъ и разоряли униатскія церкви. На другой же годъ (1622) послѣ хотинскаго мира, казаки на своихъ чайкахъ грабили турецкіе корабли, а въ слѣдующемъ затѣмъ году вторгались въ Молдавію и Валахію. Въ отплату за набѣгъ Кантемирамурзы съ татарами на Червоную Русь (1624), разорившаго все пространство отъ Снятына до Львова, казаки доплыли до окрестностей Стамбула и ограбили, отчасти сожгли Еникіюй, на берегу Константинопольскаго пролива. На слѣдующій годъ отправились къ Трапезунту и Синопу, но потерпѣли пораженіе. Вслѣдъ за тѣмъ, другіе отряды пошли въ Крымъ помогать крымскому хану, Мухамедъ-Гирею, осадили турокъ въ Кафѣ и заставили ихъ мириться съ ханомъ. Тогда (1625) казаки послали своихъ депутатовъ въ Варшаву съ смѣлыми

требованіями: обезпечить древнюю православную вѣру, удалить уніатовъ отъ церквей, признать законными владыкъ, посвященныхъ іерусалимскимъ патріархомъ, и вообще отмѣнить всѣ стѣснительныя противъ нихъ постановленія. При этой просьбѣ приложенъ былъ перечень всѣхъ несправедливостей и угнетеній, претерпѣваемыхъ православными къ Коронѣ и Литвѣ; указывали между прочимъ на своевольные захваты церквей и истязанія священниковъ въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Вильнѣ, Мстиславлѣ, Пинскѣ, Луцкѣ, Брестѣ, Белзѣ, Красноставѣ и другихъ мѣстахъ, называя Кунцевича, который былъ убитъ полоцкими жителями (1623), Рутскаго, Шаховскаго, Паскосту и другихъ отступниковъ ¹⁾.

Этими протестами казаки не ограничились въ защитѣ своей вѣры. Освѣдомясь, что въ Кіевѣ войтъ Ходыка, ревностный уніатъ, замыкаетъ и печатаетъ православныя церкви, они убили его, и ограбили католическій монастырь. вмѣстѣ съ тѣмъ, казаки отправили къ царю, въ Москву, посольство съ просьбою принять ихъ подъ свое покровительство. Гетманъ ихъ, Жмайло, сидѣлъ въ Запорожьѣ какъ удѣльный кнзъ, имѣя около 30 тысячъ войска и свою собственную артиллерію: къ нему уходили и реестровые казаки.

Въ виду такого положенія дѣлъ, коронный гетманъ Конецпольскій получилъ повелѣніе укротить казаковъ оружіемъ. Онъ съ кварцнымъ войскомъ, усиленнымъ надворными дружинами украинскихъ пановъ, понимавшихъ хорошо всю опасность развитія казацкихъ силъ, пошелъ къ Каневу, въ началѣ октября (1625) ²⁾. Казаки отступили къ Крылову, куда за ними послѣдовалъ и

¹⁾ См. Приложенія III и IV.

²⁾ Шуйскій, III, 234. У него походъ Конецпольскаго—въ 1623 г.; но мы держались Костомарова «Хмельницъ», I, LXX.

Конецпольскій (⁵/15 октября). За р. Цыбульникомъ стоялъ таборомъ Жмайло. Комисары предложили казакамъ условія, которыя были ими рѣшительно отвергнуты. Послѣ кровопролитнаго боя (¹⁹/29 октября), Жмайло на другой день отступилъ внизъ по Днѣпру къ урочищу Медвѣжьи-лозы, у Куракова озера. Здѣсь, послѣ нѣсколькихъ сшибокъ, казаки сильно тѣснимые, соглашались мириться, но низачто не желали выдать требуемыхъ поляками зачинщиковъ. Они смѣнили Жмайла и выбрали гетманомъ Михаила Дорошенка (дѣда знаменитаго впоследствии Петра), который принужденъ былъ подписать тягостный договоръ (27 октября (6 ноября) 1625) ¹⁾. Число реестровыхъ казаковъ ограничено было до 6 тысячъ; жалованья имъ—60 тысячъ злотыхъ; они выбираютъ себѣ „старшого“ (гетмана), который утверждается короннымъ гетманомъ; казаки не должны ходить на море и нарушать миръ съ Турціею и Крымомъ; всѣ чайки должно сжечь въ присутствіи комисаровъ; не вошедшіе въ реестръ (выписчики) должны подчиниться старобстамъ и дѣдичнымъ панамъ.

Договоръ этотъ, неприятный казакамъ, не нравился и татарамъ, и для Польши остался мертвой буквой. Въ Крыму происходили раздоры между претендентами на ханскій престолъ, имѣвшіе сходство съ польскою анархіею. Турція начала (1624) четырнадцатилѣтнюю войну съ Персіею. Казаки понимали положеніе дѣлъ лучше, чѣмъ варшавскій дворъ и, по выраженію князя Збаражскаго ²⁾, „хотя и хлопы, а пользовались случаемъ такъ

¹⁾ Число 6 ноября, приводимое Г. Костомаровымъ (Хм., I, LXXVI), относится къ новому стилю, принятому, какъ уже было въ своемъ мѣстѣ сказано, въ царствованіе Баторія. Насколько можно, мы вездѣ приводимъ оба стиля.

Пясецкій, 321, не означаетъ даты.

²⁾ Въ письмѣ его къ канцлеру Задзикъ. Шуйскій, III, 236.

хорошо, что и покойный Юлій Цезарь лучше бы сдѣлать не могъ". Чайки остались цѣлы, а татары повиновались своему хану столько же, какъ и казаки своему королю. Словомъ, никакой *modus vivendi* между ними не былъ возможенъ.

Въ слѣдующемъ же году (1626) крымцы, подъ начальствомъ Нуредина, вторглись въ Украину; но были разбиты подъ Бѣлой-Церковью Хмелецкимъ, кievскимъ воеводой, и Дорошенкомъ. Это вторженіе требовало отплаты со стороны казаковъ. Случай представился. Шагинъ-Гирей, боровшійся съ Джанибекъ-Гиреемъ въ Крыму, просилъ помощи. Дорошенко повелъ казаковъ и, сразившись подъ Кафюю, былъ убитъ, а Шагинъ-Гирей бѣжалъ въ Запорожье (1628) и отдалъ себя въ покровительство королю польскому. Сигизмундъ, вмѣсто того, чтобы поддержать изгнанника короннымъ войскомъ, предоставилъ казакамъ вести его въ Крымъ. Походъ казаковъ (въ маѣ 1629) не удался и только вызвалъ вторженіе татаръ, которые однако были разбиты Хмелецкимъ и Грицькомъ-Чорнымъ подъ Бурштыновымъ (23 сентября (3 октября)).

По смерти Дорошенка, Грицько былъ избранъ въ гетманы реестровыми казаками; выписчики же, бывшіе съ Дорошенкомъ въ Крыму, выбрали гетманомъ запорожца Тараса-Трясила, который оставался въ Сѣчѣ. Не прошло полугода, какъ Грицько, преданный полякамъ и подозрѣваемый въ принятіи уніи, былъ убитъ казаками, а Тарасъ вошелъ съ запорожцами въ Украину и пригласилъ универсаломъ всѣхъ, кто пожелаетъ быть казакъ, подниматься на поляковъ (1629). Въ этомъ же году запорожцы съ вождемъ своимъ (можетъ быть, съ самимъ Тарасомъ) опустошали окрестности Стамбула;

реестровые же казаки, вмѣстѣ съ поляками, сражались подъ Мальборгомъ противъ шведовъ ¹⁾).

Въ это время, осенью, Конецпольскій, по заключеніи шестилѣтняго перемирія со шведами въ Альтмаркѣ (¹⁶/₂₆ сентября 1629), возвратился съ кварцяннмъ войскомъ изъ Пруссіи въ Украину и принялся усмирять казаковъ. Высланный имъ впередъ коронный стражникъ Лащъ, извѣстный своимъ буйствомъ въ наѣздахъ на шляхетскіе дома, вырѣзалъ поголовно все населеніе въ Лисянкѣ (весною 1630); жолнеры его по дорогѣ грабили и мучили жителей. Понятно, что и Тарась не дремалъ; казаки вырѣзали три польскія хоругви (роты) въ Корсунѣ и пустились грабить и жечь панскіе дворы. Въ этой рѣзнѣ съ обѣихъ сторонъ высказывался религіозный фанатизмъ; казаки истребляли уніатовъ и жидовъ-арендарей, а поляки шизматиковъ, погань. Передъ походомъ Конецпольскаго изъ Кіева противъ Тараса, доминикане обнесли его саблю около костѣла и подали гетману ее, говоря: „это на поганьство, на Русь, чтобы ихъ искоренить“.

Народъ толпами бѣжалъ къ Тарасу, около котораго собралось такимъ образомъ нѣсколько десятковъ тысячъ; онъ перешелъ на лѣвую сторону Днѣпра и сталъ у Переяславля. Здѣсь произошла ожесточенная битва, въ которой, по словамъ современника ²⁾, польской старшины пало больше, чѣмъ во все время прусской войны.

¹⁾ Пясецкій, 344.

²⁾ Пясецкаго 345. См. тоже Нѣмцевича: Рам., III, I, 154. Объ этой битвѣ извѣстія очень темны. О названіи «Тарасова ночь» пишетъ Мацѣевскій въ своихъ Pamiętn. (См. мои Dzieje P., прим. 275). Нападеніе казаки сдѣлали ночью, въ польскій праздникъ Божьяго-тѣла, который бываетъ въ четвергъ, послѣ Троицына дня въ маѣ и въ іюнѣ. Около этого времени произошла и битва, если она не то же, что «Тарасова ночь».

Въ казацкихъ преданіяхъ битва эта сохранила названіе „Тарасовой ночи“. Результатъ ея остался неизвѣстнымъ. Конецпольскій въ своей реляціи писалъ только, что послѣ безпрестанныхъ битвъ, заключень съ казаками договоръ на основаніи кураковскаго. О подробностяхъ битвы польскія хроники молчатъ, какъ вообще о всѣхъ боевыхъ сшибкахъ съ казаками. Неизвѣстно также, куда дѣвался Тарасъ; есть только свѣдѣніе, что гетманъ казацкій со своею старшиною казнены смертію ²⁾; но это извѣстіе требуетъ подтвержденія. Въ этомъ же году отправленъ былъ въ Стамбуль посоль съ требованіемъ, чтобы Порта обуздала татаръ. Порта отвѣчала, что татары перестанутъ нападать, если казаки будутъ сидѣть смирно.

Преемникомъ Тараса называютъ Перевязку, который держалъ польскую сторону и за то убитъ казаками. Подъ конецъ царствованія Сигизмунда между казаками начались раздоры. Сигизмундъ умеръ 20 (30) апрѣля 1632 года.

²⁾ Костомаровъ: Хм., I, LXXXVII и Шуйскій, III, 237. Пясецкій говоритъ, что казаки выдали зачинщиковъ, не называя Тараса. 345.

ВЛАДИСЛАВЪ IV, КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ .

ГЛАВА VIII.

Избраніе Владислава.—Сдѣлка его съ казаками.—Московскій походъ.—Миръ съ Турціею 1634.—Конституція противъ казаковъ 1635.—Койдакъ, Сулима.—Хмельницкій въ депутаціи.—Павлюкъ, Кумейки, боровицкій договоръ.—Жестокая конституція противъ казаковъ.—Острианица въ Жовнинѣ, Гуня на р. Стариць.—
Масловставская комсія.

Сигизмундъ, своей іезуитской пропагандой, такъ опротивѣлъ казакамъ, что воцареніе Владислава показалось имъ какою-то благодатью. Они много отъ него ожидали, да и поляки ему сочувствовали. Выборъ его въ короли произошелъ вполчаса, единогласно. Одинъ только шляхтичъ закричалъ: „не позволяемъ!“, чтобы узнать, уважается ли вольный голосъ, и когда убѣдился въ томъ, то прокричалъ „вивать!“¹⁾ Владиславъ далекъ былъ отъ религіознаго фанатизма; къ нему тотчасъ съ довѣріемъ отнеслись диссиденты и неуниты, русскій народъ и казаки. Покончивъ споръ съ Россіею и помирясь съ Швеціею, онъ задался высокою мыслью сломить турецкое могущество, грозившее Европѣ и, еще болѣе, Польшѣ. Но всѣ его планы и усилія разбивались объ упорство неугомонной шляхты, которая не находила ничего лучше своихъ анархическихъ сеймиковъ и сеймовъ, своего без-

¹⁾ Шуйскій. III. 265.

граничнаго своеволя, и старалась на каждомъ шагѣ противодѣйствовать королевской власти, въ чемъ и успѣвала. Владиславъ желалъ поднять казацкій элементъ, чтобы обратить его противъ внѣшнихъ враговъ; но своекорыстіе магнатовъ заставляло ихъ опасаться за свои украинскія помѣстья и различными притѣсненіями довело казаковъ до того отчаяннаго положенія, которое въ послѣдніе года царствованія Владислава вызвало месть Хмельницкаго и всего русскаго народа.

Казацкіе депутаты, отъ имени Петрижицкаго, домогались, на конвокаціонномъ сеймѣ, права участія въ выборѣ короля, уничтоженія уніи, свободы православной вѣры и увеличенія числа реестровыхъ; при чемъ изъявили желаніе, чтобы на престолъ былъ избранъ Владиславъ ¹⁾. Паны-шляхта отвѣтили, что казаки хотя и члены Рѣчи-посполитой, но такіе, какъ на примѣръ, волосы и ногти, которые обрѣзываются, когда они подростутъ; но впрочемъ, дѣло ихъ можетъ быть представлено на усмотрѣніе новаго короля. „Отчего бы не удовлетворить требованіямъ казаковъ, говоритъ польскій историкъ ²⁾, не нобилитовать (возвести въ шляхетство) по этому случаю всю массу реестровыхъ; ихъ же было не много; они не думали о сепаратизмѣ и, слившись со шляхтой, исчезли бы съ своимъ именемъ. Но случай упущенъ и произошелъ рѣшительный разрывъ между шляхтою и казачествомъ, представившій вскорѣ неодолимые препятствія. Предвидѣли это, однако же положили истребить казаковъ“.

На элекціонный сеймъ прибыли депутаты отъ Андрея Гавриловича, и заявили, что бывшіе на конвокаціонномъ сеймѣ депутаты, по возвращеніи домой, были умерщвлены

¹⁾ Пясецкій, подъ 1632 г.

²⁾ Лелевель. II. Consid. 264.

за то, что привезли неблагоприятный отвѣтъ. Они требовали (¹/11 октября) снова религиозной свободы и подтвержденія прежнихъ казацкихъ правъ. Помимо грозныхъ отвѣтовъ шляхты и духовенства, поручено было королевичу Владиславу разсмотрѣть дѣло въ особой комисіи. Комисія заключила съ депутатами довольно выгодную для нихъ сдѣлку. Православнымъ обезпечена полная свобода богослуженія, сооруженія церквей и учрежденія типографій и братствъ; митрополитъ кievскій, назначенный патріархомъ іерусалимскимъ, утвержденъ въ этомъ званіи; православнымъ, кромѣ того, предоставлено, имѣть своихъ епископовъ въ Перемышлѣ, Львовѣ и Мстиславлѣ (съ резиденціею въ Могилевѣ); въ Вильнѣ дозволено имъ достроить церковь св. Духа и возвести еще три церкви на предмѣстьяхъ; въ каждой епархіи опредѣлено число церквей. Сдѣлка эта, утвержденная королевичемъ въ виду предстоявшей войны съ Россіею, въ которой помощь казаковъ оказывалась необходимою, разумѣется, никогда не была приведена въ исполненіе ¹). Примасть, коронуя Владислава (въ началѣ февраля, н. с., 1633), напомнилъ ему, что король долженъ охранять и распространять католическую вѣру и не обращать вниманія на уступки, которыя онъ, для всеобщаго спокойствія, обѣщалъ еретикамъ (т. е. неунитамъ и диссидентамъ). Несостоятельность этой сдѣлки и всѣхъ ей подобныхъ происходила, какъ отъ настоячивости шляхты и ксендзовъ, такъ и оттого, что русское дворянство продолжало переходить въ латинство. Православная церковь понесла большую потерю, когда отступилъ отъ нея князь Іеремія Вишневецкій, владѣтель почти половины лѣвобережной Украины, сдѣлавъ

¹) Шуйскій, III, 275.

пійся жестокимъ гонителемъ православія, какъ это бываетъ обыкновенно съ новообращенными.

Послѣ коронаціи, не прежде однако августа, Владиславъ выступилъ въ походъ для освобожденія Смоленска, осаждаемаго Шейномъ, предоставивъ гетману Конецпольскому оборону Украины. Въ этомъ походѣ участвовали казаки и въ числѣ ихъ знаменитый впоследствии Богданъ Хмельницкій, получившій отъ короля саблю за храбрость ¹⁾. Другіе, подъ начальствомъ Сулимы, плавали по Черному морю и грабили Акерманъ, Килію и Измаиль.

Между тѣмъ собиралась туча со стороны Турціи, вошедшей въ союзъ съ Россією. Султанъ Амуратъ IV, занятый войною въ Азіи, не могъ еще самъ начать военныхъ дѣйствій; за то Абазъ-паша виддинскій, родомъ русинъ, Ивашко, ренегаты ²⁾, лѣтомъ 1633 г., выслалъ буджацскихъ татаръ грабить днѣстровское побережье. Конецпольскій разбилъ ихъ подъ Сасовымъ-Рогомъ (¹⁴/₂₄ юля), при чемъ въ войскѣ его бились и казаки. Но вскорѣ самъ Абазъ-паша, съ турками, татарами и волочахи, перешелъ Днѣстръ и напалъ на Конецпольскаго, стоявшаго у Каменца. Хотя нападеніе это и было отражено (¹²/₂₂ октября), однако московская война и недостатокъ силъ на турецкой границѣ побудили Польшу отправить Тршебинскаго, подкоморія львовскаго, посломъ въ Стамбулъ просить мира. Султанъ Амуратъ спросилъ Тршебинскаго на аудіенціи: „Чего ты хочешь?“—„Я хочу доложить о вступленіи на престолъ моего манарха и вмѣстѣ жаловаться на нарушеніе мира Абазъ-пашою.“—„Нечего тутъ толковать о мирѣ!“ закричалъ падишахъ, обнаживъ саблю; „тогда только можетъ быть рѣчь о

¹⁾ Костомаровъ (Хм., I, СХ), со словъ одной малороссійской лѣтописи.

²⁾ Со словъ Шайнохи—Szkize—у Шуйскаго, III, 270.

пріязни, когда король твой приметъ мою вѣру, будетъ платить гарачъ, сроетъ крѣпость на Днѣстрѣ и истребитъ казаковъ“¹⁾). Амуратъ согласился однако отправить Шагинъ-Агу въ Варшаву для переговоровъ, а между-тѣмъ двинулся (28 марта (8 апрѣля) 1864) съ огромнымъ войскомъ въ Адрианополь. Къ счастью Польши, встревоженный новымъ объявленіемъ войны со стороны Персіи, онъ возвратился назадъ отъ Адрианополя. Абазъ-паша былъ свергнутъ и удушенъ. Шагинъ-ага получилъ миролюбивыя инструкціи, вслѣдствіе чего заключенъ былъ (въ октябрѣ) въ польскомъ лагерѣ мирный договоръ. Порта обѣщала удалить изъ бѣлгородскихъ стеней буджацкихъ татаръ и въ Молдавію назначить господаря, по представленію короля (чего не исполнила, посадивъ на господарство Василя Липула, непріязненнаго Польшѣ); Польша же обѣщала смирить казаковъ и совершенно прогнать ихъ съ днѣпровскихъ острововъ. Съ этой цѣлью февральскій сеймъ, 1635 г., хотя утвердилъ сдѣлку короля 1632 съ казаками въ пользу православія, но постановилъ противъ нихъ жестокою конституцію, мотивированную будто бы желаніемъ сохранять вѣрно договоры (*fidem pactorum*) хотя бы съ врагами, съ сущности же выражавшую рѣшительное намѣреніе украинскихъ пановъ уничтожить казачество— „*delenda Carthago*“²⁾). Въ силу конституціи, велѣно старобстамъ и городскимъ властямъ не позволять казакамъ строить чайки и закупать порохъ и оружіе; запрещено шляхтѣ, подъ карой за государственное преступленіе, участвовать въ казацкихъ набѣгахъ, и приказано гетманамъ построить въ соотвѣтственномъ мѣстѣ сильную крѣпость для удержанія казацкихъ набѣговъ.

Мѣсто было выбрано на правомъ берегу Днѣпра,

¹⁾ Ш у й с к і й, III, 271.

²⁾ П я с е ц к і й. 417.

тамъ, гдѣ начинаются пороги, и крѣпость названа „Койдакомъ“¹⁾.

¹⁾ «Кодакъ», или «Койдакъ», а у польскихъ писателей «Кудакъ». На атласѣ Заннони, изданномъ въ Лондонѣ, въ 1772 году, прежде перваго раздѣла Польши и уничтоженія Запорожской Сѣчи (1775), два Койдака, «Старый и Новый», оба на правой сторонѣ Днѣпра; первый въ 4-хъ верстахъ къ югу отъ р. Каменки, ниже Самары и Князева - Острова или въ 8-ми верстахъ отъ Монастыря, находившагося на мѣстѣ нынѣшняго Екатеринослава; а «Новый Койдакъ», въ 11 верстахъ къ сѣверу отъ Монастыря. У стараго Койдака начинались пороги, которыхъ показано 13; но мы приводимъ ихъ по имѣющемуся у насъ плану пороговъ, святому въ 1803 году, въ которомъ показано ихъ четырнадцать, а именно: Койдакскій, Волошинова забора, Сурской, Лоханскій, Стрѣльчья забора, Звонецкій, Техинскій, Ненасытецкій, Воронова забора, Кривая забора, Вовнинскій, Будиловскій, Лишний и Вольный. По Заннони есть Волоши, но безъ названія забора или порога; вторымъ—Суровскій, третьимъ—Лохинскій; на мѣстѣ Техинскаго—Княгининъ; за Будиловскою заборой — Таволжанскій, потомъ Лисянка. По описанію Шимановскаго: «*Mars Saugomatski*» etc., изданному въ 1642 г. (Квятковскій, стр. 383) 13 пороговъ: Кодакскій, Сурскій, Лоханскій, Звонецкій, Княгининъ, Ненасытецкій, Воронья забора, Воронковъ, Будило, Лоханный, Таволжаный, Линець и Вольный. По Боплану (Описаніе Украины) 13 пороговъ. По плану 1803 года, отъ Монастыря до Вольнаго порога 77 верстъ; отъ Вольнаго порога до острова Хортицы 7 верстъ; отъ Хортицы до Крымскихъ границъ или до Кизиль-Керменя (нынѣшняго Бериславля) 110 верстъ. Къ сѣверу отъ Монастыря до Новаго Койдака 10 в., отъ Новаго Койдака до р. Тясмины или до Крылова, на украинской границѣ, 23 версты. Такимъ образомъ, Запорожская Сѣчь занимала по правому берегу Днѣпра 323 версты протяженія. Отъ острова Хортицы къ западу, граница ея простиралась, вдоль Чернаго шляха до впаденія р. Синей-Воды въ Бугъ, смежно съ Уманьскимъ подкомъ, на 245 верстъ. Если взять среднюю ширину отъ Чернаго лѣса (см. нашу карту) по Ингулу, къ югу до Влаго-брода, 161 верста, то все пространство Запорожской Сѣчи, въ описываемую нами эпоху, составляло около 40 тысячъ квадратныхъ верстъ—въ нынѣшнихъ екатеринославской и херсонской губерніяхъ.

Койдакъ былъ построень по распоряженію гетмана Конецпольскаго, инженеромъ Бопланомъ и снабжень гарнизономъ подъ начальствомъ француза, полковника Маріона. Понятно, что запорожцы не снесли этой угрозы и подъ начальствомъ кошеваго Сулимы, прославившагося своими походами противъ турокъ на Черномъ морѣ, напали на крѣпостцу врасплохъ и перебили весь гарнизонъ вмѣстѣ съ ихъ комендантомъ ¹⁾. Въ это время Конецпольскій, тотчасъ по заключеніи штумедорфскаго перемирія (1635) со шведами, послѣшилъ съ кварцянымъ войскомъ въ Украину. Подосланные имъ реестровые казаки, не желая навлекать на себя гоненія правительства, схватили Сулиму съ пятью старшинами (въ числѣ которыхъ былъ и Павлюкъ), выдали ихъ полякамъ и отвезли на двухъ недѣльный сеймъ въ Варшаву (въ декабрѣ). Помимо заступничества самого короля, Сулима былъ посаженъ на колъ ²⁾. Павлюкъ помилованъ, по просьбѣ канцлера Замойскаго.

Койдакъ, за неимѣніемъ денегъ, не былъ достроень, и реестровые казаки оставались безъ жалованья. Сельскій людъ, гнетомый подстарѣстами помѣщиковъ и жидами-арендарями, уходилъ въ Запорожье. Молва, распущенная въ народѣ, что самъ король, притѣсняемый польскими панями, желаетъ освобожденія, придавала еще болѣе силы казацкому движенію. Осенью 1636, реестровые казаки, не получая жалованья, взбунтовались, вторглись въ Корсунъ и увезли свою „армату“ (артилерію) изъ Черкасъ, гдѣ она находилась по приказанію коронаго гетмана, въ Крыловъ. Старшины однако уговорили войско подать королю жалобу, съ которой и отправили

¹⁾ Пясецкій. 418. См. Приложение V.

²⁾ *Palo insutus paenae subit*, пишетъ Лелевель. II. *Consid.* 267. По другимъ, ему отрубили голову.

сотниковъ, черкаскаго-Барабаша и чигиринскаго—Богдана Хмельницкаго.

Посольство это застало короля въ большихъ хлопотахъ, по поводу сорванія сейма, въ январѣ 1637 года, Христофоромъ Радзивилломъ и его сыномъ Янушемъ. Недостатокъ денегъ въ казнѣ и другія спѣшныя дѣла заставили созвать чрезвычайный сеймъ на июнь; но чтобы не дать вида потачки, послали для усмиренія казаковъ комисарами, носовскаго старобсту, Адама Киселя изъ Брусилова (православнаго), и Станислава Потоцкаго, племянника польнаго гетмана. Комисары, по прибытіи, въ апрѣлѣ 1637 г., созвали раду, подѣ предсѣдательствомъ старшого Томиленка, переписали реестровыхъ и велѣли казакамъ присягать. Послѣ нѣкотораго волненія, казаки присягнули, на основаніи кураковскаго договора, и разошлись, чтобы вскорѣ поднять новыйбунтъ.

Павлюкъ, извѣстный также подѣ именемъ Гузана, крещенный турокъ, служившій прежде крымскому хану, по избавленіи отъ казни въ Варшавѣ избранный кошевымъ, возвратясь изъ похода противъ татаръ и извѣстясь о событіяхъ въ Украинѣ, напалъ на Черкасы, забралъ артилерію и увезъ ее въ Сѣчь, находившуюся тогда у Микитина - Рога; затѣмъ разослалъ универсалъ, призывая весь народъ въ казачество. Реестровые, недовольные Томиленкомъ, выбрали въ Переяславлѣ старшимъ Саву Кононовича, котораго однако Павлюкъ велѣлъ схватить и разстрѣлять въ Боровицѣ вмѣстѣ съ его совѣтникомъ Онушкевичемъ ¹⁾. Томиленко остался при Павлюкѣ.

Тогда, по словамъ польскаго историка ²⁾, начался на Украинѣ бунтъ хлопковъ. Появились предводители хлопскихъ бандъ: Мурко, Носачъ, Хоростель и Пирогъ; гра-

¹⁾ Пясецкій. 418.

²⁾ Шуйскаго, ЦІ. 283.

били панскіе дворы, забирая прежде всего оружіе. Вся Вишневецина была въ огнѣ. Прежде всего отозвались на призывъ Павлюка жители новыхъ слободъ, расположенныхъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра до Кременчуга. Въ Полтавѣ собирался отрядъ Острянина (Остряницы); на правой сторонѣ полкъ чигиринскій, а на лѣвой переяславскій, первые изъ реестровыхъ перешли на сторону возстанія; затѣмъ передались полки курсунскій и бѣлоцерковскій. Скиданъ, полковникъ и опекунъ всей Украины, распоряжался въ Мошнахъ возстаніемъ, самъ же Павлюкъ, по разсылкѣ универсала, отправился въ Сѣчь.

Это уже не первый бунтъ, поддерживаемый заповождцами. Шляхта спасалась бѣгствомъ. Не было пощады ни съ той, ни съ другой стороны. Историческая Немезида преслѣдовала пановъ-шляхту. Хотя власть помѣщичья и въ другихъ странахъ не отличалась особою кротостью или человѣколюбіемъ, но вѣроятно, ни въ одномъ изъ христіанскихъ государствъ не достигала она такой суровости, какъ въ Польшѣ. За голову убитаго земледѣльца, по Вислицкому статуту (1374) шляхтичъ платилъ десять марокъ серебра; но съ теченіемъ времени, вслѣдствіе порчи монеты и пониженія курса, цѣнность марки значительно упала; въ эту эпоху, около 1607 года, за десять марокъ давали только 70 франковъ¹⁾. Понятно, что хлопь не дорожилъ жизнью и бился

¹⁾ Кропотковъ «Жизнь М. Н. Муравьева», стр. 289. Авторъ пишетъ, что въ 1730 г. 10 марокъ стоили всего 15 франковъ, а ко времени вступленія на престолъ Станислава Понятовскаго, курсъ на человѣческую жизнь понизился еще на полтинникъ, такъ, что убіеніе хлопа могло обойтись, на наши деньги, не дороже трехъ рублей съ четвертью. Эта варварская головщина отмѣнена только по настоянію Россіи, на Радомскомъ сеймѣ въ 1768 году. По Литовскому статуту изд. 1529 года, за голову хлопа (паробка невольнаго, т. е. раба) платилось 84 фр. 10 сант. (Делевель, II. Consid. 236).

съ бѣшенствомъ, какъ это оказалось въ первомъ же сраженіи подъ Кумейками. Кварцянне жолнеры, бунтовавшіе въ то же время по поводу неполученія жалованья, никогда бы не одолѣли повстанцевъ, если бы не ополчились сами паны-шляхта, подобные Іереміи Вишневецкому, который одинъ, выступая противъ Павлюка, поставилъ на свой счетъ болѣе войска, чѣмъ было у Потоцкаго кварцянаго (около 4-хъ тысячъ). Въ ожесточеніи, доходившемъ до звѣрства, шляхта едвали уступала хлопству. Потоцкій, послѣ Боровицкаго погрома, отправился изъ Переяславля въ свое нѣжинское старѣство и сажалъ бунтовавшихъ на колъ, такъ что вся дорога была уставлена казненными, какъ вѣхами. „Надобно навести на всѣхъ страхъ“, говорилъ польный гетманъ, „десять сотнѣ, сотня тысячъ пусть покажетъ примѣръ“. По собственному его признанію, онъ затѣмъ только и ѣздилъ въ Нѣжинъ, чтобы доставить себѣ удовольствіе увидѣть на коляхъ русскихъ хлоповъ ¹⁾. О Іереміи Вишневецкомъ и говорить нечего: онъ прославился своею свирѣпостію особенно въ эпоху возстанія Хмельницкаго.

Возвращаемся къ нашему разсказу и постараемся скорѣе пройти этотъ плачевный періодъ казачества. Іюньскій сеймъ былъ счастливѣе. Онъ докончился, постановивъ денежный сборъ для удовлетворенія жалованьемъ волновавшагося войска, и призывъ посполитаго

¹⁾ Костомаровъ, Хм., I. Введеніе СXLVI. Авторъ, цитируя добросовѣстно польскіе современные источники, наприм., Грондзскаго, Коховскаго, Нѣмцевича (Pamiętniki), Сенковскаго (Collect.) и другіе безыменные, приводитъ и такіе, какъ наприм.: Акты археографической комисіи, памятники Кіевской комисіи, рукописи И. П. библиотеки, которые или неизвѣстны польскимъ писателямъ, или умышленно игнорируются ими. Въ сочиненіи его о Хмельницкомъ указаны источники числомъ до 80.

рушенья, на случай надобности. Это дозволило Конечпольскому двинуть кварцянское войско въ Украину, подъ начальствомъ польнаго гетмана Потоцкаго (въ декабрѣ 1637). Скиданъ находился въ Мошнахъ, куда и Павлюкъ пришелъ съ запорожцами, не успѣвъ, какъ ему хотѣлось, получить помощь отъ татаръ. Соединенныя ихъ силы составляли до 20 тысячъ, въ томъ числѣ множество хлоповъ, неимѣвшихъ огнестрѣльнаго оружія. Потоцкій, выступивъ изъ Корсуня и перейдя р. Рось (5/15 декабря), пошелъ къ д. Кумейкамъ, куда двинулся и Павлюкъ, преслѣдуя отрядъ Іереміи Вишневецкаго. Тамъ на другой день (9/16 числа) произошла ожесточенная битва ¹⁾. Казаки и хлопы бились отчаянно; послѣднихъ до 6 тысячъ легло на мѣстѣ; но и съ польской стороны пало значительное число убитыхъ, особенно офицеровъ. Павлюкъ отступилъ къ Боровицѣ и окопался, а Скиданъ ушелъ къ Чигирину, откуда и исчезъ. Потоцкій подошелъ къ Боровицѣ (10/20 декабря), окружилъ казацкій таборъ и сталъ штурмовать. А. Кисель вошелъ въ переговоры и, по свидѣтельству польскаго историка ²⁾, обѣщалъ Павлюку личную свободу; но реестровые, недовольные имъ за кумейское пораженіе, сами взяли его подъ стражу и выдали вмѣстѣ съ другими зачинщиками. Гетманъ объявилъ (14/24 декабря), что за измѣну присягѣ и, особенно, за призывъ на помощь татаръ, они лишаются своихъ казацкихъ правъ, о чемъ послѣдуетъ конституція, а до того они должны повиноваться назначенному старшимъ, переяславскому полковнику Ильяшу Караимовичу. Казаки дали отъ себя, того же дня, присяжный листъ,

¹⁾ Деревни Кумейки нѣтъ ни въ атласѣ Заннони, ни на картѣ Боплана; она должна была находиться на дорогѣ изъ Корсуня въ Мошны. По Пясецкому сразились между Мошнами и Кумейками, 418.

²⁾ Пясецкій, 418.

подписанный отъ имени всего войска Богданомъ Хмельницкимъ, бывшимъ въ это время войсковымъ писаремъ. Послѣ этого прошло еще нѣкоторое время въ усмиреніи шаекъ, образовавшихся изъ кумейскихъ недобитковъ. Потоцкій, успокоивъ нѣсколько кварцяныхъ, домогавшихся жалованья, расположилъ ихъ на зимнія квартиры, и самъ отправился въ свое нѣжинское стардство.

Февральскій сеймъ 1638 г., обрадованный „загнаніемъ хлопства въ ямы“, беспощадно воспользовался своей побѣдой. Павлюкъ, съ четырьмя сообщниками, былъ казненъ. Поляки утверждали, что онъ хотѣлъ отторгнуть Украину и сдѣлаться государемъ, а потому приговорили надѣть ему на голову раскаленную желѣзную корону и въ руки дать раскаленный скипетръ; но король отмѣнилъ чудовищную казнь, и Павлюку отрубили голову. Сеймовая конституція, написанная съ большимъ ожесточеніемъ, лишила казаковъ всѣхъ привилегій, юрисдикцій, преимуществъ и доходовъ, „желая, чтобы тѣ, кого жребій войны сохранилъ въ живыхъ (*fortuna belli živusch servavit*), обращены были въ хлопство“. Съ той поры паны завладѣли казацкими хуторами. И Богданъ Хмельницкій, по выраженію польскаго историка Шуйскаго (III. 284), потерявшій наѣздомъ Чаплинскаго свою свободу Суботовъ, вышелъ изъ этой конституціи мстителемъ.

Конституція 1638 года также сурово отнеслась къ казакамъ реестровымъ, не принимавшимъ участія въ возстаніи. Она лишила ихъ вольнаго выбора изъ своей среды старшого и подчинила ихъ комисару изъ шляхты, выбираемому ежегодно сеймомъ и состоящему подъ властію короннаго гетмана. Трехтемировъ назначенъ резиденціею для комисара, которымъ поставленъ пол-

ковникъ Мелецкій ¹⁾). Выѣстѣ съ тѣмъ, рѣшено овладѣть Запорожьемъ и устроить тамъ постоянную стражу. Мелецкій пошелъ было туда съ двумя реестровыми полками, чтобы забрать и привести къ своимъ панамъ выписчиковъ и бѣглыхъ хлоповъ, но встрѣтилъ такой приемъ, что поспѣшилъ вернуться назадъ. Тогда запорожцы выбрали старшимъ Остриянина (Острияницу), а атаманъ Гуня послалъ къ крымскому хану просить помощи противъ поляковъ.

На этотъ разъ казаки избрали мѣстомъ возстанія лѣвобережную Украину. Весною Острияница пошелъ къ Кременчугу и тутъ разбивъ реестровыхъ, бывшихъ подъ начальствомъ Ильяша Караимовича, дошелъ до Голтвы, города Вишневецкихъ, расположеннаго въ лѣсной и болотистой мѣстности, удобной для защиты. Польный гетманъ выслалъ племянника своего Станислава Потоцкаго (извѣстнаго потомъ Реверу) съ конницей и нѣмецкой пѣхотой. Потоцкій сдѣлалъ приступъ (26 апрѣля (6 мая) 1639), но былъ отбитъ съ большимъ урономъ, особенно въ нѣмецкой пѣхотѣ, и отступилъ къ Лубнамъ. Острияница, не дождавшись подкрѣпленій, ведомыхъ Путивльцемъ и Сѣкиравымъ, двинулся къ Лубнамъ и далъ сраженіе (6/16 мая), но былъ въ свою очередь разбитъ и отступилъ къ Миргороду. Путивлецъ прибылъ на другой день, былъ окруженъ и выданъ казаками. Тогда, помимо обѣщанія, даннаго Потоцкимъ, сохранить жизнь положившимъ оружіе, поляки бросились на путивльцевъ и перебили всѣхъ до единаго (⁹/19 мая).

Значительный уронъ, понесенный Потоцкимъ, не позволилъ ему преслѣдовать Острияницу. Онъ дожидался Іеремію Вишневецкаго, который велъ слишкомъ четыре

¹⁾ Такъ по Костомарову; по Шуйскому же поставленъ комисаромъ Петръ Коморовскій, который послѣ, на Маслово-ставской комисіи, былъ снова утверждёнъ въ этомъ званіи.

тысячи отборнаго войска, частію своего собственнаго, частію взятаго у иныхъ крупныхъ земцевъ (ziemiau). Вишневецкій былъ наиболѣе заинтересованъ въ усмирении казачества и наиболѣе озлобленъ противъ украинской вольницы; съ нимъ пришло извѣстіе, что и польный гетманъ приближается съ войскомъ.

Острианица между тѣмъ пошелъ на соединеніе съ Сѣкиравымъ къ Лукомлѣ. Вишневецкій заставилъ его отступить, а Сѣкиравый, придя ночью, попался нечаянно въ плѣнъ реестровымъ. Острианица обратился на югъ, къ Днѣпру, и сталъ въ Жовнинѣ. Здѣсь (4, 5 и 6 с. с. 14, 15 и 16 н. с. іюня) произошли кровопролитныя схватки. Острианица бѣжалъ; мѣсто его занялъ Гуня ¹⁾. Съ поль-

¹⁾ Бантышъ К., по лѣтописямъ Рубана и Туманскаго и сочиненіямъ Ригельмана и Миллера (I, XXXI), а Маркевичъ по лѣтописямъ Фроловской, Писаревской, Разумовскаго и Туманскаго (I, 139), пишутъ, что Острианица и Гуня (по Маркевичу, Гуня убитъ на р. Старицѣ), были схвачены поляками на дорогѣ, когда вѣхали на богомолье въ Каневъ, и казнены въ Варшавѣ. Маркевичъ, имѣвшій у себя въ рукописи: *Исторію Малороссіи Радзиминскаго*», которой не пользовались ни Бантышъ, ни Костомаровъ, пишетъ, что на р. Старицѣ Острианица разбилъ поляковъ, потерявшихъ убитыми 11,317 челов. (?), что тутъ же убитъ Гуня, и не вѣрить Радзиминскому, будто поляки разбили казаковъ, сперва подъ Дубнами на Солоницѣ, а потомъ на р. Старицѣ, и Острианица убѣжалъ въ Москву (V, 26). Мы держимся Радзиминскаго, съ которымъ согласенъ и г. Костомаровъ, пользовавшійся рукописями Императорской публичной библиотеки. Къ сожалѣнію, цитаты его прекращаются на смерти Сулимы и показываются только на последней страницѣ «Введенія»; иначе, разъяснилось бы его согласіе съ Радзиминскимъ. Въ списокѣ источниковъ, приводимыхъ въ монографіи «Богданъ Хмельницкій», нѣтъ ни «Исторіи Руссовъ», Конискаго, ни лѣтописей Туманскаго и Разумовскаго, изъ коихъ послѣдняя вошла цѣликомъ въ Шерера: «*Annales de la petite Russie*». «Исторія о презрѣльной брани» приводится у Маркевича подъ именемъ Писаревской лѣтописи.

ской стороны высланъ былъ хоронжій Дзигъ для переговоровъ, но казаки требовали выдать имъ Илью (Иль-яша) Караимовича и пушки, взятыя подъ Кумейками. Приступы и вылазки продолжались. Наконецъ услышавъ, что скоро явится польный гетманъ со свѣжимъ войскомъ, Гуня, въ ожиданіи подкрѣпленій изъ за Днѣпра, отошелъ (7/17 іюня) благополучно къ устью Старицы, впадающей въ Днѣпръ. Здѣсь казаки успѣшно окопались. Черезъ день (14/24 числа) польный гетманъ, переправившись черезъ Днѣпръ, окружилъ казацкій таборъ съ 10 тысячами войска и съ многочисленной артилеріей, чтобы нанести рѣшительный ударъ казакамъ.

Начиналась осада, продолжавшаяся полтора мѣсяца. Иностранные инженеры, бывшіе въ польскомъ войскѣ, въ томъ числѣ и Бопланъ, удивлялись искусному сооруженію казацкихъ окоповъ. Послѣ двадцатидневныхъ стычекъ, когда въ польскомъ лагерѣ пало много лошадей отъ недостатка корма и оказалось много больныхъ и раненыхъ, Потоцкій открылъ переговоры (5/15 іюля). Но казаки объявили, что они готовы лучше умереть, чѣмъ согласиться на договоръ, какой былъ подъ Кумейками. Переговоры не прекращали кровопролитныхъ схватокъ. Узнавши, что Филоненко приближается съ подкрѣпленіемъ въ казацкій таборъ, гетманъ произвелъ 25 іюля (4 августа) генеральный штурмъ; но былъ отбитъ. Черезъ день Филоненко пробился въ таборъ, съ потерю однако большей части обоза съ продовольствіемъ и порохомъ. Изнуренные голодомъ, казаки снова вступили въ переговоры. На приглашеніе гетмана явился уже не Гуня, бѣжавшій изъ табора, а полковникъ Пешта (впослѣдствіи предатель Хмельницкаго). Онъ просилъ, чтобы о казакахъ состоялась новая конституція, а прежняя мартовская была отмѣнена, для чего казаки отпра- вить къ королю посольство съ своими представленіями.

Гетманъ согласился на посольство, по возвращеніи котораго должна собраться комисія въ Масловомъ-Ставѣ, для успокоенія Украины. Казаки положили оружіе и разошлись изъ табора 30 іюля (9 августа) небольшими отрядами, чѣмъ пользуясь, польскіе жолнеры множество ихъ перебили ¹⁾. Черезъ мѣсяць созвана была гетманомъ казацкая рада ²⁾, на которой выбраны четыре посла (въ числѣ ихъ и Богданъ Хмельницкій). Въ данной имъ инструкции не было уже рѣчи о стародавнихъ правахъ, а поручалось только просить сохраненія имъ свободы, грунтовъ и имущества и возвращенія Трехтемирова. Ходатайство казаковъ, помимо желаній короля, не было уважено и конституція оставалась въ своей силѣ.

Спустя три мѣсяца, въ концѣ ноября (24 ноябру, (4 декабря) 1638 года), коронный гетманъ Конецпольскій созвалъ казаковъ въ Масловъ-Ставъ (на р. Кагорликѣ, въ 28 верстахъ отъ Канева) для объявленія имъ сеймовой конституціи. Въ силу этой зловѣщей конституціи, они лишались всѣхъ прежнихъ правъ и привилегій, не могли выбирать себѣ старшихъ и подчинялись комисару въ лицѣ назначеннаго тутъ Коморовскаго. Всѣ полковники въ шести реестровыхъ полкахъ: переяславскомъ, черкасскомъ, корсунскомъ, бѣлоцерковскомъ, чигиринскомъ и уманьскомъ, назначены изъ шляхты. Караимовичъ былъ пониженъ въ войсковые асаулы. Между сотниками поименованы чигиринскаго полка Богданъ Хмельницкій и черкаскаго — Барабашъ. Мѣсто-пробываніемъ комисара назначенъ Корсунъ, по тому поводу, что Трехтемировъ въ то время выгорѣлъ.

Конецпольскій отправился вмѣстѣ съ инженеромъ

¹⁾ Пясецкій, 423.

²⁾ По Шуйскому, III, 286, въ Корсунъ, а по Костомарову, «Хмельницкій», I, CLXVIII, въ Клевѣ.

Бопланомъ въ строившійся Койдакъ и оставался тамъ цѣлый мѣсяць, пока крѣпость не приведена была въ должное положеніе (1638). „Каковъ вамъ кажется Койдакъ?“ спросилъ насмѣшливо гетманъ казаковъ, смотрѣвшихъ на укрѣпленія. „Что руками создано, то руками и разрушается“, отвѣчалъ по-латыни сотникъ Хмельницкій ¹⁾.

¹⁾ «Manu facta, manu destruo», пишетъ Коховскій, (I, 21). Слова эти Хмельницкаго Величко, (I, 12) относитъ къ другому случаю. Магнатъ Потоцкій, построивъ укрѣпленія въ своемъ городѣ Бродахъ, спросилъ Хмельницкаго, находившагося у него въ службѣ конюшимъ, какъ онъ думаетъ объ этой крѣпости? Хмельницкій отвѣчалъ: «что рука человѣка сдѣлаетъ, то она же можетъ испортить». Потоцкій разсердился, и за обѣдомъ, подгулявши порядкомъ, велѣлъ призвать Хмельницкаго съ тѣмъ, чтобы ему отрубить голову. Предувѣдомленный о томъ однимъ слугою, Хмельницкій успѣшно скрылся и ушелъ въ Украину. Величко заимствовалъ это свѣдѣніе изъ нѣкоторой «повѣсти» шляхты польской; между тѣмъ, Броды, какъ извѣстно, принадлежали в. гетману Конецпольскому, умершему въ 1646 году, а прежде принадлежали-ли Потоцкому—незнаемъ.

ГЛАВА IX.

Порабощеніе казаковъ.—Религіозный фанатизмъ.—Унія.—Въро-
тстунничество русскихъ дворянъ.—Иезуитская пропаганда.—По-
руганіе православной вѣры.

Теперь паны-шляхта могли похвалиться тѣмъ, что охолопили казаковъ и весь украинскій народъ. „Прошли затѣмъ десять лѣтъ рабства“, пишетъ польскій исто-
рикъ ¹⁾ „въ невыразимой истомѣ, охватившей все на-
селеніе Польши, и могильное молчаніе всей Украины
прерывалось криками мщенія и стопами народа, кото-
рый выжидалъ только случая свергнуть ярмо неволи“. Вишневецкіе, Конецпольскіе, Калиновскіе, Потоцкіе за-
хватили огромныя пространства въ Украинѣ. Одному
Гереміи Вишневецкому принадлежали Лубны, Пирятинъ,
Лукомля, Лохвица и еще пять городовъ. Бопланъ самъ
заложилъ для короннаго гетмана сто деревень на зем-
ляхъ вольныхъ казацкихъ слободъ. Отнято у казаковъ
даже право рыболовства и охоты ²⁾. Реестровый казакъ

¹⁾ Делевель II. *Consid.* 268 по Грондскому, котораго не-
извѣстно почему такъ не долюбливаютъ поляки. Онъ, правда,
переметчикъ, но далеко не такой, какъ Радзеёвскій, Опалинскій
и другіе измѣнники. О постройкѣ Койдака см. *Описаніе Украи-
ны Боплана.*

²⁾ Квятковскій, 172. Тутъ же множество другихъ притѣс-
неній, какъ то: отдача доходовъ съ имѣній панскихъ въ аренду
жидамъ, запрещеніе курить для себя вино, варить пиво, и т. п.

употреблялся на посылки и на черную домашнюю работу. Выписчики и оказавшіеся поселяне уходили въ смежную курскую Украину.

Паралельно съ поправіемъ политическихъ правъ казачества, происходило и религиозное угнетеніе русскаго народа. Съ водвореніемъ панскаго произвола за-хозяйничала унія и іезуиты въ Украинѣ.

Владиславъ обязался пактами сохранять миръ съ диссидентами, не взирая ни на какія протестаціи (*nonobstantibus quibuscumque protestationibus*) и провести вопросъ неунитовъ, по указаніямъ сеймовой депутаціи. Онъ старался исполнить и то и другое; но религиозный фанатизмъ, пустившій глубокіе корни въ средѣ католицизма, противодействовалъ его усиліямъ. „Объезуиченные католики“, какъ выражается польскій историкъ ¹⁾, „строго контролировали его религиозныя вѣрованія и неусыпно слѣдили, чтобы имъ не овладѣла ересь“. Число католиковъ росло съ каждымъ днемъ, а диссидентовъ—убывало. Іезуиты умѣли отлично поджигать народъ, и дѣйствуя на воображеніе его, ставили въ обязанность правотѣрнымъ истреблять ересь какими бы то ни было средствами. Схватки между католиками и диссидентами, происшедшія въ Краковѣ, тотчасъ послѣ коронаціи, повторялись и по другимъ городамъ, особенно же въ Вильнѣ, гдѣ сосѣднія резиденціи воеводы-кальвина князя Христофора Радзивилла и виленскаго бискупа Войны представляли видъ двухъ непріятельскихъ лагерей ²⁾. На сеймѣ 1638 г., диссиденты и православные, домогаясь своихъ правъ, имѣли случай убѣдиться, какую силу взялъ уже объезуиченный католицизмъ. Сенинскій, арианинъ, владѣлецъ Ракова, сдѣлавшагося

¹⁾ Шуйскій III. 293.

²⁾ Цитируемыхъ Шуйскимъ, III, 280.

центромъ этой секты, позванъ былъ въ сеймовый судъ за то, что снялъ крестъ, поставленный какимъ-то набожнымъ сосѣдомъ на его землѣ. „При католическомъ усердіи“, говоритъ Радзивиллъ въ своихъ запискахъ ¹⁾), „чуть не отрубили голову Сенинскому; заставили его присягнуть въ томъ, что онъ никакого креста не ломалъ; заперли раковскія школы и разогнали учителей“. Владиславъ думалъ было помирить католиковъ съ диссидентами, назначивъ имъ съѣздъ или „дружескую бесѣду“ въ Торунѣ (1645), но эта бесѣда кончилась ничѣмъ, и собесѣдники разошлись, наговоривъ другъ другу много непріятностей.

Диссиденты въ борьбѣ съ латинами имѣли по крайней мѣрѣ на своей сторонѣ представителей высшей шляхты въ средѣ каштеляновъ и старостъ; православные же лишились цвѣта своего дворянства, совратившагося въ латинство, прямо или черезъ унию. Въ историческомъ извѣстіи объ униі ²⁾ поименованы русскіе люди, изъ лучшихъ фамилій, перешедшіе въ католицизмъ; но особенную въ этомъ отношеніи услугу оказалъ предсѣдатель кievской археографической комисіи, Г. Юзефовичъ, помѣщеніемъ въ 1-мъ томѣ Архива Юго-западной Россіи, 1867 г., таблицы шляхетскихъ родовъ юго-западнаго края, съ указаніемъ времени перехода ихъ членовъ въ латинство и унию. Изъ предисловія его къ этому тому видно, что ему удалось привести въ положительную извѣстность русское происхожденіе 711 дворянскихъ родовъ и „тѣмъ доказать“, какъ онъ выразился, „что здѣсь (въ юго-западномъ краѣ) не только земля и народъ русскіе, но и нынѣшніе враги наши не пришлецы, не завоеватели, а совращенные и заблудшіе

¹⁾ Балинскій, Akademia Wiléńska, 136.

²⁾ Бантышъ К., второе изданіе 1864 г., стр. 34—35.

русскіе-же люди, русскія украденныя дѣти, по выраженію поэта“. Въ выше названной таблицѣ показано 140 родовъ, изъ которыхъ, за исключеніемъ Сапѣгъ и еще четырехъ фамилій, принявшихъ католичество прежде брестской уніи, Вишневецкіе, Масальскіе, Острожскіе, Ружинскіе, Чарторыйскіе, Корецкіе, Сангушки, Служки, Тышкевичи и многіе другіе, изъ лучшихъ фамилій, со-вратились въ латинство послѣ брестской уніи, въ періодъ 30-ти лѣтъ (съ 1600 по 1630). Знатные отступники (говоримъ словами Г. Юзефовича) становились центрами для своей безчисленной дворни, которая волею и неволею подчинялась примѣру своихъ патроновъ. Съ такимъ запасомъ окатоличеннаго дворянства и съ помощію іезуитовъ, Янъ Казимиръ, самъ іезуитъ, могъ уже смѣло повести крестовый походъ на православіе. Планъ Поссевина осуществился усердіемъ іезуитовъ и объезуиченнаго польскаго духовенства.

Іезуитъ не брезгалъ никакимъ средствомъ для преклоненія совѣсти православныхъ. Возьмемъ примѣръ изъ извѣстнаго сочиненія Несецкаго: *Kogona polska* (Т. III. 39). Владиславъ Немѣричъ, принявшій католичество, передъ смертію, на исповѣди, заявилъ своему духовнику, іезуиту Кисаржевскому, сомнѣніе, достигнетъ-ли онъ спасенія, если приметъ причастіе подъ однимъ видомъ, и потому просилъ іезуита выдать ему удостовѣреніе въ томъ, что онъ будетъ спасенъ въ католичествѣ. Кисаржевскій выдалъ ему это удостовѣреніе, принимая на себя и на свою душу всякій ущербъ, какой Немѣричъ можетъ потерпѣть предъ судомъ Божиимъ. Умершій похороненъ былъ съ этимъ удостовѣреніемъ въ рукѣ. Черезъ пять дней, когда собрались опускать тѣло въ могилу, въ люблинской церкви, и передъ тѣмъ открыли гробъ, то кромѣ названнаго документа нашли на груди его другой, въ которомъ Немѣричъ, съ того

свѣта, освобождалъ Кисаржевскаго отъ отвѣтственности, увѣдомляя, что получилъ полное удовлетвореніе и отпущеніе всѣхъ грѣховъ, вслѣдствіе исповѣди и причастія, принятаго по обряду римской церкви ¹⁾).

Такимъ образомъ, подъ тройнымъ гнетомъ католиковъ, уніатовъ и объезуиченнаго правительства, православіе, лишась своей дворянской интеллигенціи, удержалось преимущественно между хлопами и охолопленными въ это время казаками. Что правительство содѣйствовало этой операціи, свидѣтельствуютъ конституціи сеймовъ, приводимыя дословно въ извѣстномъ сочиненіи объ уніи Бантыша-Каменскаго ²⁾. Семь конституцій при Сигизмундѣ III (1607—1632) и шесть при Владиславѣ (1632—1647), по жалобамъ православныхъ, представляютъ только одни обѣщанія, исполненіе которыхъ откладывалось отъ сейма до сейма. Унія свирѣпствовала. Достаточно прочесть письмо Льва Сапѣги, канцлера литовскаго, къ Юсафату Кунцевичу, архіепископу полоцкому изъ Варшавы, чтобы увидѣть, до чего дошли гоненія на православныхъ ³⁾. „Жидамъ и татарамъ“, пишетъ Сапѣга, „не возбраняется имѣть свои синагоги и мечети, а вы запираете и печатаете христіанскія церкви! (Кунцевичъ дѣлалъ это въ Могилевѣ). Поэтому и ходитъ повсюду молва, что благочестивые соглашаются лучше быть въ подданствѣ у невѣрныхъ турокъ, нежели терпѣть такое притѣсненіе своей совѣсти“.

Какого рода были притѣсненія, дѣлаемыя право-

¹⁾ Удостовереніе іезуита дано 19 апрѣля 1653 года въ Люблинѣ. Оба документа явлены были въ актовыя книги люблинскаго трибунала. «Архивъ юго-западной Россіи». I, стр. III, въ предисловіи къ нему Г. Юзефовича.

²⁾ Стр. 62—84.

³⁾ См. Приложение IV. Оно помѣщено въ статьѣ Линде: *O stacucie litewskim*, Warszawa. 1816. стр. 159.

славнымъ, можно видѣть изъ прибавленія къ Синописису, напечатанному на польскомъ языкѣ въ Вильнѣ и поднесенному Владиславу на сеймѣ 1632 года. Въ Кіевѣ, Луцкѣ, Холмѣ, Львовѣ, Вильнѣ, Минскѣ, Полоцкѣ, Могилевѣ, Мстиславлѣ, Ковнѣ и другихъ городахъ, отнимали у нихъ церевы то на унію, то для обращенія въ костелы или даже въ кабаки и гостинницы (напримѣръ въ Вильнѣ). Захватъ уніятами древней, на соломенномъ, рынкѣ стоявшей православной церкви въ Люблинѣ, надѣлалъ много шуму на сеймѣ 1640 г. Кисель, посолъ волынской и Василій Литинскій, депутатъ люблинскаго трибунала, оба православные, смѣло возстали противъ такого самоуправства. Дѣло это впослѣдствіи поднималось было всякій разъ, когда затрогивался вопросъ о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ казаками въ отправленіи своего богослуженія ¹⁾. Притѣсненія эти, по признанію самихъ польскихъ писателей, выражались въ разныхъ видахъ; такъ напримѣръ, запрещалось священникамъ ходить съ святыми дарами къ больнымъ и погребать умершихъ; запрещалось даже въ шалашахъ отправлять молитвы (какъ въ Оршѣ), строить каменные церкви и т. п. Эти насилія не могли идти въ сравненіе съ тѣмъ поруганіемъ вѣры, съ тѣмъ презрѣніемъ, какое высказывалось въ средѣ польскаго шляхетства. Доходы церковные, говорятъ польскіе писатели, отдавались жидамъ; не одни доходы, прибавимъ, но и ключи отъ церквей. Православные обязывались платить подать, подъ названіемъ „апокалиптической“, арендованной жидами, при покупкѣ пасхальныхъ хлѣбовъ у жидовъ; освобождался отъ нея лишь тотъ, кто имѣлъ на груди ярлычекъ съ надписью: „уніять“; приготовленныя на дому пасхи были оцѣняемы при церквахъ, во время освященія, и

¹⁾ Квятковскій, 244.

потомъ, какъ покупныя, такъ и домашнія, отмѣчались мѣломъ, въ знакъ того, что они оплачены пошлиной ¹⁾).

Эти безобразія уніи совершались сплошь и рядомъ, и достигли своего апогея въ десятилѣтній періодъ порабощенія казаковъ. Но если масловставская комісія (1638) угодила украинскимъ магнатамъ, то она же обнажила малорусскую границу для свободнаго вторженія татаръ.

Добросовѣстный Пясецкій мѣтко оцѣнилъ вредъ, нанесенный Польшѣ охолопленіемъ казаковъ. „Узнають это потомки наши“, писалъ онъ, „когда казаки, возбужденные несправедливымъ съ ними обращеніемъ, поднимутъ новые бунты, когда противъ татаръ, вмѣсто всегда готоваго запорожскаго рыцарства, придется содержать неповоротливыхъ наемниковъ“. Приводя эти слова, Шуйскій продолжаетъ ²⁾: „Но этого не видѣли современники. Вельможные паны и шляхта съ азіатскимъ презрѣніемъ смотрѣли на хлопа-казака, а панегиричные историки, какъ ксендзъ Симонъ Окольскій, вторили имъ, называя казачество „многоголовымъ звѣремъ“, приравнивая войны съ нимъ къ римскимъ войнамъ съ невольниками, и восхищаясь даже такими гнусными подвигами, какъ рѣзня Путивльцова табора. Черезъ десять лѣтъ за то Польшу ожидала жестокая кара, предвѣстница другихъ страшнѣйшихъ бѣдъ, погасившихъ надолго (если не навсегда, прибавимъ) счастливую звѣзду Польши“.

¹⁾ Мацѣвскій, Pamiętniki, I, 302. Свѣцкій, Opis starożytnej Polski, II, 155; Квятковскій, 244; Шуйскій, III, 304. Мы затрогиваемъ вопросъ уніи, какъ уже выше сказали, насколько онъ касается существа нашей монографіи, предоставляя читателямъ искать подробностей въ извѣстныхъ русскихъ сочиненіяхъ Бантыша, Соловьева, Костомарова и другихъ.

²⁾ III. 287.

ГЛАВА X.

Отношенія Польши къ Турціи.—Посольство Мясковаго въ Константинополь.—Вторженіе татаръ.—Турецкій вопросъ.—Тьполи, Оссолинскій, Конецпольскій.—Повѣдка Оссолинскаго въ Украину.—Хмельницкій.—Сеймъ 1648 г.—Проектъ турецкой войны проваливается.

Сломивъ казацкую общину, украинскіе паны думали насладиться выгодами мира, заключеннаго съ турками въ 1634 году, и зажить по прежнему весело въ своихъ помѣстьяхъ; но скоро и жестоко разочаровались. Не прошло двухъ лѣтъ отъ масловставской комисіи, какъ татары (въ февралѣ 1640 г.) вторглись въ Украину и прорвались по правой сторонѣ Днѣпра до Бѣлой-церкви, а по лѣвой, опустошили весь переяславскій край и обширныя помѣстья Вишневецкихъ вдоль и поперекъ, забрали скотъ и угнали до 30 тысячъ душъ въ ясырь, безовсякой погони, потому что казацкая стража уже не существовала.

Это вторженіе татаръ произведено было не случайно, а по волѣ султана Амурата, который въ это время, возвратясь побѣдителемъ изъ похода въ Персію, готовился къ войнѣ съ Польшею, подъ предлогомъ, что Койдакъ построенъ будто бы на турецкой землѣ и угрожаетъ не казакамъ, а подвластной Портѣ Крымской ордѣ, при чемъ казацкія чайки разгуливаютъ по Черному морю,

подплывая даже подь самыя стѣны Стамбула. Еще въ 1638 году назначенъ былъ Мясковскій, подкоморій львовскій, посломъ къ султану для объясненія возникшихъ недоразумѣній и отвращенія грозы; но онъ дожидался возвращенія султана изъ Персіи и отправился въ путь спустя не болѣе мѣсяца послѣ татарскаго набѣга. Къ счастью посла, на дорогѣ въ Молдавію, пришло къ нему извѣстіе, что Амуратъ умеръ и на престолъ вступилъ братъ его Ибрагимъ. Мясковскій продолжалъ путь, и прибывъ въ Константинополь (въ апрѣлѣ 1640), объяснилъ великому визирю недоразумѣнія насчетъ Койдака, жаловался на послѣднее вторженіе татаръ и просилъ подтвердить прежній мирный договоръ. Визирь не былъ расположенъ къ войнѣ и склонилъ новаго падишаха къ миру. Но Мясковскій убѣдился тутъ, съ какимъ высокомѣріемъ турецкій диванъ относился къ Польшѣ. На заявленіе его, что въ случаѣ необузданія татаръ, королевскія войска сами пойдутъ за ними въ Крымъ и вознаградятъ себя за понесенныя обиды, визирь отвѣчалъ: „Не такія у васъ силы; у кого нѣтъ двухъ сотъ тысячъ войска, тотъ не заглянетъ въ Крымъ; а много ли у васъ было? припомни себѣ Хотинъ и Османа; защитилъ васъ Богъ, да зима“. На возвратномъ пути, Мясковскій посѣтилъ силистрійскаго пашу подь Варной и былъ свидѣтелемъ, какой переполохъ произвели въ турецкомъ лагерѣ запорожцы, которые въ это время, подплывъ на шести чайкахъ, ограбили на берегу одно мѣстечко и ушли, потерявъ только трехъ своихъ товарищей. Посоль принужденъ былъ оправдываться, завѣряя, что запорожцы вышли въ море по своей волѣ, безъ вѣдома начальства, вслѣдствіе, вѣроятно, сдѣланнаго татарами нападенія на Украину. Мясковскій привелъ съ собой 250 плѣнныхъ поляковъ, выкупленныхъ имъ и частію отпущенныхъ визиремъ безвоз-

мездно. По словамъ его, это была горсть изъ огромной массы 150 тысячъ плѣнниковъ польскихъ, томившихся на галерахъ въ Стамбулѣ и во Эракии. Цѣлое предмѣстье, близъ Галаты, населенное ими, называлось Цецорою, въ память цецорскаго погрома. Въ его глазахъ пришли изъ Козлова и Кафы два корабля, нагруженные плѣнниками, захваченными въ послѣдній набѣгъ татаръ на Украину. Присутствуя на смотрѣ флота, произведенномъ въ это время султаномъ у константинопольскаго берега, посоль съ сокрушеніемъ сердца смотрѣлъ на своихъ соотчичей, прикованныхъ къ весламъ на галерахъ, нагихъ, изнуренныхъ такой тяжелой работой ¹⁾.

Какъ ни возмутительны казались для народнаго самюлюбія такія халатныя отношенія гордаго падишаха къ Рѣчи-посполитой, тѣмъ не менѣе, паны-шляхта удовольствовались выпрошеннымъ миромъ и зажили какъ ни въ чемъ не бывало. Слава банкетовъ и пирושекъ съ попойками замѣнила славу прежнихъ воинственныхъ подвиговъ. Лучше хотѣли платить донативу татарамъ, чѣмъ воевать съ ними и съ кѣмъ бы то ни было. На сеймикахъ только и твердили посламъ, отправляемымъ на сеймъ, чтобы не соглашались ни на малѣйшіе налоги или поборы, предназначаемые на войну. Сеймы все глубже погружались въ омутъ анархіи. Не было еще вольнаго голоса, такъ называемаго „либерумъ вето“; но сеймы, въ случаѣ несогласій, возбужденныхъ партіями магнатовъ, расходились, не покончивъ дѣлъ. Такъ сеймъ 1639 года разошелся потому, что подканцлеръ Оссолинскій нагрубилъ мазовецкому послу Барановскому. На сеймѣ 1638 года, памятномъ конституціею противъ ка-

¹⁾ Relacya poselstwa pana Miaskowskiego, у Квятковскаго въ приложеніяхъ, стр. 433—456. См. то же во 2-й ч. нашей монографіи описаніе турецкой неволи, по Шайнохъ.

заковъ, одинъ изъ пословъ прокричалъ: „если не дадутъ мнѣ ловить рыбу въ королевскихъ озерахъ, то я ничего не позволю!“ Насилу образумили этого провозвѣстника вольнаго голоса, и сеймъ закончился. Прибѣгали и къ уловкамъ, чтобы сеймъ не разошелся. Такъ въ 1643 году, когда рѣшилось дѣло объ уплатѣ долга, сдѣланнаго королемъ на военныя потребности, послѣднее засѣданіе приходилось въ воскресенье (¹⁹/₂₉ марта). Предвидя сильную оппозицію, увѣрили нѣкоторыхъ пословъ, что въ этотъ день, какъ праздничный, сеймъ не успѣетъ закрыться, и 36 изъ нихъ подгулявшихъ, или хотѣвшихъ кутнуть, ушли изъ засѣданія. Оставшіеся послы воспользовались этимъ и закончили сеймъ ¹).

Не прошло и года послѣ возвращенія Мясковскаго изъ Константинополя съ подтвержденіемъ мира, какъ явился (1641) отъ крымскаго хана посланникъ съ требованіемъ уплатить донативу съ недоимкою за прошлое время. Донатива эта, платимая со временъ Камизира Ягеллона татарамъ, состояла, по договору Сигизмунда III съ ханомъ (1630), въ поставкѣ ежегодно татарамъ тулуповъ, сукна, шести тысячъ паръ сапогъ и въ платежѣ 20 тысячъ злотыхъ, за удержаніе орды отъ набѣговъ ²). Владиславъ съ гнѣвомъ отвергнулъ это требованіе, задумывая давно уже сбросить съ Польши эту постыдную дань, и послалъ въ Константинополь секретаря своего Отвиновскаго съ жалобою на хана. Онъ воротился съ турецкимъ чаушемъ, который отъ имени Порты требовалъ между прочимъ пропустить турецкія войска черезъ Польшу къ Азову, взятому недавно донскими казаками, и отозвать оттуда запорожцевъ, которые постоянно проживали на Дону, точно такъ, какъ донцы на Запорожьѣ. Влади-

¹) Квятковскій, 239. Шуйскій, III, 291.

²) Квятковскій, 247.

славъ отказалъ въ пропускѣ турокъ къ Азову; но на донативу поневолѣ согласился, зная хорошо, что украинскіе магнаты хотѣтъ наслаждаться миромъ во что бы ни стало. Однако мѣра терпѣнія его исполнилась.

Татары въ самую зиму, въ январѣ, 1644 г., собравшись въ числѣ 30 тысячъ на очаковскихъ степяхъ, ворвались въ Украину. Къ счастью, Конецпольскій успѣлъ стянуть войска и расположился подъ Охматовомъ. Черезъ нѣсколько дней татары завязали дѣло, но были опрокинуты и обращены въ бѣгство. Поляки догнали ихъ на переправѣ черезъ р. Синюю-воду и множество ихъ перекололи. Послѣ этого отправленъ былъ въ Царьградъ львовскій подстолий, Бѣгановскій, съ жалобой на татаръ. Султанъ велѣлъ отвѣчать, что желаетъ сохранить миръ, но требуетъ и совѣтуетъ платить непременно татарамъ донативу. Король созвалъ сенатъ; нѣкоторые изъ сенаторовъ были того мнѣнія, чтобы отослать донативу татарамъ въ Перекопъ, по большинство положило задержать ее, по поводу наѣзда орды. Это нѣкоторымъ образомъ развязало руки Владиславу, и хотя Порта смѣнила хана Багадырь-Гирея и назначила на его мѣсто Исламъ-Гирея, державнаго впоследствии сторону кизаковъ противъ Польши, тѣмъ не менѣе, въ умѣ Владислава глубоко уже заронила мысль покончить споръ не съ одними татарами, а съ самой Портой, къ чему и случай представился.

Турецкій или восточный вопросъ въ то время уже былъ поднятъ въ христіанскомъ мірѣ. Всѣ христіанскіе монархи находили нестерпимымъ мусульманское владычество въ Европѣ, но какъ теперь, такъ и тогда, не всѣ одинаково относились къ вопросу этому, соображаясь съ своими государственными и личными интересами. „Христіаннѣйшій“ король французскій заботился только о томъ, какъ бы принизить „апостолическаго“ импера-

тора германскаго и подстрекалъ противъ него турокъ. Императоръ былъ озабоченъ тридцатилѣтней войной, въ которой, къ удовольствію мусульманъ, христіане-католики и протестанты рѣзались между собою. Италія, кромѣ Венеціанской республики, раздробленная на мелкія владѣнія, не представляла никакой матеріальной силы противъ турокъ, а Испанія воевала съ Франціею. Одна лишь Польша, вышедшая побѣдоносно изъ войны съ Россіею и непричастная къ религіозно-политической борьбѣ Германіи, первоклассная по своему обширному пространству и значительному населенію, выдававшая себя за оплотъ христіанства противъ мусульманъ, могла помѣряться съ Оттоманскою Портою, если ужъ не за все христіанство, то по крайней мѣрѣ за своихъ подданныхъ, увлекаемыхъ десятками тысячъ въ неволю крымскими татарами, съ вѣдома и при содѣйствіи Порты. Такъ понималъ тогда Владиславъ призваніе Польши, такъ думали и немногіе истинные патріоты въ средѣ шляхетскаго сословія; но Рѣчь-посполитая увлечена была уже своимъ рокомъ. Война вспыхнула, но не турецкая, а казацкая, не съ внѣшнимъ врагомъ, а съ собственными своими подданными.

Венеціанская республика находилась въ подобныхъ какъ Польша отношеніяхъ къ Турціи. Варварійскіе корсары грабили ея купеческіе галіоты; она жаловалась султану и не щадила денегъ для сохраненія мира. Но когда турки нагрянули на Кандію (1644), съ цѣлью завоевать этотъ важный для Венеціи пунктъ на Средиземномъ морѣ, война сдѣлалась неизбежною. Венеціане искали помощи; но кромѣ папы и другихъ италіанскихъ владѣтелей, нигдѣ ея не нашли, и обратились къ Польшѣ, какъ къ державѣ, которая болѣе другихъ заинтересована была въ обузданіи турокъ. Съ этой цѣлью

отправленъ былъ въ Варшаву посломъ Іоаннъ Тьеполи, бывавшій ужъ въ Польшѣ и знакомый Владиславу.

Приѣздъ Тьеполи (въ концѣ 1644 г.) пришелся Владиславу какъ сонъ въ руку. Посоль представивъ ему, что настало время соединиться всѣмъ христіанскимъ державамъ противъ Турціи, предложилъ планъ, по которому Венеція будетъ воевать на Средиземномъ морѣ, съ помощью итальянскихъ князей, папа поможетъ деньгами, а Польша, въ союзѣ съ Россією, нагрянетъ съ сѣвера и пуститъ запорожскихъ казаковъ на Черное море. На эту черноморскую диверсію всего болѣе налегалъ Тьеполи, зная хорошо казацкую удаль.

При тогдашней системѣ наемныхъ войскъ, казаки вербовались на службу за границей, особенно выписчики, исключенные изъ реестра по масловставской комисіи. Въ 1639 году цесарскій посоль Алеманни просилъ позволенія набрать двѣ тысячи казаковъ для Австріи противъ французовъ, но король и сенатъ отказали, не желая раздражать Франціи, гдѣ накодился тогда братъ королевскій Янъ Казимиръ ¹⁾. Въ это время Франція, черезъ посланника своего въ Варшавѣ, графа Де-Брежи, тоже нанимала къ себѣ на службу казаковъ. Дѣло это велъ сотникъ Богданъ Хмельницкій, нарочно для этого ѣздившій въ Парижъ, вслѣдствіе чего 2400 казаковъ сражались во Фландріи подъ начальствомъ герцога Энгиенскаго, принца Конде, и участвовали, въ 1646 году при взятіи имъ Дюнкирхена у испанцевъ ²⁾.

Владиславъ, въ виду извѣстнаго нерасположенія

¹⁾ Квятковскій, 234.

²⁾ Шевалье, въ посвященіи своего сочиненія графу Де-Брежи, 1—4. Онъ, кажется, самъ сносился съ Хмельницкимъ по этому дѣлу.

пановъ-шляхты къ военнымъ предпріятіямъ, раскрылъ тайну своихъ переговоровъ съ Тьеполи только канцлеру Оссолинскому и гетману Конецпольскому, который не могъ смотрѣть равнодушно на татарскіе разбои и самъ мечталъ о томъ, какъ бы овладѣть Крымомъ. Въ тайну посвященъ былъ, разумѣется, и папскій нунцій Деторре. Но осуществленіе плана не могло обойтись безъ согласія сейма, а сеймъ, собравшійся въ февралѣ (1645), не докончился. Канцлеръ въ рѣчи своей, при открытіи засѣданій, попробовалъ обратить вниманіе на неблагонадежность мира съ сосѣдями, на необходимость пополнить казну и увеличить вооруженныя силы; но сеймушчіе не захотѣли слушать никакихъ государственныхъ дѣлъ, занялись своими домашними дрязгами, безконечными ссорами Вишневецкихъ съ Оссолинскимъ и Казановскими, Конецпольскихъ съ Вишневецкими, Любомирскаго съ Калиновскимъ, Радзивилловъ съ Сапѣгами, и не постановивъ ровно ничего, разошлись.

Послѣ этого король объявилъ Тьеполи черезъ Оссолинскаго, что, не имѣя права вдаваться въ наступательную войну съ Турціею безъ согласія сейма, онъ можетъ только дѣйствовать оборонительно, посредствомъ казацкихъ набѣговъ на татаръ, что для этого нужна ему субсидія не менѣе 500 тысячъ скуди. Переговоры продолжались и ускорены были пріѣздомъ Конецпольскаго изъ Украины.

Гетманъ привезъ извѣстіе, что казаки сносятся черезъ Хмельницкаго съ татарами и готовятся на весну (1646) къ новому возстанію. Чтобы предупредить замыслы казаковъ, не представлялось лучшаго средства, какъ обратить ихъ же оружіе противъ Турціи. Согласились съ Тьеполи (³/₁₃ января 1646), чтобы Венеція выплатила условленную субсидію въ теченіе двухъ лѣтъ, а пока выдала 20 тысячъ талеровъ на необходимыя при-

готовленія къ черноморской экспедиціи. Молдавія и Валахія, черезъ пословъ своихъ, заявили, что будутъ дѣйствовать заодно противъ Турціи. Тутъ же представились королю (^{12/22} марта) царскіе послы бояринъ Стрѣшневъ и окольникій Проѣстевъ, прибывшіе для поздравленія новобрачныхъ (король не задолго передъ тѣмъ, въ ноябрѣ 1645 г., женился на Маріи Гонзага, принцессѣ мантуанской¹⁾), и для подтвержденія поляновскаго мира²⁾, въ сущности же для предложенія оборонительнаго и наступательнаго союза противъ Порты. На совѣщаніи съ панами рады, представивъ затруднительное положеніи Венеціи, послы сообщили, что царь выставилъ для обороны своихъ украинъ сильное войско подъ начальствомъ бояръ, князя Одоевскаго и Шереметьева, и велѣлъ имъ, въ случаѣ нападенія татаръ на польскую Украину, помогать королевскимъ войскамъ, вслѣдствіе чего желательно, чтобы король пустилъ днѣпровскихъ казаковъ, въ подкрѣпленіе донцевъ, воевать крымскіе улусы, а коронному гетману велѣлъ быть въ готовности на Украинѣ и сноситься съ царскими воеводами. Паны отвѣчали, что коронному гетману посланъ уже соотвѣтственный приказъ, какъ и въ прошломъ году; а что касается днѣпровскихъ казаковъ, то всѣ ихъ челны сожжены, главное же—имъ нельзя идти на крымскіе улусы безъ позволенія сейма, потому что у Польши съ Турціею вѣчный миръ. Отвѣтъ этотъ, явно противорѣчившій плану Владислава, показывалъ зависимость дѣйствій короля отъ сейма.

Въ это время, къ большому горю короля, умеръ неожиданно въ Бродахъ (21 марта 1646) коронный гетманъ Конецпольскій, единственный изъ сенаторовъ, раз-

¹⁾ См. Лабурёра въ приложенія VI.

²⁾ Соловьевъ, X, 120.

дѣлавшій искренно планъ его войны съ Турціею. Оссолинскій не могъ замѣнить его, по слабости своего характера и непопулярности у шляхты.

Вскорѣ послѣ смерти Конецпольскаго, Оссолинскій, по волѣ короля, отправился въ Украину, вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ Любовицкимъ, подъ предлогомъ осмотра крѣпостей, въ дѣйствительности же съ тайнымъ порученіемъ подстрекнуть казаковъ къ нападенію на турецкія владѣнія и тѣмъ побудить турокъ къ взаимному вторженію въ Польшу ¹⁾. Онъ завѣрялъ ихъ, что Рѣчь-посполитая не будетъ за это въ претензіи, и что преемникъ Конецпольскаго, Николай Потоцкій, знаетъ эти королевскіе замыслы. Съ этой цѣлью онъ привезъ отъ короля знамя, булаву и привилегію для старшбого, въ знакъ гетманскаго достоинства, и когда полковникъ черкасскій, Барабаншъ, отказался отъ этой чести, онъ отдалъ гетманскіе знаки Хмельницкому, поручая ему набрать безъ огласки 12 тысячъ казаковъ и приготовить до 600 челновъ для поисковъ на Черномъ морѣ. Хмельницкій благодарилъ за оказываемое ему довѣріе и не скрывая, что дѣло это трудное, требующее времени, обѣщалъ употребить всѣ возможные старанія, чтобы угодить королю ²⁾.

Богданъ Хмельницкій, сынъ казацкаго сотника Михаила, погибшаго, вмѣстѣ съ гетманомъ Жолкѣвскимъ, въ битвѣ подъ Могилевомъ (подъ Цецорой, 1620), попавшійся тутъ же въ плѣнъ къ татарамъ, былъ, по тог-

¹⁾ Квятковскій, 329, опровергаетъ извѣстіе Грондскаго, сообщаемое послѣднимъ на стр. 37—38, о поѣздкѣ Оссолинскаго послѣ сейма, открывшагося ^{45/25} октября 1646 г., замѣчая справедливо, что ему не зачѣмъ было ѣздить послѣ сейма, которымъ разрушенъ королевскій проектъ войны съ Турціею. Костомаровъ держится Грондскаго, «Хмельницкій», I, стр. 54; и мы тоже.

²⁾ Грондскій, 39.

ГЕТМАНЪ БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ .

дашнему времени, образованный казакъ. Онъ учился въ кievской школѣ, потомъ у иезуитовъ въ червонорусскомъ Ярославлѣ, наконецъ, въ Варшавѣ. Освободясь изъ крымской неволи, онъ участвовалъ въ казацкихъ возстаніяхъ и, какъ мы уже знаемъ, подписался на присяжномъ листѣ, въ Боровицахъ, войсковымъ писаремъ. Будучи посылаемъ два раза, вмѣстѣ съ другими казаками, къ королю, для заявленія покорности казацкаго войска, онъ своей находчивостью умѣлъ понравиться королю; дослужился потомъ до званія чигиринскаго сотника и обратилъ на себя вниманіе Владислава своею расторопностью въ сношеніяхъ по предмету вербовки казаковъ на службу во Францію. Вотъ почему Оссолинскій обратился прямо къ Хмельницкому ¹⁾.

Междутѣмъ, пока Оссолинскій дѣйствовалъ на Украинѣ, король спѣшилъ вербовать войско, какъ въ Польшѣ, такъ и за границей, на деньги, частію полу-

¹⁾ Біографія Хмельницкаго ожидаетъ критической разработки; но результатъ едва ли получится удовлетворительный. Весь періодъ его жизни, до желтоводской битвы, обставленъ легендами, изъ которыхъ трудно добыть правду. Самъ Величко, имѣвшій у себя «діаріушъ» Зорки, секретаря Хмельницкаго, немного знаетъ и списываетъ Твардовскаго, дополняя его Зоркой и другими казацкими (?) лѣтописцами (I. 6.). Оттуда у него путаница, начинающаяся со стр. 25, о привилегіяхъ Владислава, о похищеніи ихъ Хмельницкимъ у Барабаша и т. п. Самые письма Хмельницкаго къ Барабашу, Шембергу, Потоцкому, помѣченныя 1648 годомъ (вмѣсто 1647 г.) что-то подозрительны. Хмельницкій, въ письмѣ къ Потоцкому, говоритъ, что онъ получилъ иждивеніе (Суботовъ?) не по наслѣдству, а по пожалованію за службу Владиславу и прежнимъ (Сигизмунду III?) монархамъ (стр. 37), тогда какъ по другимъ указаніямъ, между прочимъ Шайнохи (Szkice historyczne, IV, 195), разбирающаго критически сочиненіе Костомарова: «Богданъ Хмельницкій», Суботовъ былъ пожалованъ отцу Богданову. О другихъ разнорѣчіяхъ, насколько нужно, мы упоминаемъ на своемъ мѣстѣ.

ченныя въ задатокъ отъ венеціанъ, частію присылаемыя въ небольшой суммѣ отъ нѣкоторыхъ итальянскихъ владѣтелей, а главнымъ образомъ на занятія у королевы изъ ея приданого 250 т. талеровъ. Такимъ образомъ, одного заграничнаго войска, изъ шведовъ и нѣмцевъ, служившихъ противъ Австріи, набралось до 14 тысячъ, которому велѣно стягиваться къ турецкой границѣ, около Львова, куда и самъ король, послѣ коронаціи королевы (5/15 іюня), отправился. Ему хотѣлось, чтобы гетманъ Потоцкій тотчасъ двинулся къ Каменцу; но гетманъ, получая письма отъ многихъ сенаторовъ съ увѣщаніемъ не трогаться, откладывалъ походъ подъ разными предлогами. Король зналъ, изъ доходившихъ къ нему со всѣхъ сторонъ свѣдѣній, что паны готовятъ сильную оппозицію въ средѣ шляхты; но какъ дѣло уже зашло далеко, то онъ рѣшился пустить его на утвержденіе сейма, который и созвалъ, по возвращеніи своемъ въ Варшаву, на 15/25 октября.

Сеймики, разумѣется, отнеслись враждебно къ королевскому проекту. Въ познанскомъ воеводствѣ, Опалинскій, извѣстный впоследствии измѣнникъ, въ сердцахъ на короля, за то что не получилъ маршалковства двора королевы, настроилъ шляхту такъ, что она даже вооружилась, въ числѣ 3,000, для изгнанія королевскихъ новобранцевъ, а въ инструкціяхъ великопольскимъ посламъ велѣно было домогаться, чтобы король отправилъ въ Турцію посольство съ заявленіемъ дружбы. Ненавистные люди распускали пасквили на короля и канцлера, разглашали, что король стягиваетъ войска на сеймъ для того, чтобы принудить пословъ и сенатъ къ войнѣ или обратитъ шляхту въ хлоповъ, а хлоповъ въ шляхту. Манифестъ отъ имени нѣкоторыхъ сенаторовъ противъ самовольнаго набора войскъ, заявленный въ

гродскихъ актахъ Кракова, поддалъ жару шляхтѣ, покорной магнатамъ.

При такихъ условіяхъ открылся сеймъ. Канцлеръ Оссолинскій въ своей рѣчи ¹⁾, оправдывая короля, сказалъ междупрочимъ: „Прозорливость королевская предвѣщаетъ васъ прежде всего о грозящихъ извнѣ опасностяхъ, представляя глазамъ вашимъ непомѣрное вѣроломство сосѣднихъ мусульманскихъ народовъ. Ни прежніе договоры, ни жалованье, почитаемое ими за гарачъ, ни ярмо, наложенное кровью нашей на казаковъ, не удерживаютъ ихъ отъ вторженій въ наши предѣлы. Пограничныя польскія области опустошены, а буджакскія поля и тюрьмы всей почти Турціи заполнены нашимъ народомъ... Сердце заливадается при мысли о томъ, чего отъ этихъ варваровъ можетъ ожидать Польша, въ случаѣ, еслибы небольшая горсть войска, стоящая на границахъ, претерпѣла пораженіе... Когда монархъ обдумалъ средства противъ опасности, превратныя умы разрушаютъ его священныя начертанія. Загремѣли голоса, что его величество, безъ вѣдома Рѣчи-посполитой, безъ всякой обиды, поднимаетъ войну, вводитъ сильныя войска внутрь края и задумываетъ что-то вредное для народа. Прибыли посланцы отъ свирѣпаго врага съ дерзкими требованіями, которыя король, по совѣту сената, отдаетъ на разсмотрѣніе сейма. Необходимо обсудить, должны-ли мы платить за тотъ союзъ, котораго они съ нахальствомъ отъ насъ домогаются, будемъ-ли еще марать наше имя подлостію гарача и сносить алчность варваровъ? Король приобрѣлъ дружбу Москвы, куда отправляется посломъ каштелянъ браславскій, Кисель, съ условіями новаго союза. Чтò замышлялъ въ этомъ дѣлѣ

¹⁾ Приводимой Квятковскимъ, стр. 336, въ настоящемъ ея текстѣ.

великій воинъ, славной памяти король Стефанъ, всѣмъ извѣстно. Не иная была мысль и великаго гетмана Ко-нецпольскаго. Къ той-же цѣли стремится и милостивѣй-шій нашъ монархъ, имѣя въ виду одно лишь благо отечества“ ...

На эти прекрасныя слова посыпались дерзкія рѣчи сенаторовъ, между которыми Щавинскій, воевода куяв-скій, отличился наглыми выходками противъ королев-ской особы, а за нимъ и подканцлеръ Лещинскій, не смотря на свое званіе министра. Когда обѣ палаты раз-лучились съ посольской, еще съ бѣльшимъ жаромъ воз-стали противъ турецкой войны и чуть не изрубили сен-домирскаго посла, который осмѣлился сказать нѣсколько словъ въ пользу войны.

Послѣ долгихъ препирательствъ, депутація посоль-ской палаты имѣла три аудіенціи у больнаго короля, домогаясь, чтобы онъ распустилъ наемное войско и обуз-далъ казаковъ, готовившихся къ нападенію на Крымъ. Король упорствовалъ, и хотя могъ сорвать сеймъ, од-нако не захотѣлъ прибѣгнуть къ этому средству и со-гласился на требованія депутаціи.

Такимъ образомъ сеймъ закончился (27 ноября, (7 декабря) 1646 г.) и постановилъ конституцію, въ силу которой король обязался распустить новонабранное вой-ско, не позже двухъ мѣсяцевъ послѣ сейма, съ обща-ніемъ, за себя и своихъ преемниковъ, что подобнаго войска набираемо не будетъ; кромѣ того, не держать при себѣ иностранцевъ, не употреблять ихъ въ совѣтѣ и въ посольствахъ, наконецъ, уменьшить собственную свою гвардію до 1,200 человекъ.

Проектъ турецкой войны провалился. Находившійся въ Москвѣ для переговоровъ о заключеніи союза каш-телянъ кievскій, Адамъ Кисель, объявилъ объ этомъ царскимъ боярамъ, вслѣдствіе чего положено было,

чтобы гетманы сносились съ русскими воеводами и не пропускали татаръ черезъ свои земли; въ случаѣ большой вражды со стороны татаръ, обѣ стороны уговорятся между собою, какъ дѣйствовать ¹⁾. Однако король не оставлялъ своей любимой мысли и послалъ даже своего повѣреннаго, графа Маньо, въ Италію хлопотать о помощи у папы и тамошнихъ владѣтелей; но Тьеполи не захотѣлъ больше трактовать съ королемъ безъ власти и уѣхалъ въ началѣ слѣдующаго года, по настоянію сеймовыхъ пословъ и сенаторовъ.

Упадокъ проекта повліялъ, конечно, и на дѣло, порученное Хмельницкому, который пріѣзжалъ въ Варшаву вмѣстѣ съ другими товарищами, до открытія злополучнаго сейма, по королевскому приглашенію ²⁾. Получилъ-ли онъ, вслѣдствіе сеймовой конституціи, какія-либо новыя инструкціи, и когда именно возвратился въ Украину, неизвѣстно; но, судя по настроенію короля, который и послѣ сейма не отказывался отъ осуществле-

¹⁾ Соловьевъ, X, 128—129.

²⁾ Приглашены были, по свидѣтельству Шайнохи, приводимому у Костомарова (Хмельн., I, 31), казацкіе старшины: Ильяшъ, Барабашъ, Хмельницкій и Нестеренко. Хмельницкій не былъ тогда старшиною, а сотникомъ. Нельзя допустить, чтобы король могъ совѣщаться тайно ночью, возбуждать ихъ къ войнѣ съ Турціею, давать имъ грамоту на возстановленіе казачества и гетманскія регалии (Костомаровъ, 32). Да это не скрылось бы отъ зоркихъ глазъ варшавской публики и всплыло бы наверхъ чего однако не видно; по крайней мѣрѣ на сеймѣ никто изъ противниковъ короля ничего о томъ не заявлялъ. Поэтому мы держимся Грондскаго, какъ современника, приводимаго Квятковскимъ, по которому все дѣло велось секретно между Хмельницкимъ и Оссолинскимъ, какъ выше сказано. Если г. Шайноха (Szkice historyczne, IV, 194) недолюбливаетъ Грондскаго и не вѣритъ ему, то нѣтъ основанія вѣрить наслово цитируемому имъ Освѣциму, секретарю королевскому.

нія своего завѣтнаго плана, можно полагать, что Хмельницкій увезъ съ собою тѣ же надежды и общанія, съ какими прїѣзжалъ въ Варшаву.

Не одинъ только проектъ турецкой войны былъ предметомъ сеймовой сессіи; много было вносимо другихъ дѣлъ, которыя большею частію, при отсутствіи всякаго порядка въ совѣщаніяхъ, остались не рѣшенными. Съ этой цѣлью, и при томъ для побужденія короля къ скорѣйшему распущенію новонабраннаго войска, сеймующіе положили созвать чрезвычайный, трехнедѣльный сеймъ на 22-е апрѣля (2 мая) слѣдующаго года. Вслѣдъ за окончаніемъ сейма, возвратился изъ Рима королевичъ Янъ Казимиръ, будущій преемникъ Владислава.

Чрезвычайный сеймъ, собравшійся, какъ сказано, въ началѣ мая (1647), послѣдній въ царствованіе Владислава, прибавилъ только новую страницу къ лѣтописямъ польской анархіи. Разнузданность шляхты и безобразія ея на сеймовыхъ засѣданіяхъ вызвали даже голодъ негодованія. Яблоновскій, мечникъ коронный, осмѣлился выразить мысль, что слѣдовало бы построже поступать въ выборѣ пословъ, а дѣла рѣшать большинствомъ голосовъ. Это взорвало палату; оратора заглушили криками и осыпали бранью, такъ что онъ черезъ нѣсколько дней отъ огорченія умеръ. На первомъ же засѣданіи, послѣ обычнаго сообщенія канцлеромъ королевскихъ предложеній, Гнѣвошъ, бискупъ куявскій, разразился такою наглою рѣчью противъ королевской особы, что король всталъ съ трона и съ гнѣвомъ оставилъ залу засѣданій. Пятнадцать дней спорили и вздорили по жалобѣ Войны, бискупа виленскаго, на польнаго гетмана Януша Радзивилла, который велѣлъ поломать католическіе кресты въ двухъ своихъ деревняхъ. „Нѣтъ мѣста для Исуса Христа въ имѣніяхъ князя Радзи-

вила“, вопилъ каноникъ Мочарскій, представляя обломки крестовъ. При содѣйствіи короля и засвидѣтельствоваіи мѣстнымъ пробощемъ, что кресты повалились отъ вѣтра, дѣло было направлено судебнымъ порядкомъ. Вслѣдъ затѣмъ поднялась жестокая кутерьма по поводу тяжбы между короннымъ хоронжимъ Конецпольскимъ и княземъ Іереміею Вишневецкимъ, захватившимъ у него насильно гадячское старѣство въ Украинѣ, и благодаря только вмѣшательству короля и сенаторовъ, не дошло между соперниками до рукопашной расправы. Раздраженные смѣлой выходкой Яблоновскаго, (какъ выше сказано), послы откланялись-было королю съ тѣмъ, чтобы разѣхаться; но умиловленные мольбами примаса и сенаторовъ, согласились продлить сеймъ еще на четыре дня, въ теченіе которыхъ успѣшили написать нѣсколько конституцій. Въ послѣдній день (17/27 мая) канцлеръ Оссолинскій попытался напомнить объ уплатѣ королевѣ долга, суммой 800 тысячъ злотыхъ, занятыхъ у нея на военныя потребности; но тотъ-же Опалинскій и Остророгъ, подчасій коронный, обойденный при замѣщеніи вакансіи польскаго гетмана, запротестовали. Поддержалъ ихъ Керсновскій, подстароста слонимскій, раздраженный отказомъ короля въ просьбѣ дать ему писарство новогрудское: „Войско набирали въ противность пактамъ“, сказалъ онъ, „король объ этомъ зналъ, однако-жъ сдѣлалъ это; Боже сохрани, чтобы мы за это платили“, и обратясь къ шляхтѣ, съ насмѣшкою шепнулъ: „Вотъ тебѣ, король, за писарство новогрудское“! 1).

Во время этого сейма находились въ Варшавѣ Богданъ Хмельницкій и ханскій посоль; первый съ жало-

1) Объ этомъ сеймѣ см. Квятковскаго, 351—358, и Шуйскаго, III, 302—303.

бой на Чаплинскаго, а послѣдній съ требованіемъ гарача. Два мѣсяца спустя послѣ сейма, Владиславъ, огорченный смертью единственнаго семилѣтняго сына своего, выразилъ свою скорбь въ словахъ, обличающихъ его характеръ: „Господи Боже! если Ты уже постановилъ взять у меня преждевременно единственнаго моего сына, зачѣмъ не сдѣлалъ этого прежде сейма? Я никогда бы не отказался отъ моего намѣренія воевать турокъ“. Чтобы разсѣять свое горе, онъ отправился осенью на охоту въ запуцанскія дебри Литвы; потомъ посѣтилъ Торунь, гдѣ между прочимъ получилъ извѣстіе, что Конецпольскій и Вишневецкій, съ надворными своими войсками, ходили въ перекопскія степи противъ татаръ, безъ согласія гетмана Потоцкаго, который такъ дорожилъ миромъ съ Турціею. Въ мартѣ слѣдующаго года (1648) онъ поѣхалъ въ Вильно, съ цѣлью покончить распри между подканцлеромъ Сапѣгою и гетманомъ Раздивилломъ, колебавшія всю Литву; но тревожныя извѣстія, доходившія изъ Украины о волненіяхъ казаковъ, ускорили его отъѣздъ оттуда (1⁹/₂₉ апрѣля) въ Варшаву.

ГЛАВА XI.

Хмельницкій, ссора его съ Чаплинскимъ.—Отвѣтъ Владислава.— Хмельницкій на Запорожьѣ и въ Бахчисараѣ, союзъ съ Крымомъ. — Стефанъ Потоцкій разбитъ на Желтыхъ-водахъ.—Корсунскій погромъ — плѣвъ обоихъ гетмановъ.— Хмельницкій въ Бѣлой-церкви.—Владиславъ умираетъ въ Меречѣ.

Хмельницкій, по возвращеніи своемъ въ 1646 году изъ Варшавы, конечно, не могъ дѣйствовать рѣшительно, въ виду грозной сеймовой конституціи, да и не имѣлъ нужды задирать татаръ, потому что сами паны польскіе, Конецпольскій и Вишневецкій, какъ мы выше видѣли, сдѣлали нападеніе на перекопскіе улусы¹⁾. Но ссора съ Чаплинскимъ, подстардостою чигиринскимъ, привела вскорѣ къ послѣдствіямъ, которыхъ не ожидалъ ни король, ни самъ Хмельницкій.

У него былъ хуторъ Суботовъ, верстахъ въ десяти

¹⁾ Въ 1647 году, по рассказъ Кунакова (Соловьевъ, XI, 193), весною, а по Грондскому (Квятковскій, 360) осенью; при чемъ, по первому указанію, Хмельницкій участвовалъ въ походѣ, а по послѣднему не участвовалъ и тѣмъ подалъ поводъ къ доносамъ на него Чаплинскому (Квятковскій, 369).

отъ Чигирина ¹⁾). Чаплинскій по личной къ нему враждѣ и по обычаю, водившемуся между шляхтою, наѣхалъ неожиданно на хуторъ и завладѣлъ имъ. Хмельницкій пожаловался старостѣ, хоронжему Конецпольскому; староста, настроенный уже прежде противъ него Чаплинскимъ, обратилъ его съ жалобою въ судъ, а судъ взялъ сторону шляхтича. Не оставалось болѣе Хмельницкому, какъ искать правосудія въ Варшавѣ.

Хмельницкій прибылъ въ Варшаву въ маѣ 1647 г., когда происходилъ чрезвычайный сеймъ. За нимъ послѣдовалъ и подстароста Чаплинскій. Тяжба, по разсмотрѣнii въ сенатѣ, была рѣшена въ пользу его противника, а ему предоставлено обратиться къ старостѣ Конец-

¹⁾ Былъ ли это хуторъ наследственный или нѣтъ, пожалованъ ли онъ Хмельницкому королемъ, или короннымъ гетманомъ Конецпольскимъ; на старостинской ли землѣ или на землѣ Конецпольскаго, съ привилегією или безъ привилегіи, захваченъ ли въ отсутствіи Хмельницкаго, или Чаплинскій его выгналъ, причѣмъ взялъ ли его жену, или не жену; тогдали или послѣ выскѣ его сына, одного ли, малолѣтнаго (*imprubens*; какъ говорить Коховскій), или и другаго, Тимошу; умеръ ли сынъ отъ побоевъ или нѣтъ; выманилъ ли Хмельницкій привилегіи у Барабата и какія именно, въ 1646 ли году или въ 1647, во время сейма, жаловался ли онъ королю и въ какихъ именно словахъ выразился король; когда онъ былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму и когда выпущенъ,—все это вопросы, на которые можно отвѣчать и да, и нѣтъ, смотря по тому, на кого сошлемся. Современные писатели: Грондскій, Пасторіусъ, Коховскій, Твардовскій и другіе безыменные несогласны между собою, а Величко приводитъ, напримѣръ, дословно (I, 80—89) универсалъ 1648 года (безъ числа), по которому будто бы Владиславъ, на коронаціи (бывшей въ 1633 году, а не въ 1636, какъ сказано въ универсалѣ и не исправлено г. г. издателями), сказалъ Хмельницкому и казацкимъ депутатамъ заветныя слова: что они, имѣя «прибою шаблю», могутъ сами расправиться. Въ этомъ лабиринтѣ едвали можно найти ариаднину нить.

польскому и просить о выдачѣ ему привилегіи на владѣніе Суботовомъ. Тогда Хмельницкій рѣшился прибѣгнуть къ королю.

Король, возмущенный безобразными дѣйствіями сейма, выслушавъ его жалобу на неправый судъ и на притѣсненія, претерпѣваемыя казаками и русскимъ народомъ, отвѣчалъ: „Вижу изъ твоихъ словъ, что дѣло твое правое, но незаконное, и путемъ закона ты не получишь удовлетворенія. Но вижу и то, что твой противникъ поступилъ тоже незаконно, и насильно овладѣлъ твоимъ достояніемъ; поэтому насиліе слѣдуетъ отразить насиліемъ. Если Чаплинскій могъ найти себѣ пріятелей и товарищей, то и ты можешь ихъ найти. Знаю я и объ утѣсненіяхъ казаковъ, но помочь вамъ не въ силахъ. Пора бы, кажется, всѣмъ вамъ вспомнить, что вы воины, у васъ есть сабли; кто вамъ запрещаетъ постоять за себя? Я же, съ своей стороны, всегда буду вашимъ благодѣтелемъ“. Затѣмъ король разъяснилъ ему подробнѣе то дѣло, которое въ прошломъ году поручилъ ему Осолинскій, насчетъ возбужденія турокъ къ войнѣ.

На пути въ Варшаву и обратно, проѣзжая по Украинѣ, Хмельницкій присматривался къ крѣпостямъ и укрѣпленнымъ мѣстамъ; разказами о своихъ обидахъ возбуждалъ къ себѣ состраданіе и взаимно выслушивалъ жалобы соотчичей на нестерпимыя обиды, наносимыя православному люду, и возбуждалъ народъ къ мести. Въ особенности открывалъ онъ свои замыслы русскимъ священникамъ, завѣряя, что рѣшился мстить панамъ ляхамъ не за себя только, но за всѣ обиды православной вѣры, всего народа русскаго и казачества. Онъ заклиналъ собираться всѣмъ, на случай похода, или, по меньшей мѣрѣ, высылать къ нему изъ каждаго села по два или по три молодца, на что легко получили согласіе.

По приїздѣ въ Украину, Хмельницкій разсказалъ товарищамъ своимъ все, что съ нимъ случилось въ Варшавѣ; какъ принялъ его король, что посовѣтовалъ, какъ вездѣ, по дорогѣ, народъ ропщетъ, пылаетъ местию и обѣщаетъ вооруженную помощь. Товарищи въ одинъ голосъ отвѣчали, что нельзя долѣе терпѣть, что надо взяться за оружіе и сбросить съ себя ярмо. Рѣшили сообщить объ этомъ немногимъ старшинамъ и совѣщаться въ отдаленныхъ и скрытыхъ мѣстахъ, а между тѣмъ войти въ сношенія съ татарами, которые давно бы напали на ляховъ, за то, что имъ не платятъ гарача, а теперь пуще раздражены за недавній походъ Конецпольскаго.

Все это не могло укрыться отъ враговъ Хмельницкаго, особенно Чаплинскаго, который доносилъ, между прочимъ, старостѣ Конецпольскому, что будто бы во время возвращенія его изъ похода на татаръ, Хмельницкій, вмѣстѣ съ другими запорожцами, готовилъ ему засаду, чтобы его схватить. Нашелся предатель и между соумышленниками Хмельницкаго, асаулъ Романъ Пешта, донесшій тоже Конецпольскому о томъ, что затѣвается между казаками. Къ счастью, Хмельницкій отданъ былъ подъ надзоръ Кречовскому, полковнику переяславскому, который впослѣдствіи перешелъ на сторону возстанія. Черезъ нѣсколько дней Хмельницкій былъ освобожденъ. Тогда отъ короннаго гетмана пришло приказаніе арестовать непременно Хмельницкаго, но было уже поздно: Хмельницкій, съ сыномъ Тимошемъ и съ 300 казаковъ, ушелъ въ Сѣчь, въ то время на Микитиномъ рогу, куда и прибылъ ¹¹/₂₁ декабря 1647 года ¹⁾.

¹⁾ Величко, I, 29. Отсюда горизонтъ нѣсколько разъясняется и можно схватить, какъ мы сказали, аріаднину нить для выхода изъ лабиринта легендарной дѣятельности Хмельницкаго.

Тамъ приняли его запорожцы радушно и заявили готовность начать дѣло. Оттуда онъ разослалъ письма (отъ 27, 29 и 30 декабря) къ коронному гетману Потоцкому, комисару Шембергу, хоронжему Конецпольскому и черкасскому полковнику Барабашу, съ заявленіемъ въ нихъ своего миролюбія, оправдывая свой отъѣздъ изъ Чигирина въ Сѣчь покушеніями Чаплинскаго на его жизнь. Письма его (за исключеніемъ ругательнаго, къ Барабашу) заканчивались просьбою, чтобы Чаплинскій не разорялъ въ конецъ его убогаго дома въ Суботовѣ, и увѣдомленіемъ, что на дняхъ отправится изъ Сѣчи въ Варшаву казачья депутація, для испрошенія новой королевской привилегіи на права и вольности казаковъ и русскаго народа. На этихъ письмахъ онъ подписался еще товарищемъ войска запорожскаго ¹⁾.

По отсылкѣ этихъ писемъ, Хмельницкій провелъ еще два мѣсяца въ Сѣчи, для совѣщанія съ кошевымъ и куренными атаманами о предстоящей войнѣ съ поляками, и въ мартѣ 1648 года выѣхалъ въ Бахчисарай съ сыномъ и знатнѣйшими казаками ²⁾. Онъ прямо объявилъ хану Исламъ-Гирею, что казаки рѣшились свергнуть польское иго и просятъ помощи. Исламъ-Гирей не соглашался начать войну, не зная еще, что скажетъ Порты, и предоставилъ пригласить на помощь перекопскаго мурзу Тугай-Бея. Мурзы татарскіе въ это время, подобно польскимъ магнатамъ, пускались въ поиски на собственную руку, безъ воли хана. Тугай-Бей, кочевавшій тогда съ четырьмя тысячами татаръ въ степи, для вторженія, какъ видно, весною въ польскіе предѣлы, согласился на предложеніе и вмѣстѣ съ Хмельницкимъ переправился черезъ Днѣпръ въ Кизикерменѣ. Двинув-

¹⁾ Величко, I, 32—43.

²⁾ Онъ же. I, 44—49.

пись впередь, татары остановились на Бузулукѣ, а Хмельницкій поѣхалъ въ Сѣчь, куда и прибылъ ^{18/28} апрѣля, въ сопровожденіи четырехъ знатныхъ татаръ. Тамъ запорожцы, собранные кошевымъ, въ числѣ 10 тысячъ ¹), провозгласили Хмельницкаго гетманомъ. Тутъ же положили идти на войну только въ числѣ 8 тысячъ, въ той увѣренности, что къ нимъ присоединятся на дорогѣ реестровые казаки и вооруженный людъ.

Междутѣмъ, коронный гетманъ Потоцкій не повѣрилъ миролюбивымъ заявленіямъ Хмельницкаго въ письмѣ изъ Сѣчи и, уступая настоятельнымъ просьбамъ украинскихъ пановъ поспѣшить къ нимъ на помощь для погашенія пламени, которое, по словамъ ихъ, до того уже разгорѣлось, что не было ни одной деревни, ни одного города, гдѣ бы не раздавались призывы къ своеволю и не умышляли на жизнь и имѣніе какъ ихъ самихъ, такъ и арендаторовъ, Потоцкій, говорю, выдалъ, въ самомъ началѣ года (1648), грозный универсалъ противъ побѣговъ жителей въ Запорожьѣ, стянувъ кварцянское войско съ зимнихъ квартиръ и двинувъ его въ Украину (въ февралѣ), куда и самъ отправился. Въ письмѣ къ королю, оправдывая свой поспѣшный походъ, гетманъ извѣщалъ о бесполезныхъ сношеніяхъ своихъ съ Хмельницкимъ, требующимъ возстановленія прежнихъ правъ и вольностей казацкихъ и въ заключеніе писалъ: „Для предохраненія отечества отъ этого зловреднаго человѣка есть средство ²), предлагаемое вашею королевскою милостію, а именно: позволить казакамъ набѣги на море, сколько хотять, но въ настоящее смутное время этому нельзя статься, частію потому, что

¹) Всего низоваго запорожскаго войска, коннаго и пѣшаго, считалось въ то время до 30 тысячъ. Величко I, 51.

²) О которомъ думалъ и гетманъ Конецпольскій.

челны еще не готовы, другіе и готовы, но не вооружены.... Главное въ томъ, чтобъ успокоенные казаки, какъ скоро наступитъ необходимость для республики и вашей королевской милости, отправлены были въ надлежащемъ порядкѣ. Но сохрани Боже, если они выйдутъ въ море прежде укрощенія бунта: возвратясь, они произведутъ неугасимое возмущеніе.... а турки, раздраженные казаками, вышлютъ противъ насъ татаръ“ ¹⁾).

Но король былъ недоволенъ распоряженіями гетмана. Находясь тогда въ Литвѣ, онъ написалъ немедленно Оссолинскому въ Варшаву, чтобы послалъ отъ его королевскаго имени приказаніе гетману не гнаться за казаками и даже отступить съ войсками изъ Украины, намѣреваясь самъ отправиться туда и своимъ присутвіемъ успокоить казаковъ. Съ этой цѣлью онъ поспѣшилъ выѣхать изъ Вильны (¹⁹/₂₉ апрѣля, 1648), но на дорогѣ заболѣлъ и остановился въ Меречѣ, а посланное Оссолинскимъ приказаніе опоздало: гетманъ уже ввязался въ несчастную войну съ казаками ²⁾).

Потоцкій съ главными силами находился въ Черкасахъ, а польный гетманъ Калиновскій въ Корсунѣ. Численность войскъ, если вѣрить польскимъ указаніямъ, составляла только 12 тысячъ; но она была больше, ни-

¹⁾ Это письмо Потоцкаго, какъ важный документъ, Соловьевъ (X, 199) приводитъ изъ памят. Кіев. Ком. цѣликомъ. Оно совсѣмъ неизвѣстно польскимъ историкамъ. Костомаровъ (Хм., I, 83) приводитъ только его содержаніе. Мы позволяемъ себѣ нѣсколько распространиться надъ первымъ актомъ украинской драмы, оканчивающимся корсунской битвой, чтобы уяснить дальнѣйшій ходъ событій, составляющихъ предметъ нашей монографіи.

²⁾ По Грондскому, у Квятковскаго, 397.

какъ не менѣе 32 тысячъ ¹⁾, судя потому, что на одну рекогносцировку, какъ мы сейчасъ увидимъ, отражено было около 10 тысячъ. Кромѣ кварцяннаго войска, было 6 тысячъ реестровыхъ казаковъ, да подошло множество панскихъ хоругвей, въ числѣ которыхъ отличались надворные полки Калиновскаго, Потоцкаго, Сѣнявскаго, Замойскаго, Корецкаго и др. Собранъ былъ военный совѣтъ; не знали, на что рѣшиться, и теряли время на пирушкахъ. Наконецъ, рѣшили собрать войско въ одномъ пунктѣ, донести королю, что непріятеля нигдѣ не нашли, и въ виду несомнѣнныхъ извѣстій о намѣреніяхъ мятежниковъ, просить о присылкѣ еще кварцяннаго войска. Но чтобы не оставаться въ бездѣйствіи, старшіе чины присовѣтовали послать сильный отрядъ къ Запорожью, для открытія непріятеля, о силѣ и намѣреніяхъ котораго ничего не знали.

На этомъ основаніи, гетманъ составилъ отрядъ, тысячъ въ семь, изъ лучшаго войска и отдалъ его подѣ начальство молодаго сына своего, Стефана Потоцкаго, назначивъ къ нему совѣтниками Шемберга и другихъ лицъ. Въ составѣ отряда были драгуны, сформированные изъ русскаго населенія, и реестровые казаки, при

¹⁾ Воевода Ад. Кисель писалъ къ кн. Долгорукому, путивльскому воеводѣ, что для отраженія татаръ, собрано было въ Украинѣ, подѣ начальствомъ Потоцкаго, въ февралѣ 1648 г. 36,000, а именно: Кварцянныхъ 6000; полки магнатовъ: Любомирскаго 3000, воев. сендомирскаго 4000, Тишкевича 1000, Вишневецкаго 4000, Калиновскаго 2000, Киселя 1000, Замойскаго 3000, Сѣнявскаго 1500, Корецкаго 1500, Немърича 1000, и иныхъ 2000; да реестровыхъ казаковъ 6000. За вычетомъ Вишневецкаго, дѣйствовавшаго отдѣльно, выходитъ 32,000 (см. письмо Киселя въ Ант. Археогр. Ком. въ т. III).

12 орудіяхъ. Другой отрядъ ¹⁾ изъ реестровыхъ же казаковъ и нѣмецкой пѣхоты, въ числѣ около двухъ-трехъ тысячъ, съ 15 небольшими пушками и военными снарядами, подъ начальствомъ полковниковъ Барабаша и Кречовскаго, долженъ былъ сѣсть на байдаки въ Черкасахъ и спуститься по Днѣпру къ Койдаку, на подкрѣпленіе тамошняго гарнизона. Сухопутный отрядъ Потоцкаго, направленный на Крыловъ и Желтыя-воды, долженъ былъ держаться на одной высотѣ съ рѣчнымъ отрядомъ, въ виду берега,—условіе, которое не было выполнено. Гетманскій сынъ шель медленно, „наслаждаясь“, какъ говоритъ лѣтописецъ, „весеннюю прохладю“, а байдаки быстро неслись по теченію Днѣпра, такъ что Потоцкій, имѣя не болѣе 70 верстъ пути, употребилъ на это восемь сутокъ и пришелъ къ Желтымъ-водамъ ²⁾, когда уже тамъ стоялъ Хмельницкій таборъ. Хмельницкій, зная хорошо о движеніи этихъ двухъ отрядовъ, выступилъ самъ изъ Сѣчи (22 апрѣля/2 мая) на встрѣчу Потоцкому. Тугай-Бей слѣдовалъ за нимъ медленно, какъ бы уклоняясь отъ преждевременнаго соединенія съ казаками. Разставивъ стражу на берегу Днѣпра, для наблюденія за рѣчнымъ отрядомъ, Хмель-

¹⁾ О которомъ Б в я т к о в с к і й не упоминаетъ ни слова, хотя и ссылается на Грондскаго. Странный пропускъ со стороны біографа Владислава! Не менѣе странно, что К о х о в с к і й, современникъ, говоритъ, что будто бы Барабашъ былъ убитъ на крестинахъ у Хмельницкаго (I, 23). Такъ то пишется исторія!

²⁾ Урочище, по словамъ Коховскаго (I, 31) озеро, окруженное дугами, непроходимое по его глубинѣ и глинистому дну, давшему ему названіе «Желтыхъ водъ». Соловьевъ (X, 199) называетъ его протокомъ, а за нимъ и Костомаровъ (Хмельн., I, 106), при устьяхъ Тямина, близъ Крылова.

ницкій пришелъ къ Желтымъ-водамъ ¹⁾ и расположился тутъ таборомъ, въ ожиданіи вѣстей съ днѣпровскаго берега. Когда подошелъ Потоцкій, его не было въ таборѣ: онъ поканчивалъ дѣло съ Барабашемъ. При содѣйствіи Кречовскаго и Ганжи, реестровые казаки, плывшіе на байдакахъ, не захотѣли идти противъ своихъ собратій и передались Хмельницкому, убивъ Барабаша ³⁾ и перебивъ всю нѣмецкую пѣхоту.

Вотъ почему въ казацкомъ таборѣ было тихо, когда подошелъ къ нему Потоцкій. Выѣзжая на герцы (джигитовку), поляки думали выманить казаковъ изъ табора; но изъ табора отвѣчали тоже герцами и не трогались. Наконецъ, утромъ ⁴⁾ 14 мая, когда барабашевцы, въ виду поляковъ, прошли въ казацкій лагерь, Потоцкій увидѣлъ измѣну и созвалъ военный совѣтъ. Положили держаться, пока не подойдетъ помощь отъ короннаго гет-

¹⁾ По Величку (I, 60), Хмельницкій расположился верстахъ въ 30-ти выше Койдака и покончивъ съ Барабашемъ, пошелъ къ Желтымъ водамъ, гдѣ уже стояли поляки, и напалъ на нихъ слѣдующаго дня, ⁵⁾ 15 мая. Величко пишетъ, что Потоцкій выступилъ изъ Черкасъ ¹³⁾ 23 апрѣля; а такъ какъ онъ былъ въ походѣ восемь дней, то пришелъ къ Желтымъ-водамъ 22 апрѣля. Что же онъ тамъ дѣлалъ цѣлые двѣнадцать дней? Значитъ дата эта невѣрна, или невѣрно приводимое имъ извѣстіе, что желтоводская битва началась ⁵⁾ 15 мая. Польскіе хроникеры и писатели назначаютъ ее ⁵⁾ 15 апрѣля, цѣлымъ мѣсяцемъ раньше. Изъ нашихъ, Бантышъ говоритъ, что Барабашъ убитъ на Желтой водѣ ⁵⁾ 15 апрѣля, а потомъ на томъ же мѣстѣ погибъ Потоцкій. Маркевичъ приводитъ 8 апрѣля, Соловьевъ и Костомаровъ слѣдуютъ Величку, мы тоже. Лабиринтъ и только.

²⁾ Величко (по Твардовскому I, 61). Костомаровъ (Хм. I, 103), ссылаясь на Рам. Радзивилла, говоритъ, что тутъ изрублены. Гурскій, Вадовскій, Нестеренко, Гайдученко и др. Но Радзивиллъ (у Квят. 394) пишетъ, что Барабашъ и всѣ эти господа взяты въ плѣнъ и изрублены въ сраженіи на Желтыхъ-водахъ.

мана, для чего и послали къ нему гонца и перенесли таборъ свой назадъ за Желтыя-воды, не зная, что за ними стоитъ уже Тугасъ-Бей съ татарамп. На другой день 5/15 мая, Потоцкій двинулся впередъ, въ намѣреніи стѣснить казацкій таборъ; но одновременное нападеніе Хмельницкаго съ фронта, а татаръ съ тыла, и измѣна драгунъ, передавшихся казакамъ, заставили поляковъ отступить и замкнуться въ своихъ окопахъ.

На слѣдующій день 6 (16) мая, послѣ жаркаго дѣла, прекращеннаго проливнымъ дождемъ, поляки согласились войти въ переговоры, предложенные самимъ Хмельницкимъ, тѣмъ болѣе, что посланный къ гетману гонецъ былъ перехваченъ. Хмельницкій требовалъ, чтобы поляки отдали свои пушки и тогда могутъ идти себѣ спокойно домой. „Недолго думали поляки“, говоритъ современникъ ¹⁾, „и желая пожертвованіемъ двѣнадцати полевыхъ орудій спасти себя и дѣло цѣлаго края (?)“ согласились на это, съ тѣмъ только, чтобы казаки присягнули, что пропустятъ ихъ свободно домой. Казаки присягнули, и пушки были отвезены въ ихъ таборъ.

Послѣ такой неблагоразумной сдѣлки, поляки двинулись 8/15 мая въ обратный путь и, пройдя верстъ двадцать, въ лѣсной трущобѣ Княжи-байраки наткнулись на татаръ. Тугай-Бей бросился на нихъ съ такою яростью, что весь отрядъ былъ истребленъ: одни легли на мѣстѣ, другіе попались въ плѣнъ. Потоцкій, раненый смертельно, умеръ черезъ два дня, въ присутствіи Чарнецкаго, взятаго въ плѣнъ. Шембергъ, двое Сапѣгъ, Улинскій, Хребтовичъ и множество знатныхъ пановъ ²⁾, да около трехъ тысячъ рядовыхъ, взятые въ плѣнъ, отосланы въ Чигиринъ для передачи въ распоряженіе Ту-

¹⁾ Грондскій, 59,

²⁾ Числомъ до 50 (Величко, I, 64).

гай-Бея. Тутъ же попался въ плѣнъ Выговскій, въ послѣдствіи гетманъ. Татары подѣлились съ казаками военной добычей и богатымъ обозомъ польскихъ пановъ. Хмельницкій простоялъ еще два дня на мѣстѣ, для устройства своего войска, увеличившагося до 15 тысячъ, и на третій день (11/21 мая) двинулся противъ гетмана Потоцкаго.

Потоцкій стоялъ подъ Черкасами и проводилъ время въ пирахъ. Посылаемые имъ разъѣзды доносили, что нѣтъ нигдѣ непріятели, но что усадьбы вездѣ оставлены жителями. Наконецъ, получивъ изъ Койдака, отъ тамошняго коменданта Гродзицкаго, положительное и печальное извѣстіе о желтоводскомъ погромѣ, онъ немедленно (11/21 мая) отступилъ изъ Черкасъ къ Корсуню и окопался наскоро между этимъ городомъ и Стебловомъ. Поджидали помощи князя Іереміи Вишневецкаго, пзъ-за Днѣпра, но онъ находился еще подъ Переяславлемъ. Татары уже стояли въ Смѣловѣ. Жители, вооруженные чѣмъ попало, пробирались въ казацкій таборъ. Въ польскомъ лагерѣ коронный гетманъ ссорился съ польнымъ, Калиновскимъ, не зная чѣмъ дѣлать, оставаться ли на мѣстѣ, или уходить. Слухи, носившіеся о смерти короля, увеличивали общее уныніе. При такой обстановкѣ явился (15/25 мая) Хмельницкій. Татары первые бросились на польскій лагерь; но поляки не приняли боя и дѣло кончилось обычными герцами, причемъ однако, нѣсколько татаръ и казаковъ попались въ плѣнъ. Эти плѣнные подъ пытку показали ¹⁾, что у Хмельницкаго татаръ съ Тугай-Беемъ тысячъ сорокъ, да за ними въ степяхъ стоитъ самъ ханъ Исламъ-Гирей

¹⁾ По другимъ даннымъ (Костомаровъ, Хм. I, 123), показалъ это казакъ Микита Галаганъ, нарочно подосланный Хмельницкимъ.

съ ордою; а казаковъ болѣе 15 тысячъ. Показаніе это не смутило Калиновскаго: онъ совѣтовалъ выйти въ поле и ударить всѣми силами на непріятеля, но Потоцкій, нѣсколько смущенный и побуждаемый настояніями пановъ, объятыхъ страхомъ, велѣлъ собираться въ походъ.

На другой день, ¹⁶/₂₆ мая, до разсвѣта, таборъ польскій двинулся въ путь, по дорогѣ къ Богуславу. Здѣсь Хмельницкій привелъ въ дѣло такую же военную хитрость, какъ и при Желтыхъ-водахъ, велѣвъ наканунѣ полковнику Кривоносу съ 6-ю тысячами занять въ тылу непріятеля лѣсистую трущобу, на пути его отступленія, называемую Крутой-балкой, подъ д. Гроховцами. Пройдя верстъ пятнадцать таборомъ ¹⁾, со спѣшенною конницею, въ непрерывной перестрѣлкѣ съ напиравшими на нихъ казаками и татарами, и войдя въ помянутую трущобу, поляки вдругъ очутились подъ огнемъ казаковъ Кривоноса. Поражаемые страшно со всѣхъ сторонъ, они защищались мужественно, не взирая на измѣну драгунъ, предавшихъ казакамъ. Наконецъ, когда гетманы убѣдились въ невозможности идти дальше черезъ неприступные завалы и всѣми овладѣло отчаяніе, князь Корецкій, одинъ изъ богатыхъ волынскихъ пановъ, крикнулъ товарищамъ: „не время уже думать о защитѣ обоза и спѣшившись искать спасенія у повозокъ; сядемъ лучше на коней и пробьемъ себѣ дорогу саблею. Я буду вамъ начальникомъ“. Гетманы удерживали его; но онъ сказалъ: „поздно теперь давать приказанія“ и скомандовалъ „садись!“ Все, что только могло сѣсть на коня, числомъ до двухъ тысячъ, бросилось за Корецкимъ на проломъ; изъ нихъ не мало погибло, но тысячи полторы пробилось съ своимъ богатыремъ съвозъ

¹⁾ Грондскій, 63. 64.

ряды непріятеля ¹⁾. Послѣ этого сдѣлалась общая суматоха; около полудня, казаки и татары начали беспощадную рѣзню. Гетманы, старшина и другіе паны, видя невозможность борьбы, засѣли въ свои экипажи, въ ожиданіи печальной своей судьбы, и тутъ всѣ достались въ неволю татарамъ ²⁾, Оба гетмана (Калиновскій раненый), Одрживольскій каштелянъ черниговскій, Сѣнявскій, Казановскій, Балабанъ, Денгофъ, Бѣгановскій, Коморовскій, Хмелецкій и многіе другіе, числомъ около 80 изъ знатныхъ, Коридонъ, Фликъ, Лакросъ изъ иностранцевъ,—все это пошло въ неволю, много легло на мѣстѣ. Гетмановъ и знатныхъ пановъ Хмельницкій, какъ и на Желтыхъ-водахъ, отдалъ Тугай-Бею, оставивъ себѣ человекъ 60, да изъ рядоваго товарищества около 500 на выкупъ; всѣ же прочіе рядовые плѣнники, въ числѣ 6 тысячъ, уступлены татарамъ ³⁾. Трофеями были вся артиллерія, три драгоцѣнныя булавы, четыре бунчука и 94 знамени, весь великолѣпный обозъ обоихъ гетмановъ и знатнѣйшихъ пановъ. Самъ Хмельницкій отослалъ домой, въ

¹⁾ Грондскій, 63.

²⁾ По діаріушу Машкѣвича, приводимому Костомаровымъ (Хмельн., I, 126), съ самаго выступленія изъ-подъ Корсуни, Потоцкій былъ пьянъ и ѣхалъ въ каретѣ; но видно протрезвился, когда попали въ трупобу, и распорядился, вмѣстѣ съ Калиновскимъ, ходомъ битвы. Потоцкій, извѣстно, любилъ вино и прекрасный полъ.

³⁾ Величко, (I, 74), однихъ рядовыхъ вмѣстѣ съ желтоводскими, насчитываетъ 9,190 человекъ; а за вычетомъ болѣе 3000 желтоводскихъ (стр. 64) оказывается корсунскихъ плѣнныхъ около 6 тысячъ. Считаю, по меньшей мѣрѣ, третью часть убитыхъ, общая цифра составитъ 16,000 съ небольшимъ, или всю польскую армію на Украинѣ. Но мы уже выше сказали наше мнѣніе насчетъ этой цифры. Всѣхъ пушекъ (по Величку, стр. 71), въ обоихъ дѣлахъ взято 41, а за вычетомъ 8-ми желтоводскихъ, корсунскихъ будетъ 33, цифра, по всѣмъ соображеніямъ, преувеличенная.

Чигиринь, около тринадцати шестиколесныхъ воевъ, нагруженныхъ панскимъ добромъ, и любовался казацкимъ войскомъ, нарядившимся въ блестящія польскія контуши ¹⁾. Описывая бѣдствія своего отечества, добросовѣстный историкъ Рудавскій не можетъ сдержать своего негодованія къ шляхтѣ, къ которой онъ самъ принадлежалъ, убѣжденный, что всѣ несчастія произошли отъ пороковъ и нахальства шляхты; онъ радуется при видѣ этихъ гордыхъ властелиновъ въ плѣну, въ рабствѣ у татаръ, такъ какъ, по его мнѣнью, это было лучшее средство укротить ихъ звѣрство въ отношеніи своихъ подданныхъ (т. е. хлоповъ) ²⁾.

Простоявъ 10 дней на мѣстѣ, для распредѣленія плѣнныхъ и устройства своего войска, Хмельницкій двинулся къ Бѣлой-церкви (27 мая/6 іюня), гдѣ и расположился таборомъ. Тугай-Бей сталъ подъ Ракитномъ. ³⁾

Уничтоживъ въ нѣсколько дней польскую армію, Хмельницкій не обольстился столь блистательнымъ успѣхомъ, зная хорошо, что паны-шляхта поставятъ другую и третью армію, лишь бы одолѣть казаковъ; къ тому же, у него въ тылу, за Днѣпромъ, стоялъ во всеоруженіи князь Іеремія Вишневецкій, и если вся Украина кипѣла уже мятежемъ, то во многихъ городахъ и мѣстечкахъ, по дорогѣ въ Подоль и Волынь, держались еще небольшіе польскіе гарнизоны. И потому, не полагаясь на жребій оружія, онъ прибѣгнулъ къ дипломатической хитрости. Притворясь незнающимъ ничего о

¹⁾ Величко, I, 72, уподобляетъ его «нивамъ красноцвѣтущимъ, голлендерскимъ макомъ засѣяннымъ».

²⁾ Делевель, II. Consid. 268. Рудавскій, секретарь Яна Казимира. О битвахъ желтоводской и корсунской, см. Думы, въ приложеніи IX.

³⁾ Ракитно, въ 35 верстахъ отъ Бѣлой церкви, къ востоку, на лѣвомъ берегу р. Росп.

смерти короля, послѣдовавшей семнадцать дней передъ тѣмъ, онъ отправилъ въ Варшаву депутацію изъ трехъ старшинъ: Вешняка, Мозыря и Болдаря съ извинительнымъ письмомъ къ королю, отъ 2/14 іюня ¹⁾.

Высказавъ въ началѣ письма всѣ неимовѣрныя пригѣшенія, испытываемыя казаками отъ старости, чиновниковъ, пановъ и даже жидовъ—арендарей и совершаемыхъ „въ противность вашей королевской милости, потому что постоянно слышимъ“: „мы вамъ дадимъ короля! а что такіе-сякіе сыны! помогаетъ вамъ король“? Хмельницкій писалъ, что „казаки, выйдя изъ терпѣнія, бросили дома и уходили куда могли; но когда коронный гетманъ сталъ преслѣдовать бѣжавшихъ въ самомъ Запорожѣ, грозя истребить имя и родъ казакскій, то преслѣдуемые принуждены были просить помощи и покровительства у крымскаго хана. Войско запорожское, оставаясь вѣрнымъ его величеству, просить только подтвердить права и имущества, жалованныя ему прежними королями“.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ депутаты получили инструкцію, въ 14 пунктахъ, просить между прочимъ объ увеличеніи числа реестровыхъ казаковъ свыше шести тысячъ, объ уплатѣ жалованья за истекшія пять лѣтъ, а равно о возвращеніи православнымъ всѣхъ церквей, обращенныхъ въ унию, въ Коронѣ и въ Литвѣ ²⁾.

Слѣдуя однако извѣстному правилу: *si vis pacem,*

¹⁾ Письмо это у Коховскаго отмѣчено 2 іюля (*die 2-da Julii*); должно быть опечатка, которую объяснилъ Шуйскій, проставляя 12 іюня н. с. У Костомарова оно приводится изъ актовъ Киевской комисіи, безъ числа и съ нѣкоторыми вставками, пропущенными, вѣроятно, польскимъ хроникеромъ и которыя мы отмѣчаемъ двойнымъ чужесловомъ.

²⁾ Инструкція эта, извлеченная изъ рукописей И. П. бібліотеки, приводится Костомаровымъ въ его «Хм., I, 140».

raga bellum (если желаешь мира, готовься къ войнѣ), Хмельницкій разослалъ одновременно универсалъ по всей Украинѣ съ призывомъ жителей къ войнѣ, поднятой не противъ короля, а противъ пановъ-шляхты, съ приглашеніемъ всѣхъ способныхъ владѣть оружіемъ собираться на добрыхъ коняхъ подъ Бѣлую-церковь.

Универсалъ этотъ вышелъ отъ имени Зиновія Богдана Хмельницкаго, „гетмана славнаго войска запорожскаго и всей, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, сущей Украинны Малороссійской“¹⁾; но въ письмѣ къ королю Хмельницкій подписался еще „старшимъ войска Запорожскаго“.

Депутаты Хмельницкаго, прибывъ въ Варшаву, не застали короля въ живыхъ: онъ умеръ 10 (20) мая, черезъ день послѣ желтоводскаго погрома, въ Меречѣ, гдѣ онъ остановился больной, на дорогѣ изъ Литвы въ Варшаву.

Смерть Владислава была несчастіемъ для Польши,

¹⁾ Имя «Малороссіи», Малороссійской Украины, усвоено Хмельницкимъ, какъ уже прежде мы объяснили, въ исторической послѣдовательности. Думаемъ, что универсалъ писанъ какимъ нибудь духовнымъ лицомъ, или воспитанникомъ кіевской академіи, гдѣ много было грековъ между монахами; а какъ «Россія» есть греческое названіе «Руси», то сочинитель универсала называлъ Украинну, вмѣсто «Малорусской», «Малороссійскою». Откуда названіе «Малороссіи» вмѣсто «Малой-Руси». Едвали не послѣ этого, когда Хмельницкій присягнулъ Царю, появилась впервые, въ царскомъ титулѣ, «Россія» вмѣсто «Руси» или «Русіи». Къ сожалѣнію, подлинникъ универсала неизвѣстенъ; приводимый же въ лѣтописи Величка (I, 80—89) текстъ наполненъ грубыми ошибками и притомъ безъ числа. Откуда Маркевичъ взялъ свой универсалъ (I, 186), написанный по малороссійски, и выставилъ въ немъ число 28 мая? Въ немъ тѣ же промахи, какъ и въ Величчинскомъ, съ прибавкой нелѣпости, будто корсунская битва была подъ Каменцемъ-подольскимъ (!).

не потому чтобы онъ могъ потушить пламень войны, заженной казаками, а потому что къ этому пламени поддало еще горючихъ матеріаловъ одно изъ важнѣйшихъ періодическихъ бѣдствій Польши-злосчастное безкоролевье, при которомъ воспламенялись всѣ крамольныя страсти вельможныхъ пановъ-шляхты. Ни Владиславъ, съ его ягеллонскою безпечностью, ни самый энергичный король, „хотя бы съ неба свалившійся“, по выраженію Опалинскаго, ничего бы не подѣлалъ. Владиславъ, при самомъ воцареніи своемъ, утвердилъ казацкія права: паны-шляхта заставили его уничтожить ихъ; онъ хотѣлъ примирить диссидентовъ съ католиками: его заставили гнать еретиковъ; онъ желалъ поднять священное знамя войны противъ враговъ христіанства: его заставили обратить оружіе противъ казаковъ. Не даромъ Хмельницкій писалъ Владиславу изъ Бѣлой-церкви, что все дѣлается противъ его королевской воли; знали это хорошо казаки и, въ своемъ понятіи отдѣляя Польшу отъ ляховъ, короля отъ магнатовъ, повторяли: „не дамы ляхамъ въ Польшѣ пановаты“¹⁾.

¹⁾ Шуйскій, III, 309.

Области, подчиненныя польскому скипетру, занимаютъ пространство отъ востока на западъ 900 итальянскихъ миль длины и 700 ширины съ юга на сѣверъ; территорія имѣеть видъ четырехгранника; главныя границы Польши съ сѣвера Балтійское море, съ юга рѣка Днѣпръ, съ запада Висла. Территорія эта заключается въ себѣ Малую и Великую Польшу, Русь, Поморье, Пруссію, Литву и Лифляндію. Весь этотъ край большею частію представляетъ собою равнины, кромѣ той части его, которая въ сосѣдствѣ съ Венгрією.

Край этотъ орошается весьма большими рѣками; изъ нихъ главныя: Висла, Днѣпръ, Днѣстръ, Бугъ, Нѣманъ и Двина. Онъ имѣеть также и большія, изобилующія рыбою озера, особенно въ Пруссіи; въ Балтійскомъ морѣ рыбы мало, и она не хороша; вода для питья рѣдко гдѣ годна, воздухъ сырой и суровый, а холодъ такъ значителенъ, что, вѣрить трудно, быстрыя рѣки покрываются такимъ слоемъ льда, что по нимъ перевозятъ тяжести. Вслѣдствіе этихъ морозовъ и недостатка тепла, земля хотя и плодоносна, но не можетъ производить винограда, оливокъ, винныхъ ягодъ, и всѣхъ тѣхъ плодовъ, которые требуютъ болѣе высокой температуры. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Польши есть виноградники, но вина они даютъ не много, и то слабое и кислое.

Съ другой стороны, Польша изобилуетъ всякаго рода хлѣбомъ и фруктами, не требующими большого тепла, какъ-то: яблоками, грушами, сливами, вишнями и проч. Обширные луга питаютъ множество коней, воловъ и стадъ. Въ лѣсахъ водятся разные звѣри, между прочимъ неизвѣстныя намъ зубры, туры и лоси. Зубры могутъ жить въ одной лишь Бѣловежской пущѣ.

Всего вѣроятнѣе, что поляки съ другими славянскими народами вышли изъ киммерійскаго Босфора, и въ

то время какъ ихъ соплеменники направились въ Илирію, поляки, разлучась съ вандалами, расположились по берегамъ Вислы. Предводителемъ ихъ былъ Лехъ, братъ Чеха; долго коснѣли они въ варварствѣ: лучъ св. вѣры разсѣялъ мракъ невѣжества.

Что касается наклонностей и характера поляковъ, то они добродушны, любятъ праздность и увеселенія, не терпятъ ни малѣйшаго принужденія и до такой степени, что пользуясь весьма либеральными законами, даже и имъ мало подчиняются. Стойкіе и храбрые на войнѣ, надѣленные статнымъ ростомъ, они живутъ долго, и жили бы еще долѣе, если бы обжорство и пьянство не истощали ихъ силъ. Осушать кубки безъ мѣры—признакъ хорошаго воспитанія, воздерживаться отъ нихъ—знакъ неискренности и невѣжества. Умъ поляковъ способенъ на все, но они мало обогащаютъ его наукой, кромѣ духовныхъ лицъ, между которыми много ученыхъ; однако всѣ знаютъ латинскій языкъ, на которомъ изъясняются очень свободно. Вообще сказать можно, что поляки необыкновенно легко усваиваютъ себѣ иностранные языки, обычаи, моды и пр. При обсужденіи общественныхъ дѣлъ они осторожны и ловки. Цѣнять высоко все народное; любезны съ тѣми, кто ихъ хвалитъ и льститъ, и неумолимы къ тѣмъ, кто ихъ порицаетъ. Щедры они до расточительности, гостепріимны къ друзьямъ и чужимъ; въ домахъ много серебра и богатой одежды, даже иностранной. Большое они дѣлаютъ различіе между шляхтою и плебеями. Старинныя только фамиліи считаются шляхтою, которая свободна отъ всякихъ податей и повинностей, пользуется всѣми привилегіями, и не можетъ быть арестована и судима иначе, какъ въ силу доказаннаго преступленія; мѣщане управляются магдебургскимъ правомъ.

Хотя народный языкъ и всего болѣе распростра-

ненъ, но въ пограничныхъ провинціяхъ онъ смѣшивается съ языками сосѣдей, какъ-то: съ русскимъ и нѣмецкимъ; по-нѣмецки говорятъ много въ Лифляндіи и Пруссіи; въ Литвѣ господствуетъ языкъ литовскій и жмудскій (русскій?).

Хотя всѣ области состоятъ подъ однимъ скипетромъ, но есть провинціи, имѣющія свои привилегіи, какъ-то: Лифляндія и Пруссія, а Литва управляется донинѣ самимъ королемъ. Польшу нельзя назвать ни республикой, ни монархіей. Гдѣ существуютъ привилегированныя сословія, тамъ нѣтъ общей свободы; гдѣ король встрѣчаетъ препятствія при исполненіи уставовъ, даже одобренныхъ народомъ, тамъ нѣтъ монархіи. Вельможи и шляхта захватываютъ все, попираютъ права и королей и народа, а когда они сами все болѣе погружаются въ развратъ и роскошь, кто угадаетъ, что можетъ случиться въ будущее вѣка?

Легко иностранному послу, въ частныхъ бесѣдахъ съ властителями, разузнать ихъ характеръ, наклонности и даже намѣренія; но узнать съ точностью о доходахъ и казнѣ ихъ, часто скрываемыхъ, или основанныхъ на предположеніяхъ,—это несравненно труднѣе. Могутъ только съ достовѣрностью сказать, что доходы польскаго короля значительнѣе въ послѣдніе годы: это произошло главнымъ образомъ отъ поступленія въ казну обширныхъ имѣній, принадлежавшихъ королевѣ Бонѣ (супругѣ Сигизмунда I), отъ занятія Мазовецкаго княжества послѣ пресѣченія рода князей Мазовецкихъ, и вслѣдствіе сеймовыхъ постановленій 1567 года, когда много прежнихъ королевскихъ доходовъ возвращено коронѣ, такъ что въ настоящее время вѣрныхъ этихъ доходовъ можно считать до 600,000 скуди; къ этому слѣдуетъ прибавить 143,000 неаполитанскихъ дукатовъ, которые король испанскій уплачиваетъ ежегодно за Барское гер-

погство королю Августу; все это составляет значительные доходы, тѣмъ болѣе, что польскій король не обязанъ дѣлать никакихъ расходовъ, ибо шляхта должна служить въ военное время безвозмездно; крѣпостей не много, да и тѣ болшею частію содержатся на народныя средства, а слѣдовательно, принимая въ соображеніе, что король польскій не дѣлаетъ тѣхъ издержекъ, которыя обязаны нести другіе государи, — можно сказать, что онъ богаче ихъ. Что же выйдетъ, если къ этому прибавимъ доходы съ земскихъ имѣній, соляныхъ озеръ, серебряныхъ рудъ, денежныя средства, получаемыя королемъ въ случаѣ надобности отъ епископовъ, а также и тѣ, которыя (какъ многіе утверждаютъ) поступаютъ за раздачу должностей? Мнѣ и всякому хорошо извѣстно, что у короля множество драгоценныхъ камней, чисто золотой и серебряной посуды, ковровъ, обоевъ и сбруи для коней, достойныхъ могущественнѣйшихъ государей.

Царствующій нынѣ король Сигизмундъ Августъ родился въ 1519 году 1-го августа отъ Сигизмунда и Бонны, дочери герцога миланскаго Іоанна Галеаццо Сфорца. Роста онъ обыкновеннаго, худощавъ, темноволосъ; борода у него небольшая, лицо смуглое; на видъ онъ болѣзненный, а потому онъ и не любитъ занятій и трудовъ. Что касается его религіозныхъ убѣжденій, то по видимому онъ не жаркій ревнитель апостольской столицы. Приятный и любезный въ обращеніи, онъ нерѣшительнъ въ своихъ мнѣніяхъ, но непоколебимъ, если проникнется убѣжденіемъ. Кромѣ польскаго языка, владѣетъ онъ многими другими; говоритъ немного, въ разговорахъ остороженъ, скрытенъ, ловокъ и проницателенъ, а въ отвѣтахъ такъ воздерженъ и такъ двусмысленъ въ словахъ, что, кажется, все сказанное имъ можно понимать наоборотъ; его правило никогда не

отнимать надежды у того, съ кѣмъ онъ ведетъ разговоръ о дѣлахъ общественныхъ, и въ то же время никогда не обѣщать навѣрное. Не легко рѣшаясь на что либо, опасаясь каждаго смѣлаго государя, онъ откладываетъ свои рѣшенія до тѣмъ поръ, пока его не принудитъ къ тому крайность. Знаетъ онъ довольно хорошо чужіе края, сосѣдей лучше, и превосходно собственный народъ свой, которымъ умѣетъ искусно управлять по произволу. Женатъ онъ былъ уже три раза: первый разъ на дочери императора Фердинанда II, второй на Варварѣ Радзивиллѣ изъ Литвы, которую страстно любилъ, и третій на сестрѣ первой своей супруги: ни отъ которой изъ нихъ дѣтей не имѣлъ.

Король носить обыкновенно длинное черное платье, что одни приписываютъ продолжающейся до сихъ поръ печали по уtratѣ любимой имъ Варвары, другіе же — потери Полоцка. Живетъ онъ обыкновенно въ Литвѣ, и большею частію въ Кнышинѣ, — маленькомъ замкѣ, гдѣ имѣетъ многочисленныя табуны самыхъ лучшихъ лошадей. Кромѣ польскихъ, тамъ рысаки и скакуны турецкіе, неаполитанскіе, испанскіе; любитъ король это мѣстопробываніе какъ по означенной причинѣ, такъ и потому, что онъ находится тогда ближе къ московскимъ предѣламъ, и оттуда можетъ лучше наблюдать за всѣмъ, нежели изъ Кракова, на окраинѣ своего государства. Къ тому же тамъ его повелѣнія, какъ самодержавнаго властителя Литвы, гораздо лучше исполняются, и всѣ потребности его скорѣе удовлетворяются.

Король не имѣетъ братьевъ, но имѣлъ четырехъ сестеръ. Изъ нихъ Изабелла, уже покойная, выдана была замужъ за Іоанна, короля венгерскаго, сынъ котораго воевода семиградскій; вторая Софья, третья Анна, до сихъ поръ незамужняя, и четвертая Екатерина, обрученая съ герцогомъ финляндскимъ Іоанномъ, братомъ

короля шведскаго. Изъ этихъ лицъ и состоитъ весь королевскій домъ. А потому, если нынѣшній король умретъ бездѣтнымъ, то польская корона перейдетъ въ руки другой, можетъ быть и иностранной династїи, что не наступитъ безъ большаго замѣшательства, тѣмъ болѣе, что затрудненїя увеличились присоединенїемъ къ королевству новыхъ васальныхъ княжествъ, и усиленїемъ богатства и власти вельможъ. Между васалами самый главный герцогъ прусскїй, имѣющїй до 120,000 скудїй ежегоднаго дохода, отъ налоговъ, янтарнаго промысла и проч. Онъ отщепенецъ, и по отношенїю къ королю неблагодарный и враждебный. Въ Литвѣ также находятся менѣе значительные ленные владѣтели, и носятъ титулъ князей.

Надо знать, что земли, изъ которыхъ состоитъ въ настоящее время королевство польское, не всѣ вмѣстѣ и не въ одно время приняли вѣру христіанскую. Польша въ тѣсномъ смыслѣ просвѣтилась ею въ 965 году, Русь въ 1280 (?) съ подчиненїемъ однако патріарху цареградскому, затѣмъ Пруссїя, и наконецъ Литва въ 1386 году; однако въ Литвѣ многіе, по наружности христіане, придерживаются тайно язычества. Самая же Польша испоконъ-вѣка была усердной къ апостольской столицѣ, доказательствомъ чего служатъ многочисленныя и богатые костелы и множество зажиточныхъ монастырей. Первымъ еретикомъ сдѣлался Альбертъ бранденбургскїй, великїй магистръ ордена Крестоносцевъ, который въ 1521 году покинувъ вѣру своихъ предковъ, оставилъ, къ соблазну всѣхъ, монашеское званїе и женился.

Отщепенцы не всѣ принадлежатъ къ одной сектѣ; они обновили между собою вавилонскую башню. Въ королевствѣ соединяются всѣ вѣроисповѣданїя, и изгоняемые изъ какой либо другой страны еретики бѣгутъ въ Польшу, увѣренные въ своей безнаказанности и вѣр-

номъ приютѣ. Лютеране многочисленнѣе въ Великой, а кальвины въ Малой Польшѣ. Причинъ такихъ вредныхъ явленій много. Первою изъ нихъ служитъ нерадѣніе монашествующаго духовенства, дурные примѣры образа ихъ жизни, корыстолюбіе бѣлаго духовенства, присвоеніе духовныхъ имуществъ, и самая новостъ ученія, менѣе строгаго и суроваго чѣмъ наше. Несчастіе и то, что король польскій не обладаетъ такою властію какъ другіе государи; ловкій король Сигизмундъ Августъ всегда этимъ отговаривается, забывая однако, что Литва, которою онъ управляетъ самодержавно, заражена ересью болѣе прочихъ областей. Къ этому надо присоединить вольность и неограниченныя привилегіи, какими пользуется шляхта въ своихъ замкахъ и имѣніяхъ. Тамъ-то она привыкла давать убѣжище всѣмъ отщепенцамъ, не взирая на дѣйствующія противъ нихъ постановленія. Не малымъ препятствіемъ въ обузданіи еретиковъ служатъ постоянныя войны съ Москвою и татарскіе набѣги: намѣреніе Августа—это соединить Литву съ польскою короною, такъ какъ государь этотъ убѣжденъ, что Литва сама по себѣ Москвы одолѣть не можетъ, а будучи наученъ опытомъ, что поляки бесплатно такъ далеко не пойдутъ, король, для достиженія цѣли своей, долженъ имъ давать поблажку, даже въ ихъ религіозныхъ выходкахъ; скажемъ и то, что король хочетъ возвратитъ себѣ отнятыя при его дядяхъ и отцѣ коронныя доходы, не желаетъ раздражать умы преслѣдованіемъ, и напротивъ, всѣми мѣрами кротости старается получить назадъ эти доходы. Такимъ образомъ, на послѣднемъ сеймѣ 1567 года, онъ очень ловко возбуждалъ взаимное недовѣріе между католиками и отщепенцами, сумѣлъ откладывать до конца сейма раздачу должностей, держа въ шаху надежды всѣхъ; слѣдовательно всякій, видя, что единственное средство получить королевскую ми-

дость это подчиняться его волѣ, не осмѣлился сопротивляться ей. Оттого-то многіе изъ еретиковъ получили самыя важныя въ королевствѣ должности, значеніемъ которыхъ они и воспользовались для распространенія своего дьявольскаго ученія.

Вотъ, по мнѣнію моему, самыя главныя причины развитія отщепенства въ Польшѣ. Горю можно было бы пособить еще, акредитовавъ нунція при здѣшнемъ дворѣ: пусть бы онъ напоминалъ королю постоянно о богопочитаніи и покорности апостольской столицѣ, такъ тѣсно связанныхъ съ благоденствіемъ и спокойствіемъ этого края. Въ королевствѣ постоянного нунція не было, и его послалъ только покойный святѣйшій отецъ Павелъ III, а потому ереси такъ легко распространялись и первыя должности доставались лицамъ, враждебнымъ святой вѣрѣ. Последній нунцій Лунджи Липомано, епископъ Генуи, достойный прелатъ, хотя и употреблялъ всевозможныя мѣры противъ еретиковъ, но достигъ лишь того, что ересь не получала дальнѣйшаго развитія.

Повторяю слѣдовательно, что въ этомъ краѣ необходимо имѣть нунціевъ, и избирать на этотъ постъ людей способныхъ, ловкихъ и примѣрной нравственности. Тогда они, подобно твердынѣ, будутъ стоять за дѣло Божіе, рекомендовать королю католиковъ, изгонять иновѣрцевъ, поощрять юное духовенство къ посѣщенію Рима, чтобы на должности епископовъ избираемы были люди самыя усердныя и благочестивыя, а въ должности свѣтскія одни лишь католики; въ судахъ и даже трибуналахъ они будутъ защищать католиковъ отъ отщепенцевъ, такъ чтобы всевозможными мѣрами уменьшить число невѣрныхъ, и довести ихъ до того, чтобы они не могли защищаться, когда придется ихъ карать. Повидимому всѣ эти секты, достигнувъ высшей степени своего развитія, возвращаются вспять. Раздоръ бросилъ

уже между ними свои сѣмена: уже лютеране встаютъ противъ кальвиновъ, кальвины противъ лютеранъ, взаимно желая изгнать одни другихъ изъ края; уже многіе отщепенцы, сознавая заблужденіе свое, возвращаются въ нѣдра церкви католической, и я могу увѣрить ваше святѣйшество, что въ теченіи двухлѣтняго пребыванія моего въ этомъ краѣ, около 10,000 человекъ, зараженныхъ ересью, обратилось на путь истины.

Апостольская столица найдетъ теперь помощь отъ введенія ордена іезуитовъ: они уже въ Вильнѣ, Браунсбергѣ, Пултускѣ, усердно проповѣдуютъ, а воспитывая шляхетское юношество, внушая ему повиненіе, защищаютъ его отъ заразы и самихъ зараженныхъ даже исцѣляютъ. Извѣстная ловкость ихъ при дворѣ королевскомъ и при первостатейныхъ вельможахъ позволяетъ надѣяться, что ихъ коллегіи будутъ сильно распространяемы въ краѣ и снабжаемы обильными доходами.

Апостольская столица, кромѣ господства своего надъ всѣми государями, обладаетъ особенною властію въ Польшѣ, а именно потому, что король-монахъ Казимиръ, вступившій въ орденъ цистерсовъ, и затѣмъ провозглашенный монархомъ, въ качествѣ законнаго наследника, получилъ отъ папы разрѣшеніе сложить съ себя монашество, но съ условіемъ, чтобы поляки въ востелахъ и во время литургіи обязывали шею бѣлымъ платкомъ, на подобіе ораря, чтобы они подстригали волосы надъ ушами, какъ латинскіе священники, которые въ первыхъ вѣкахъ, подобно іереямъ церкви греческой, отпускали ихъ до плечъ, и наконецъ, чтобы каждый полякъ уплачивалъ одинъ грошъ. Дань эта долго продолжалась; въ послѣдствіи папы увольняли отъ нея поляковъ, и она предана забвенію особенно съ развитіемъ ереси. Можно было бы ее возстановить: приносила бы она до 3,000 скуди дохода; кромѣ того, по

мнѣнію моему, папа Григорій VII въ 1074 году пользовался здѣсь еще бѣльшими юрисдикціями, и имѣлъ въ своемъ распоряженіи даже нѣсколько городовъ и замковъ.

Всякій шляхтичъ обязанъ служить въ военное время. Воеводы предводительствуютъ шляхтой своего воеводства. Они производятъ смотры, и шляхта должна собираться на посполитое рушене по королевскому приказанію. Трудно опредѣлить число этой конницы: оно должно простираться до 200.000 человекъ; но такъ какъ не всѣ являются на призывъ, а находящаяся подъ властію епископовъ шляхта обыкновенно не выходитъ, то конницу посполитаго рушеня можно считать во 100,000 человекъ. Литва выставить въ состояніи 70,000, а Лифляндія, въ качествѣ вновь прибрѣтеннаго края, не подлежитъ еще призыву.

Переходя отъ численности войска къ его достоинствамъ, скажу, что поляки всегда охочи къ войнѣ, вѣрны своимъ королямъ, и въ бою очень заносчивы и храбры: справлялись они въ прежніе годы на войнахъ и съ нѣмцами, и съ волохами, и съ московитами, и съ венгерцами, и съ турками. Видѣли мы, какъ 3,000 поляковъ, состоявшихъ на жалованьѣ императора Карла V-го, опрокинули и разсѣяли 13,000 турокъ. Польскія лошади, хотя и не отличаются особеннымъ ростомъ, но полны огня, прѣтче коней турецкихъ, и несравненно красивѣе и проворнѣе нѣмецкихъ. Литовскія лошади гораздо хуже польскихъ, такъ что 4 польскія стоятъ 20 литовскихъ. Въ манежахъ лошади не выѣзжаны, и поляки, за исключеніемъ знатныхъ вельможъ, съ берейторами незнакомы. Три или четыре итальянца исправляютъ у короля эту должность. Надо замѣтить ту еще особенность, что лошадей дрессируютъ нарочно для пьяныхъ, приучая карабкаться на крутыя горы, даже на лѣстницы, прыгать

вверхъ и внизъ, и выдѣлывать тысячу подобныхъ фокусовъ.

Вся конница польская раздѣляется на тяжелую—гусары, и на легкую—казаки. Ни одинъ край не можетъ выставить столько конницы: потому, во первыхъ, что тутъ посполитое рушенъе несетъ службу даровую, тогда какъ въ другихъ земляхъ солдату платятъ, а во вторыхъ потому, что ни какая другая страна не имѣетъ столько пастбищъ, и не можетъ прокормить столько лошадей, какъ Польша.

Артилерія у короля польскаго многочисленна; снабжается она орудіями разнаго калибра, и нѣкоторыя орудія величины неслыханной; крѣпостей однако немного. Въ Пруссіи Мальборгъ — довольно сильная, Гданскъ и Эльбингъ; въ Польшѣ Казимержъ считается сильною крѣпостью, Львовъ равномѣрно, а въ Литвѣ, на московскихъ границахъ, сооружены деревянные замки, опоясанные валами. Тыкодинъ укрѣпленъ также; въ немъ хранятся деньги, драгоценности и другія сокровища. Въ Лифляндіи укрѣпленныхъ замковъ больше. Король во всѣхъ этихъ замкахъ содержитъ гарнизоны, но не довольно сильные, чтобы оказывать долговременное сопротивление осадѣ.

Хотя прежніе гетманы и вымерли, но юношество подаетъ большія надежды. Поляки привыкли вести войну зимою, во первыхъ потому, что легко переносятъ стужу, а во вторыхъ потому, что въ странѣ болотъ и озеръ, съ замерзаніемъ ихъ, движеніе и подвозы удобнѣе.

Хотя въ этомъ краѣ, не говоря о большихъ рѣкахъ, существуютъ порты и моря, кораблестроительный лѣсъ и желѣзо въ изобиліи, но поляки никогда не думали заводить у себя вооруженный флотъ.

Отъ внутренней обстановки Польши, перейдемъ къ отношеніямъ ея къ другимъ державамъ. Надо знать,

что Польша съ востока на сѣверъ длинною границею примыкаетъ къ царству московскому, не рѣками, горами и моремъ, а краями степными и неопредѣленными границами. Хотя великіе князья литовскіе испоконъ-вѣка покорили удѣльныя русскія княжества, но Сѣверъ (Serpentynon), считая себя властителемъ всѣхъ земель, носящихъ одно съ нимъ названіе, держитъ поляковъ постоянными набѣгами въ тревогѣ. Домогался Сѣверъ во что бы ни стало титула короля, но другіе государи, предвидя опасность принятія его въ Европу, отстраняютъ это всевозможными мѣрами. Оба государства, истощенныя войною, втайнѣ желаютъ мира: тяжело королю польскому посылать войска свои такъ далеко; сѣтуетъ и Сѣверъ на то, что не можетъ посылать въ Польшу и далѣе собольихъ и другихъ мѣховъ. Совѣщались неоднократно о мирѣ, перемиріи, но нѣтъ надежды на достиженіе этихъ цѣлей. Съ востока на югъ сталкивается король польскій съ крымскими татарами, обитающими между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Два столѣтія опустошаютъ они нашествіями своими южныя польскія провинціи, и край, разграбленный крымскими татарами на пространствѣ 60 нѣмецкихъ миль, покинутый жителями, со своими роскошными пажитями, превратился въ пустыню. Король Сигизмундъ I отвращалъ нашествіе варваровъ, посылая въ даръ имъ тулупы; но когда въ этомъ отношеніи оказалась неисправность, и когда татары поступили на турецкое содержаніе, то набѣги ихъ опять возобновились. Съ той же стороны Польша граничитъ и съ Портой Отоманской, съ которой состоитъ въ постоянномъ мирѣ со временъ Сигизмунда стараго. Теперь тоже миръ съ Молдавіей, часто прежде нарушавшійся, по причинѣ васальныхъ отношеній этого послѣдняго края къ королямъ польскимъ. Двояродный

братъ нынѣ царствующаго Августа, воевода семиградскій, въ силу родства и благодарности, держится смирно.

Огромный хребетъ горъ отдѣляетъ Польшу отъ Венгріи; между обоими этими государствами миръ, а между ихъ монархами охлажденіе, по причинѣ возникшей распри короля съ его супругой, сестрой императора. Крайняя сѣверная область, Лифляндія, отдѣляетъ Польшу отъ Швеціи.

Въ отношеніи религіозномъ существуетъ искренняя дружба между вашимъ святѣйшествомъ и королемъ католическимъ, причемъ, однако, возникаютъ затрудненія и по поводу громаднхъ суммъ, вывезенныхъ изъ Польши королевою Боною, съ которыхъ однако выплачиваются проценты, и по вопросу о Барскомъ герцогствѣ, на которое король польскій, по матери своей, имѣетъ право. Происходятъ по этому дѣлу совѣщанія, но не очень успѣшныя. Заклятымъ врагомъ Польши это

Холостой, безпокойный, дерзкій Эрикъ, король шведскій, находится въ постоянной войнѣ съ сосѣдомъ своимъ королемъ датскимъ. Война ведется на морѣ. Народъ его воинственъ, имѣетъ много пушекъ и богатъ металами, но не любитъ короля. Въ 1567 году Эрикъ убилъ собственною рукою одного изъ совѣтниковъ своихъ, за злодѣяніе весьма важное, за то, что совѣтникъ сказалъ королю правду. Послѣ своего поступка король едва не былъ изгнанъ изъ края, и не нашель другаго средства спасенія, какъ заявить о своемъ отреченіи отъ престола, въ пользу брата своего, герцога финляндскаго, который былъ его узникомъ. Эрикъ освободилъ его изъ заключенія; но коль скоро увидѣлъ, что народъ успокоился, то снова принялъ кормило правленія, оставивъ, однако, свободу брату своему, женатому на до-

чери Сигизмунда I Екатеринѣ. Нельзя умолчать о поступкѣ этой благочестивой женщины. Князь финляндскій, братъ царствующаго короля, женился безъ его позволенія на королевнѣ Екатеринѣ. Эрикъ, опасаясь что братъ его, вступивъ въ брачный союзъ съ королевной польской, сдѣлается ему враждебнымъ, подвергнувъ его опять заключенію, а супругу его со всѣмъ ея дворомъ, надѣливъ всѣмъ щедро, хотѣлъ оставить на свободѣ; но она, пренебрегая этой милостію, сама отправилась къ своему мужу въ мѣсто его заключенія. Хотя она и нашла государство, вполне зараженное ересью, однако, съ твердостью неслыханной, не только устояла противъ всякихъ увѣщаній и сатанинскихъ сѣтей, не только сохранилась въ чистой католической вѣрѣ, но удержала въ ней и своего супруга. По освобожденіи своемъ, она обратилась къ брату съ единственною просьбою прислать къ ней католическихъ священниковъ и католическую прислугу. Сейчасъ-же отправлено было нѣсколько иезуитовъ, изъ которыхъ одинъ участвуетъ уже въ дѣлахъ общественныхъ, и съ полною надеждою на успѣхъ ускоряетъ заключеніе мира съ Даніей.

Посредствомъ торговыхъ сношеній, Польша встрѣчается не только со своими сосѣдями, но и съ болѣе отдаленными государствами. Однако центръ почти всѣхъ торговыхъ ея операцій — это Гданскъ, прибалтійскій портъ, принадлежащій польскому королю. Въ августѣ тамъ большія и главныя ярмарки, на которыя привозятся самые цѣнные товары со всѣхъ западныхъ странъ, а потому жители Гданска весьма зажиточны, и нѣтъ города, отъ котораго король получалъ бы столько денегъ. Краковъ также ведетъ значительную торговлю съ Германіей и Венеціей; въ Познани много складовъ, и живетъ много нѣмецкихъ купцовъ; Вильна тоже торговый городъ; торговля же съ московскими землями,

вслѣдствіе войны, въ застоѣ, и въ такой степени, что мѣха въ Польшѣ рѣдки. Самая оживленная торговля могла бы происходить черезъ Днѣстръ (Днѣпръ?), еслибы пороги его не представляли тутъ преграды. Одинъ Флорентинецъ брался ихъ уничтожить, но потребовалъ въ свою пользу за это предпріятіе восьмилѣтнюю субвенцію: дѣло это не рѣшено до сихъ поръ.

Общественныя дѣла, разсматривавшіяся во время моего посольства въ королевскомъ совѣтѣ, состояли изъ шести главныхъ категорій: Во-первыхъ, дѣла, касающіяся вѣроисповѣданія. Прибывъ на люблинскій сеймъ, я узналъ, что недавно прошелъ съ разрѣшенія епископовъ законопроектъ, воспреещающій въ королевствѣ пребываніе анабаптистамъ и другимъ еретикамъ, кромѣ лютеранъ и кальвиновъ; а потому я постарался, какъ и доносилъ уже вашему святѣйшеству, о неприведеніи этого закона въ силу; затѣмъ, старались провести многое, вредное религіи, что равномѣрно я предупредилъ; да и въ настоящее время есть попытки прекратить Риму уплату доходовъ съ бенефицій; но мы позаботимся, чтобы и это не состоялось. Во-вторыхъ, война съ Москвою вслѣдствіе возведенныхъ на литовскихъ границахъ въ 1565 году четырехъ замковъ; начались-было по этому дѣлу переговоры, но прерваны татарскими набѣгами. Третье важное дѣло, занимающее королевскій совѣтъ, это соединеніе Литвы съ Короною. Хотя соединеніе это было обѣщано при бракосочетаніи Ягелла съ Ядвигаю, хотя оно и возобновилось при сынѣ его Казимирѣ, но Литва, находясь подъ однимъ и тѣмъ же скипетромъ, составляла тѣмъ не менѣе особенную провинцію, и трудно допустить, чтобы короли, будучи въ Литвѣ самодержавными властителями, захотѣли промѣнять это самодержавіе на слабую королевскую власть въ Польшѣ. Оба народа тоже не показываютъ большаго

расположенія къ соединенію: поляки желали бы видѣть Литву въ качествѣ подчиненной имъ земли, а литовцы, хотя и желаютъ находиться съ поляками подъ однимъ скипетромъ и пользоваться одинаковыми съ ними вольностями, но хотятъ при этомъ не зависѣть отъ польскаго правленія, а имѣть особенные свои сеймы и трибуналы. Король убѣжденъ, что одной Литвѣ побороть Москву трудно, и видя, какъ неохотно поляки отправляются въ зимніе походы, старается слить оба народа въ одно цѣлое. Всѣ полагаютъ, что этотъ важный фактъ совершится на будущемъ сеймѣ.

О возвращеніи коронныхъ имѣній уже выше упомянуто. Не мало хлопотъ возникаетъ и вслѣдствіе распри между королемъ и его супругой, дочерью императора. Съ утратой всякой надежды на примиреніе, королева уѣхала въ Германію. Вотъ и самыя важныя дѣла, которыя обсуждались во время моего посольства.

Должно еще замѣтить, что въ королевскомъ совѣтѣ засѣдаютъ болѣею частію отщепенцы. Между пятнадцатью епископами, кіевскій еретикъ. Къ счастью, между еретиками господствуетъ несогласіе, котораго нѣтъ между католиками. Нѣтъ примѣра, чтобы поляки когда либо бунтовали противъ королей своихъ (?), или желали какой либо переменны въ правительствѣ; отсюда заключить можно, что нынѣшній образъ правленія сообразенъ и съ духомъ, и съ характеромъ польскаго народа.

II.

Рѣчь каштеляна смоленскаго Ивана Мѣлешка на сеймѣ 1589 г. Изъ Нѣмцевича: Zbiór pamiętników o dawnéy Polsce, z rękopismu Hr. Sierakowskiego, т. II с. 477 (Смоленскъ тогда принадлежалъ Россіи; но поляки и послѣ потери городовъ и областей продолжали величаться почетными титулами: такъ, были потомъ воеводы черниговскіе и кіевскіе, безъ Чернигова и Кіева, имъ не принадлежавшихъ.

Всепресвѣтлѣйшій, милостивѣйшій король, и милостивые мои паны братья!

Выѣхавъ изъ дома, молилъ я Бога пріѣхать къ вамъ здоровымъ и найти и привѣтствовать васъ въ добромъ здравіи. Надо мнѣ съ вами посовѣтываться, а я на подобныхъ сѣздахъ никогда не бывалъ, и съ ихъ величествами королями никогда не засѣдалъ, потому что при покойныхъ нашихъ великихъ князьяхъ литовскихъ, не бывало сентенцій: просто отъ чистаго своего сердца они говорили (howoguli), политики не вѣдали, и въ глаза высказывали золотую правду; если же кто либо изъ нихъ и пошутить, то безъ злаго умысла; но коль скоро короли полюбили нѣмцевъ болѣе нежели насъ, то все, что собрали сеймовые чины, то раздали нѣмцамъ наши господа, какъ Сигизмундъ Августъ, который самъ сдѣлавшись ляхомъ, отдалъ ляхамъ Подлясье и Волинь; напротивъ, драгоцѣнна намъ память Сигизмунда I,

который нѣмцевъ какъ собакъ какихъ не кормилъ, ляховъ съ ихъ хитростями весьма не жаловалъ, а нашу Русь страстно любилъ, и при немъ намъ было хорошо, а мы однако при немъ въ богатыхъ платьяхъ не хаживали (nie chodziwali), кто безъ штановъ какъ бернардинъ, кто въ сорочкѣ по колѣно, а шапкѣ по поясъ; дай Богъ чтобы и теперь такъ было. Я самъ когда наряжусь такъ у себя дома, то жена моя, пани Мстиславская, не можетъ вдоволь наглядѣться на меня и налюбоваться. А мы, милостивые паны братья мои, на что смотримъ, на штуки, выкидываемыя нѣмцами! Ходятъ они въ какихъ то платьяхъ; имѣютъ много денегъ, городовъ и арендъ; смѣшались съ нами, говорятъ разными языками, и все скверное; королямъ панамъ и Рѣчи-посполитой совѣтуютъ, и баламутятъ. А когда нѣмецъ идетъ, или супруга его шествуетъ, и скрипитъ и шелеститъ, да пахнетъ отъ нея мускусомъ, и когда къ тебѣ приѣзжаетъ поручикъ, то угощай его своимъ достоянiемъ, и даже сажай возлѣ него жену свою, а онъ, надувшись, сидитъ какъ бѣсъ, моргаетъ, вертитъ палкой или мнетъ шляпу, почесываетъ себѣ ногу; а хорошо бы такого чорта по лицу съѣздить, чтобы и король зналъ, къ чему намъ эти поганцы.

Король Генрихъ, который съ нѣмецкой стороны изъ за моря приѣхалъ сюда, когда увидѣлъ, что мы ему не дали себя дурачить а нѣмцамъ его лягаться, ничего не говоря никому, уѣхалъ, и за моремъ исчезъ, хотя, сказать правду, онъ не такъ виноватъ, какъ наши доморощенные пустомели, что сидятъ при короляхъ, крутятъ и дерутъ, да губятъ Рѣчь-посполитую; по ихъ-то милости и Волинь и Подлясье пропали. Ходимъ какъ шальные, потому что ихъ боимся, правды не высказываемъ, а подтакиваемъ льстивыми языками. Ахъ! еслибы можно было намъ этимъ чертямъ съѣздить кулакомъ

по мордѣ, позабыли бы они мутить. И это, любезные господа мои, небольшая бѣда; держимъ мы слугъ ляховъ: подавай имъ платѣе изъ фалендыша, корми ихъ по горло, а съ ихъ службы проку никакого: только улизувъ тайкомъ со двора, примазываются къ дѣвкамъ, шалберничаютъ, и дуютъ изъ большаго куфля. Садись за столъ, и слуга тоже за столъ, ты за борщъ, а слугаляхъ за сочный кусокъ мяса, ты за бутылку, а онъ за другую, а когда неловко держишь, то и вырветъ тебѣ ее изъ рукъ, и смотреть только, какъ ты со двора, чтобы молчкомъ подѣхать къ твоей женѣ. Сказаль бы я, что пора этихъ поляшковъ съ нѣмцами повытерebить, отъ поручика до сената, и отнять у нихъ все, что они хватили, противъ нашего права. Господа старшіе люди смоленскіе, протрите глаза! лучше вамъ совѣтываться о нихъ, нежели о Лифляндіи, потому что этихъ насѣкомыхъ, какъ заведутся, ничѣмъ вонючимъ не выкуришь, какъ пчель отъ меду; но нехудо побесѣдовать о разныхъ убыткахъ нашихъ; не малый убытокъ намъ держать на конюшнѣ лошадей для драбантовъ, кормить ихъ лѣтомъ и зимою овсомъ и сѣномъ, всякую ночь давать имъ подстилку, держать для нихъ слугъ-ляховъ, конюха, берейтора, а отъ ляховъ службы никакой не проси: если ляхъ ржетъ около дѣвокъ, то драбантъ около замужнихъ. Изволь же взять въ сторожи двухъ литвиновъ; и самъ отецъ, говорятъ они, не усмотритъ за ними. Случилось со мной и то, что я на ярмонкѣ въ Кіевѣ купилъ себѣ часы, за которые заплатилъ три копы грошей; въ то время посылали пословъ въ Вильну; и что же? вдругъ сталъ увиваться воръ заморчикъ: хорошъ-то нашъ пѣтухъ, что не пропуститъ вполночь закурикать. Развѣ не соблазнъ выкармливать калакутскихъ куръ, варить ихъ безъ лику, жарить разныя птички, эти торты, сильно засахаренные съ изюмомъ, миндалемъ, ко-

рицей. На моей памяти не бывало такихъ лакомствъ; хорошъ былъ полотокъ съ грибками, утка съ перчикомъ, печенка съ лукомъ или съ чеснокомъ, а на роскошномъ банкетѣ—рисовая каша съ шафраномъ. Вина венгерскаго не знали, а малмазію скромно попивали; медъ и водку осушали; но за то въ деньгахъ былъ избытокъ; строили каменные зámки, а на войнѣ лучше дрались, чѣмъ теперь, лучше выдерживали поле.

Развѣ не дурачество, нашимъ паньямъ ходить въ такихъ богатыхъ платьяхъ; не знали прежде ни португалы, ни фортугалы; какая-то пришивка вьется около подола, а молодець, какъ соколъ хохлатый, наровить, какъ бы урвать. Я бы посовѣтоваль, чтобы наши бѣлошейки одѣлились въ прежніе наряды, а въ шнуровкѣ сзади носили распорки, и къ тому нѣмецкихъ штановъ не употребляли; было бы безопаснѣе и спокойнѣе отъ любовныхъ доброхотовъ; не такъ бы скоро заводили любительную (lubietylna) интригу, а теперь, хоть бы съ рогатиной на часахъ, не подкараулишь дьявола. О чемъ далѣе говорить мнѣ, право не знаю, но то извольте, господа, запомнить, чтобы всегда при его величествѣ королѣ находилось нѣсколько литовскихъ сенаторовъ. Былъ бы и я, да крулевщизны у меня нѣтъ а у другаго ее не подтибрю, ни ручки у панны Уршули, у ея величества королевы, не поцѣлую, какъ молодые сенаторчики. Вѣкъ вѣкомъ, это показываетъ сѣдина въ бородѣ, хотя чортъ за поясомъ искушаетъ на воззрѣніе прелестей.

Не только въ Смоленскѣ, но и въ Мозырѣ, совѣщались о томъ, кого бы послать для заявленія этой сентенціи, и послали меня, какъ знакомца, къ вашей милости. И чтó Господь Богъ внушилъ, то высказали мы и вашему королевскому величеству, и вамъ панамъ и братьямъ. Вы скажете лучше, но не баламутьте. И на этомъ кончу.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Донесеніе о состояніи Польши, представленное папѣ Пію IV нунціемъ его при дворѣ короля Сигизмунда Августа аббатомъ Руджьеро (Ruggiero) въ 1568 г. Relacya o stanie Polski и пр., переводъ съ итальянскаго, помѣщенный Нѣмцевичемъ въ его: Zbiór pamiećników historycznych o dawnéy Polsce, т. III. С. 5—25.

Хотя, благочестивѣйшій отецъ, я частыми письмами увѣдомлялъ ваше святѣйшество о веденныхъ мною при польскомъ дворѣ переговорахъ, однако полагаю, что вашему святѣйшеству не будутъ непріятны мои наблюденія надъ настоящимъ положеніемъ Польскаго королевства, дѣланныя въ продолженіе двухлѣтняго моего тамъ пребыванія, съ тою цѣлю, чтобы ваше святѣйшество однимъ взглядомъ и безпредѣльною вашею проницательностью, могли постигнуть состояніе и отношенія къ христіанству и прочему міру этого могущественнаго государства.

А потому буду говорить о трехъ самыхъ главныхъ частяхъ его, о краѣ и народахъ, о королѣ и подчиненныхъ ему областяхъ, наконецъ о его отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ.

III.

Рѣчь посла и чашника волынскаго (православнаго) Лаврентія «Древинскаго», сказанная на сеймѣ 1620 года, предѣ трономъ Сигизмунда III. (Изъ Вантыша: «Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ униі». Вильно. 1864, с. 65). О ней упоминаетъ Мелеведъ въ *Considér. sur l'état de Pologne. Hist. de Pol.* II. 214, не называя посла.

Если бы не столь важная опасность республикѣ угрожала, и не объ ней судить теперь надлежало, я бы не рѣшился для извѣстныхъ причинъ предѣ престоломъ вашего королевскаго величества возгласить сихъ словъ: приблизилась церковь восточная, мать наша, къ своему паденію, не имѣвъ намѣренія нападать, а потому и блистательнѣйшею оказывается, великіе плоды истиннымъ сынамъ своимъ произрацаая. Но я, по убѣжденію самой совѣсти и характера моего, будучи избранъ отъ братіи моей въ послы, долженъ то, чего нынѣ общей республики благо требуетъ, вашему королевскому величеству возвѣстить. Въ таковомъ нашемъ противу главнаго врага креста святаго предпріятіи смѣло могу сказать, что ваше королевское величество едва ли не большую часть ратниковъ потребуете отъ народа греко-россійскаго исповѣданія, народа того, который если не удовлетворенъ еще пребудетъ въ своихъ нуждахъ и прошеніяхъ, то какъ можетъ въ зациту вашей державы преградою грудь

свою представить? Какъ можетъ усиліе свое къ доставленію вѣчнаго мира употребить, внутренняго въ домѣ своемъ покоя не имѣя? Съ какою искренностью, мужествомъ, ревностію горящія стѣны отечества угашать кровію своею начнутъ, внутренняго пламени пылающихъ домашнихъ стѣнъ угашаемыхъ не видя? Ктожь, о Боже живой! явственно сего не видитъ, сколь великія притѣсненія и несносныя огорченія сей древній рускій народъ, въ разсужденіи благочестія своего претерпѣваетъ? Начну отъ Кракова. Какое распространеніе славы Божіей помощію сей новоизобрѣтенной уніи является? Уже въ большихъ городахъ церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ, вмѣсто монаховъ, скотъ запираютъ. Перейдемъ въ княжество литовское; тамъ въ пограничныхъ московскому государству городахъ то же самое дѣлается. Въ Могилевѣ и Оршѣ церкви также запечатлѣны, священники разогнаны; въ Пинскѣ то же учинено; монастырь Лещинскаго въ питейный домъ превращенъ; вслѣдствіе сего дѣти безъ крещенія отъ сего свѣта отходятъ; тѣла умершихъ безъ церковнаго обряда изъ городовъ, какъ стерво, вывозятся; народъ безъ исповѣди, безъ приобщенія Святыхъ тайнъ умираетъ. Не ужели сіе не самому Богу обида? Не ужели за то отмщевать не будетъ Богъ?... Ваше корол. величество о томъ вѣдать не изволите, ибо божественнаго вездѣсущія въ себѣ не имѣете, будучи на ряду съ прочими въ челоуѣчество облечены. То только къ свѣдѣнію вашему доходитъ, что другіе или въ добрую, или въ худую сторону о насъ доносятъ. Возвримъ еще на братію и притѣсненія ихъ, едва слышанныя. Или то не притѣсненіе народу нашему рускому, что, не говоря о другихъ городахъ, во Львовѣ дѣлается? Кто греческаго закона и къ уніи непреклоненъ, тотъ въ городѣ жительствовавать, купечество и продажу

питей производить, и въ ремесленные цехи принять быть отнюдь не можетъ. Если же кто въ городѣ отъжившись жить, умереть, того тѣло мертвое по обряду церковному къ погребенію препроводить, до большаго съ тайнами Христовыми открыто идти не вольно. Въ Вильнѣ же не вопіющее ли притѣсненіе, слыханное ли до сего? Тѣло мертвое благочестиваго когда хотятъ за городъ проводить, то тѣ самыя ворота (коиими всѣ ходять и ѣздить даже жиды и татары) запираютъ, такъ что принужденными себя находятъ православные въ тѣ ворота, коими смрадь и одну токмо нечистоту городскую вывозятъ, мертвеца своего выносить. Даже въ получении воды бѣдныя крайне нуждаются; монаховъ, непреклонныхъ къ уни, ловятъ, бьютъ, и на вольной дорогѣ ихъ имая, въ узилища заключаютъ. Въ чины гражданскіе людей достойныхъ и ученыхъ за то только, что съ унию не соединены, не производятъ; но простыяками и невѣждами (такъ что иной не знаетъ, что есть правосудіе, или справедливость) въ поношеніе стороны русской праздня мѣста наполняютъ. Суммы денежныя отъ невинныхъ благочестивыхъ, безъ всякой основательной причины, исторгаютъ. Коротко сказать: давно уже великія и неслыханныя притѣсненія русскій нашъ народъ какъ въ Коронѣ, такъ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, переносить. Внутреннее такой обиды непресѣченіе проистекаетъ отъ того, что ваше корол. величество противу справедливости, противу правъ и вольностей нашихъ шляхетскихъ, на высокіе саны властей духовныхъ, яко несвѣдущъ породы ихъ, производить изволите. Кто о семъ не вѣдаетъ, что нынѣ именуемый архіепископъ по л о ц к і й, родившійся во Владимирѣ, есть сынъ купца нѣкоего сапожника, а оттуда образовавъ себѣ фамилію шляхетскую, К у н ц е в и ч е м ъ титулуетъ себя? Кто сего глазами не видитъ, что перемышльскій

владыка, прозываемый Шишка, родился отъ пастуха, и нынѣ родной братъ отца его въ селеніи Влокѣ въ холопахъ у кievскаго воеводы имѣется? Кто о семъ не знаетъ, что владимирскій владыка сынъ есть мѣщанки львовской Стецковой? Кому (свидѣтельствуюсь Богомъ живымъ) не извѣстно, что холмскій владыка есть нѣкій прозываемый Покость, виленскаго купца сынъ, который у одного бургомистра виленскаго унесъ сукно, и если бы его не спасъ монашескій клобукъ, давно бы онъ пошелъ на висѣльничій крюкъ? Такову-то пользу отъ уніи имѣть изволите, ваше величество, что въ двадцать лѣтъ возмущенія сей уніи не могутъ униты доставить кого либо изъ урожденнаго шляхетства для возведенія по достоинству на высокіе тѣ саны. Да и нынѣ данъ намъ въ Луцкѣ, въ противность правъ и вольностей нашихъ, нѣкто Почаповской, ко-его шляхетской породы хотя и не отрицаемъ, но въ разсужденіи лѣтъ его не только недостойнъ онъ такого сана, ниже діаконскаго, не говоря о священствѣ, а потому называть его отцомъ не можемъ, ибо еще и двадцати лѣтъ не имѣеть. Все же сіе нестройство происходитъ отъ того, что не отъ правильнаго пастыря посвященіе пріемлютъ. Отступили симъ они отъ патріарха константинопольскаго, коему искони въ семъ государствѣ вашего корол. велич. власть сія принадлежала. Свидѣтельствуютъ то лѣтописи, свидѣтельствуютъ привилегіи предшественниковъ вашего кор. величества, а что болѣе, свидѣтельствуесть наша привилегія, въ 1599 году данная самому патріарху константинопольскому на единственное управление въ семъ государствѣ греко-російскаго исповѣданія духовенствомъ; свидѣствуесть и другая, данная въ 1607 г., привилегія, въ коей ваше величество, по силѣ правъ и вольностей, церковныя имѣнія въ пользу религіи нашей роздать обѣщать благо-

волили; свидѣтельствуютъ, наконецъ, конституціи, въ томъ же и въ прочихъ годахъ учиненныя.

Итакъ, милосердія ради Божія, именемъ всей братіи нашей, всенижайше прошу ваше корол. величество жалиться въ обидѣ не нашей, но Божіей. Уже отъ двадцати лѣтъ на каждомъ сеймикѣ, на каждомъ сеймѣ и главномъ съѣздѣ горькими слезами молимъ, но испросить не можемъ, дабы мы при правахъ и вольностяхъ нашихъ сохранены остались; дабы братія наша такихъ несправедливостей не претерпѣвали; дабы, по послѣдней мѣрѣ, нынѣшній митрополитъ и владыки въ послушаніе прямого своего въ вѣрѣ пастыря константинопольскаго патріарха, а имѣнія церковныя хотя не вдругъ за симъ, но непременно по измертвіи нынѣшнихъ владѣльцевъ къ законнымъ помѣщикамъ своимъ привращены были. Въ противномъ случаѣ (что да отвратитъ Богъ!), если совершенное успокоеніе на семъ сеймѣ и уврачеваніе толь тяжелыхъ язвъ не послѣдуетъ, то принужденныхъ себя увидимъ съ пророкомъ возопить: „суди мя Боже и разсуди прю мою“.

IV.

Изъ письма Льва Сапѣги, канцлера литовскаго (католика), къ Иосафату Кунцевичу, полоцкому уніятскому архіепископу, 1622 г., помѣщеннаго Бантышемъ-Каменскимъ въ его: «Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи», второе изд. въ Вильнѣ 1864, стр. 72—87, въ переводѣ Туманскаго, напечатанномъ въ Россійск. Магазинѣ въ С.-Петербургѣ 1793 г. «Иосафатъ», говоритъ Бантышъ (стр. 81), «пріѣхавшій въ 1623 г. въ Витебскъ, отъ тамошнихъ жителей мучительно былъ умерщвленъ». Уніаты причислили его къ святымъ римской церкви.

Преосвященнѣйшій владыко, архипастырѣ полоцкій! Не охотно бы вступилъ я съ вашимъ преосвященствомъ въ переписку и споры; но видя, сколь упорно вы во мнѣніи своемъ пребываете, что никакія возраженія васъ отъ онаго отвлечь не могутъ, принужденнымъ себя противъ воли своей теперь нахожу отвѣчать на неосновательное ваше письмо.

Безспорно, что я самъ объ уніи прилагалъ попеченіе, и оставить оное было бы неблагоразумно; но мнѣ никогда и въ мысль того не приходило, чтобы ваше преосвященство рѣшились приводить людей къ оной столь насильственными средствами. Всевышній приглашаетъ къ себѣ всѣхъ кротко; пріидите ко мнѣ вси и пр., но насиліемъ рабовъ влекомыхъ не требуетъ и не пріемлетъ. Вы же симъ неосмотрительнымъ усиліемъ

подвигли, и, такъ сказать, принудили народъ русскій ожесточиться и отвергнуть учиненную его королевскому величеству присягу ¹⁾. Трудно вамъ въ томъ запереться, когда уличаютъ васъ въ семь взнесенныхъ отъ нихъ письменно чиновачальникамъ польскимъ и великаго княжества литовскаго жалобы. Развѣ не извѣстны вамъ опыты неразеудительнаго народа и ихъ глашеніе, что они лучше желаютъ быть въ турецкомъ подданствѣ, нежели терпѣть толикое вѣры и благочестія ихъ приѣсеніе?²⁾

Въ разсужденіи Сагайдачнаго ²⁾ можно сказать, что сочиненіе его предрагоцѣнное; о тѣхъ же, кто вамъ увѣренія свои внушаетъ, буду предъ нимъ духъ лживъ; собственно же о васъ скажу: жалокъ тотъ, кто легковѣренъ; ибо совсѣмъ инако всѣ сіи обстоятельства обазываются въ выше мною упомянутыхъ жалобахъ; и на сеймахъ мало ли имѣемъ мы о томъ жалобъ отъ всей Украины, и отъ всей Руси, а не отъ нѣсколькихъ только чернецовъ? Не довольно того, что казаки ожидаютъ въ Кіевѣ рѣшенія о семъ въ комисіи, отъ короля назначенной; но въ томъ сила, кончится ли она въ пользу? Слѣдствія рѣшенія сей комисіи отверзаютъ намъ токмо надежду еще неизвѣстнаго блага. Слѣдственно, безразсудно гибельнымъ усиленіемъ прерывать и столь вождемѣнное согласіе, и чрезъ то должное королю повиновеніе... Вы, злоупотребленіемъ вашей власти, и поступки ваши, водимые паче тщеславіемъ и частію ненавистью нежели любовію къ ближнему, въ противность священнои воли даже и запрещенія республики были

¹⁾ Это выраженіе относится къ тѣмъ смутнымъ временамъ, когда въ Москвѣ случайно избранъ былъ царемъ польскій королевичъ Владиславъ.

²⁾ Гетманъ Запорожскій.

причиною и поджою тѣхъ опасныхъ искръ, которыя угрожаютъ всѣмъ намъ, или весьма пагубнымъ или всеистребительнымъ пожаромъ.

Вы пишете, что и политика имѣетъ къ нимъ уваженіе; а я прибавлю, что не токмо политика, но и государство; ибо отъ ихъ повиновенія больше государству пользы, нежели отъ вашей уніи.

Теперь обратимся къ дѣяніямъ вашего преосвященства. У васъ полны земскіе суды, полны магистраты, полны трибуналы, полны ратуши, полны владѣльческія канцеляріи позвовъ, тяжбъ, доносовъ, чѣмъ не токмо уніи утвердить не можно, но паче и послѣдній въ обществѣ союзъ любви расторгнется и наполнятся сеймы и всѣ правительства раздорами и заботами.

Говорите вы, что вѣра есть даръ Божій, но католическая, а не отщепившихся и проч., но безъ доказательства. Павелъ Святой къ онимъ словамъ: вѣра даръ Божій не присовокупилъ „католическая“; и кто знаетъ про себя, достоинъ ли любви или ненависти, когда и святое писаніе говоритъ: мнози званны, мало же избранныхъ. Продолжаете: что вольно вамъ уніатовъ топить, рубить имъ головы и проч. Нѣтъ, такъ съ ними поступать не должно; для того, что заповѣдь Господня строгое всѣмъ мстителямъ сдѣлала запрещеніе, которое и до васъ касается: мнѣ отпущеніе, азъ воздамъ. Такимъ (продолжаете) неприемлющимъ уніи сдѣлать бы во всемъ запрещеніе и изгнать бы изъ государства и пр. Да не содѣется сіе въ отечествѣ нашемъ, яко величайшее беззаконіе. Лучше и полезнѣе кажется бы было для общества сдѣлать разрывъ съ сею неугомонною союзницею; ибо мы никогда такихъ въ отечествѣ нашемъ не имѣли раздоровъ, каковы родила намъ сія благодивная уніа.

Могилевскіе, свазуете, жители имѣютъ отпер-

тѣя церкви, пускай въ оныхъ молятся и пр. Но опомнитесь, Бога ради, что у насъ за преимущество больше, нежели самого Христа? Христось не печаталь и не запираль церквей, такъ какъ вы сіе дѣлаете.

Отдавать, пишете, церкви на поруганіе и пр. Но печатать и запирать церкви и ругаться надъ кѣмъ либо есть толико же пагубное разрушеніе братскаго единомыслія и взаимнаго согласія. Но покажите, ваше преосвященство, кого вы приобрѣли? кого уловили такою вашею суровостію, толикою строгостію, печатаніемъ и запираніемъ церквей? И вмѣсто того откроется, что вы потеряли и тѣхъ, которые въ Полоцкѣ у васъ въ послушаніи были. Изъ овецъ сотворили вы ихъ козлищами, навлекли опасность государству, а можетъ быть, и гибель всѣмъ намъ католикамъ. Вмѣсто радости причинила намъ вапа столь лстящая уніа скорби, безпокойства и неустройства, и толико огорчительна, что лучше бы мы желали быть безъ нея; ибо ея причиною терпимъ мы всегдашнія безпокойства, огорченія и досады. Вотъ плоды вашей хвалимой уніи.

А по всему сему король приказываетъ церковь ихъ въ Могилевѣ распечатать и отпереть, о чемъ я по его повелѣнію къ вашему преосвященству и пишу. И если вы по сему моему напоминанію не исполните, то я по приказанію его королевскаго величества велю самъ оную распечатать и имъ отдать, дабы они, по благочестію своему, въ оныхъ церквахъ требы свои исправляли. Жидамъ и татарамъ не возбраняется въ областяхъ королевскихъ имѣть свои синагоги и мечети, а вы христіанскія печатаете церкви! По сему поводу и идетъ уже всюду поголовка, что они соглашаются лучше быть у невѣрныхъ турокъ въ подданствѣ, нежели терпѣть такое совѣсти своей притѣсненіе...

Новгородъ Сѣверскій, такожъ Стародубъ, Ко-

зелець и прочія многія крѣпости унія отъ насъ отторгнула, да и теперъ она же есть главная виновница, что народъ московскій отъ королевича устраняется, какъ сіе очевидно изъ русскихъ къ вельможамъ государственнымъ и прочимъ великаго княжества литовскаго чиновникамъ присланныхъ писемъ. И для того не желаемъ болѣе, чтобъ сія, толико для насъ пагубная унія, въ конецъ насъ разорила.

Сія суть на письмо ваше объясненія! Желая впредь остаться спокойнымъ отъ состязанія съ вами; а только прошу отъ Всевышняго самопомыслныхъ вамъ благъ, а кунно съ оными духа кротости и любви къ ближнему, пребывая съ моимъ почтеніемъ. Въ Варшавѣ, 12 марта 1622 года.

V.

Изъ Боплана: «Описание Украины», перев. съ французскаго
Ө. У. С.-Петербургъ 1832. (Подлинникъ Description d'Ukraine,
qui sont plusieurs provinces du Royaume de Pologne. Par le sie-
eur ds Beauplan. A Rouen 1660. Первое изданіе 1650, по словамъ
переводчика, и это второе такъ рѣдки, что почти невозможно
ихъ достать. Польскій переводъ Нѣмцевича, въ его: Zbiór ra-
miętnikow o dawnêy Polsce, T. III w. Warszawie 1822 стр.
336—407, съ пропусками и безъ всякихъ комментариевъ. При-
мѣч: Цифра въ скобкахъ въ началѣ строки означаетъ страницу
сочиненія.

(1) Кіевъ, называвшійся прежде „Кіюбією“, есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ европейскихъ: это до-
казываютъ и слѣды прежнихъ окоповъ его, и развалины
церквей, и древнія гробницы государей. Изъ старин-
ныхъ храмовъ до нынѣ уцѣлѣли только два—въ воспо-
минаніе временъ минувшихъ,—софійскій и михайлов-
скій; отъ прочихъ же остались однѣ развалины.

(5) Католики имѣютъ въ семь городѣ четыре храма:
каедральный, доминиканскій на рынкѣ, бернардинскій
подъ горою и съ недавняго времени іезуитскій. Жители
греко-россійскаго исповѣданія владѣютъ десятью хра-
мами, которые называются церквами. Одинъ изъ нихъ
съ университетомъ или академією, извѣстный подъ име-
немъ Братской-церкви, лежитъ близъ ратуши; другой

построенъ подъ замкомъ, если не ошибаюсь, во имя Св. Николая; остальные разсыяны по всему городу; названій ихъ не помню.

(4) Здѣсь получили начало свое мужественные витязи казаки запорожскіе, давно уже расселившіеся по Днѣпру и въ окрестностяхъ онаго; теперь насчитываютъ до 120,000 казаковъ, закаленныхъ въ битвахъ и всегда готовыхъ по первому приказанію, чрезъ недѣлю, выступить въ поле на службу королевскую. Это тѣ самые казаки, которые почти ежегодно на челнахъ своихъ разгуливаютъ по Эвксинскому Понту для нанесенія ударовъ туркамъ; неоднократно они грабили владѣнія крымскаго хана, опустошали Натолію, разорили Требизондъ, доплывали до Босфора, и даже въ трехъ миляхъ отъ Константинополя предавали все огню и мечу. Казаки возвращаются на родину съ богатою добычею и немногими плѣнниками, по большей части дѣтьми, которыхъ употребляютъ въ услуженіе или дарятъ польскимъ магнатамъ. Взрослыхъ же турокъ не берутъ, развѣ надѣются получить за нихъ дорогою окупъ. Число казаковъ, предпринимающихъ таковыя набѣги, не превышаетъ 6 или 10,000; нельзя надивиться, съ какою смѣлостью они переплываютъ море на изготовленныхъ ими же утлыхъ челнахъ, видъ и построеніе которыхъ я опишу въ другомъ мѣстѣ.

(8) Русское дворянство, которое впрочемъ въ Украинѣ не многочисленно, походитъ на польское и стыдится по видимому исповѣдывать иную вѣру, кромѣ католической, которая ежедневно приобрѣтаетъ въ немъ новыхъ приверженцевъ, не смотря на то, что всѣ вельможи и князья ведутъ родъ свой отъ русскихъ.

Крестьяне находятся въ жалкомъ положеніи: они принуждены три дня въ недѣлю ходить на барщину, и за землю, смотря по величинѣ участка, давать госпо-

дину нѣсколько четвериковъ хлѣба, нѣсколько паръ каплуновъ, куръ, цыплятъ и гусей. Оброкъ сей собирается около Пасхи, Духова дня и Рождества. Сверхъ того, они возятъ дрова на господскій дворъ, и исполняютъ тысячи другихъ изнурительныхъ и несправедливыхъ требованій, не говоря уже о денежномъ оброкѣ, о десятинѣ съ овецъ, свиней, меду и со всѣхъ плодовъ; по прошествіи же трехлѣтія, они отдають третьяго вола. Однимъ словомъ, все, что только ни понравится господамъ ихъ, крестьяне принуждены уступать; а потому и не удивительно, если сіи несчастные не имѣютъ у себя, какъ говорится, ни кола ни двора. Но это еще не все: помѣщики, отнимая имѣніе у крестьянъ, располагають произвольно и жизнію ихъ. Такъ неограниченны вольности польской шляхты! Она блаженствуетъ, какъ будто бы въ раю, а крестьяне мучатся, какъ въ чистилищѣ. Если же судьба пошлетъ имъ злаго господина, то участь ихъ тягостнѣе галерной неволи. Многіе отъ рабства спасаются бѣгствомъ; смѣлѣйшіе уходятъ въ Запорожье—главный притонъ казаковъ на Днѣпрѣ. Пробывъ тамъ нѣсколько времени, и совершивъ одинъ морской походъ, бѣглые крестьяне принимаются въ казацкіе круги, и такимъ образомъ увеличиваютъ легіоны ихъ до безконечности. Это подтверждается послѣднимъ возстаніемъ; около 200,000 казаковъ, послѣ разбитія ляховъ, стали подъ знамя бунта, и въ одинъ походъ завладѣли областію на 120 миль въ длину, и на 60 миль въ ширину.

(19) Ниже Конскаго острова лежитъ Князевъ островъ, который есть ни что иное, какъ скала, длиною отъ 500 до 600, а шириною до 100 шаговъ, безопасная отъ полноводія. Ниже на пушечный выстрѣлъ находится Койдакъ: здѣсь начинаются пороги, т. е. цѣпь скалъ, которая идетъ поперекъ Днѣпра и задерживаетъ судоход-

ство. На Койдакѣ въ іюлѣ 1635 года былъ заложенъ мною замокъ; но послѣ моего отъѣзда, въ августѣ мѣсяцѣ, нѣкто Солиманъ (Сулима) предводитель мятежныхъ казаковъ, возвращаясь съ моря и видя, что замокъ преграждаетъ ему путь, напалъ на оный врасплохъ и изрубилъ двухсотный гарнизонъ, состоявшій подъ начальствомъ полковника Маріона, родомъ француза. По заключеніи мира, послѣ сраженія при Кумейкахъ, 16 декабря 1637 г., Конецпольскій съ 4,000 воиновъ лично отправился въ Койдакъ, и оставался тамъ до того времени, пока крѣпость не была приведена въ оборонительное положеніе, т. е. около мѣсяца; потомъ удалился изъ крѣпости съ 2,000 солдатъ, а мнѣ приказалъ, подъ прикрытіемъ отряда съ нѣсколькими пушками, осмотрѣть всѣ Днѣпровскіе пороги, даже до послѣдняго, и возвратиться вмѣстѣ съ Остророгомъ, подчапимъ короннымъ, по Днѣпру на казацкихъ челнахъ.

Пользуясь симъ случаемъ, я обозрѣлъ 13 водопадовъ, которые означены мною на картѣ. (2.) На всемъ пространствѣ 13 пороговъ, татары могутъ переплывать чрезъ Днѣпръ въ одномъ только мѣстѣ, между 10-мъ Будилловымъ и 11-мъ Таволжанымъ. Начиная отъ перваго порога и до послѣдняго, я замѣтилъ только два острова, которые не потопляются водою. Одинъ лежитъ поперегъ четвертаго порога, называемаго Стрѣльчымъ, состоитъ изъ огромныхъ скаль. Другой островъ, гораздо болѣе перваго, состоитъ также изъ скаль, но не столь уже крутыхъ. Островъ сей называется Таволжанымъ, по имени 11 порога. На 13 порогѣ—Вольномъ—легко можно выстроить городъ или замокъ.

(23) На пушечный выстрѣлъ ниже сего порога лежитъ скалистый островъ, называемый казаками Кашеварницею. Отъ Кашеварницы до Кичкасовки, небольшая

рѣчка впадаетъ въ Днѣпръ или Борисеенъ со стороны Татаріи. На полмилю отъ Кичкасовской переправы лежитъ островъ Хортица. Я доѣзжалъ только до сего мѣста. По рассказамъ, островъ Хортица очень высокъ, почти со всѣхъ сторонъ окруженъ утесами, слѣдовательно безъ удобныхъ пристаней. Далѣе находится Великій островъ, длиною около 2 миль, впрочемъ мало замѣчательный. Противъ него съ татарской стороны впадаютъ въ Днѣпръ Конскія воды, рѣчка быстрая, которая соединяется совершенно съ Днѣпромъ въ двухъ миляхъ отъ Тавана.

Высокій и почти круглый островъ Томаковка имѣетъ видъ полушара. Тамъ укрывался Хмельницкій, когда поляки грозили схватить его; тамъ же собирались казаки, когда, въ маѣ мѣсяцѣ 1648 года, они возмутились, и 26 мая одержали побѣду на поляхъ корсунскихъ.

(26) Нѣсколько ниже рѣки Чертомлыка, почти на срединѣ Днѣпра, находится довольно большой островъ, съ древними развалинами, окруженный со всѣхъ сторонъ болѣе, нежели 10.000 острововъ, которые разбросаны неправильно, безпорядочно; почву имѣютъ иные сухую, другіе болотистую, всѣ заросли камышемъ, возвышающимся подобно пикамъ, и закрывающимъ протоки между островами. Сіи-то многочисленныя острова служатъ притономъ для казаковъ, которые называютъ ихъ „Войсковою скарбницею“, т. е. казною. Въ Войсковой скарбницѣ казаки строятъ также челны свои, на которыхъ разгуливаютъ по Черному морю.

(28) Черезъ рукавъ Таванъ пролегаетъ главная татарская переправа. Между Кичкасовымъ и Очаковымъ, татары переправляются въ пяти мѣстахъ. Очаковъ принадлежитъ туркамъ, находится при устьѣ Днѣпровскомъ (по турецки Джіанкрименда) и служитъ пристанищемъ для галеръ, которыя, препятствуя казакамъ выѣзжать

въ Черное море, стерегутъ устье Борисеена. Впрочемъ тамъ нѣтъ гавани, а находится только якорное мѣсто.

(33) Буджакъ,—равнина между Бѣлгородомъ и Ки-
лією, длиною въ 12, а шириною отъ 5 до 6 миль, слу-
жить пристанищемъ своевольнымъ татарамъ, которые
не хотятъ признавать власти ни хана крымскаго, ни
султана турецкаго. Они имѣютъ отъ 80 до 90 селеній,
разъѣзжаютъ непрерывно по степямъ, грабятъ, берутъ
въ плѣнъ христіанъ, продаютъ ихъ въ галерную неволю.

(36) Крымъ есть полуостровъ, лежащій на Черномъ
морѣ, къ югу отъ Московіи; онъ населенъ татарами.
Это тѣ самые татары, которые нерѣдко, въ числѣ 80.000
всадниковъ, вторгаются къ Польшу и Московію, жгутъ,
грабятъ, уводятъ въ плѣнъ отъ 50 до 60.000 россиянъ
и продаютъ ихъ въ неволю. Татары живутъ однимъ
только грабежомъ.

Въ Бахчисараѣ живетъ ханъ; тамъ не болѣе 2.000
домовъ.

(38) Кафа есть столица Крыма, и мѣстопребываніе
турецкаго губернатора. Татаръ въ ней немного; жители
большею частію христіане, которые для прислуги поку-
паютъ у крымцевъ невольниковъ, уводимыхъ изъ Польши
и Московіи. Городъ сей имѣетъ 12 церквей греческихъ,
32 армянскихъ и 1 католическую (во имя Св. Петра);
отъ 5 до 6.000 домовъ и болѣе 30,000 невольниковъ (въ
Крымѣ нѣтъ другой прислуги кромѣ рабовъ).

(41) Татары, подобно собакамъ и другимъ животнымъ,
родятся слѣпые ¹⁾. Здѣсь рѣчь идетъ о двухъ поколѣ-
ніяхъ татарскихъ: нагаяхъ и крымцахъ. Послѣдніе, какъ
мы уже сказали, населяютъ полуостровъ Чернаго моря,
извѣстный подъ названіемъ Таврической Скифіи. Нагаи

¹⁾ Любопытно знать, почему авторъ не сказалъ, на который
день отъ рожденія они дѣлаются зрячими!

кочуютъ между Дономъ и Кубанью; нѣкоторые признаютъ власть хана Крымскаго, другіе повинуются москвитянамъ, иные же независимы.—Нагаи не столь великодушны какъ крымцы; крымцы же не столь храбры какъ буджакцы.

(43) Татары вооружены саблею, лукомъ и колчаномъ съ 18 или 20 стрѣлами; на поясѣ виситъ ножъ, огниво для добыванія огня, шило и 5 или 6 сажень ременныхъ веревокъ, для вязанія плѣнниковъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ Нирембергскій квадрантъ. Одни только зажиточные носятъ кольчуги, прочіе же отправляются на войну просто. Получивъ отъ султана повелѣніе вторгнуться въ Польшу, ханъ собираетъ тысячъ до осьмидесяти всадниковъ, если самъ намѣренъ громить непріятельскія области; если же посылаетъ мурзу, даетъ ему около 40 или 50.000. Походы предпринимаютъ всегда зимою, и обыкновенно въ началѣ января, чтобы не встрѣтить дорогою какихъ либо препятствій, и чтобы рѣки или болота не затруднили ихъ переходовъ.

(49) Фронтъ татарскаго войска, занимая отъ 800 до 1000 шаговъ, состоитъ изъ сотни всадниковъ или 300 коней (при каждомъ татаринѣ находится по двѣ заводныя лошади), въ глубину же оно имѣетъ отъ 800 до 1000 коней, и занимаетъ около 3 или 4 миль, а во время похода растягивается миль на десять. Для невидавшаго татаръ будетъ непонятно, какъ 80.000 всадниковъ могутъ имѣть болѣе 200.000 лошадей: не столь часты деревья въ лѣсу, какъ татарскіе кони въ полѣ.

(51) Настигнутые поляками они отступаютъ уже не шагомъ. Разоривъ и опустошивъ область непріятельскую татары удаляются въ степи миль на 30 или на 40 отъ границы, останавливаются въ безопасномъ мѣстѣ, отдыхаютъ, и приводятъ въ порядокъ свое войско, если встрѣча съ поляками разстроила оное. Во время

сего роздыха, продолжающагося около недѣли, они собираютъ и дѣлятъ между собою добычу, состоящую изъ плѣнниковъ и домашняго скота.

(52) Теперь опишемъ лѣтнія нападенія татаръ на Польшу. Войско многочисленное легко можетъ быть открыто въ сіе время года; а потому татары отправляются на добычу только въ числѣ 10 или 20,000 всадниковъ, которые за 20, а иногда и за 30 миль отъ границы польской, раздѣляются на 10 и 12 отрядовъ въ 1,000 лошадей каждый. Сіи набѣги производятся татарскою вольницею, живущею по буджакской равнинѣ, между устьями Днѣстра и Дуная. Она не повинуется ни хану крымскому, ни султану турецкому. Въ мое время число бѣглецовъ или изгнанниковъ въ Буджакѣ простиралось до 20,000. Буджакскіе татары, занимаясь безпрестанно войною, храбрѣе крымскихъ и искуснѣе въ наѣздничествѣ. На равнинахъ между Буджакомъ и Украиною обыкновенно раздѣзжаютъ 8 или 10,000 челоуѣкъ сей вольницы, которые, раздѣляясь на отряды въ 1,000 всадниковъ, удаленные одинъ отъ другаго на 10 или 12 миль, гарцуютъ по степямъ и ищутъ добычи. Посему казаки, зная какая опасность ожидаетъ ихъ въ степяхъ, переходятъ оными въ таборѣ или въ караванѣ, т. е. между двумя рядами телѣгъ, замыкаемыхъ спереди и сзади 8 или 10 повозками; сами же съ дротиками, пищалями и косами на длинныхъ ратовицахъ идутъ посреди табора, а лучшіе наѣздники—вокругъ онаго. Сверхъ того, во всѣ четыре стороны, на $\frac{1}{4}$ мили, высылаютъ по одному казаку для наблюденія.

(57) Если татары не въ силахъ отразить саблями натиска поляковъ, то рассыпаются подобно мухамъ въ разныя стороны, пуская стрѣлы на всемъ скаку, и такъ мѣтко, что въ 60 и даже во 100 шагахъ попадаютъ въ непріятеля. Поляки не могутъ ихъ настигнуть,

имѣя коней не столь быстрыхъ и поворотливыхъ, какъ татарскіе; а татары, отскакавъ на $\frac{1}{4}$ мили, соединяются, встрѣчаютъ ляховъ строемъ, и, при нападеніи ихъ, снова разсыпаются, пуская стрѣлы по прежнему на всемъ скаку чрезъ лѣвое плечо (чрезъ правое стрѣлять не умѣютъ).

(62) Задумавъ погулять на морѣ, казаки испрашиваютъ дозволенія не у короля, а у гетмана; потомъ составляютъ раду, т. е. военный совѣтъ, и выбираютъ походнаго атамана, такъ точно, какъ и главнаго вождя. Впрочемъ атаманъ походный ставится на время. Послѣ сего они отправляются въ войсковую скарбницу— сборное свое мѣсто; строятъ тамъ челны, длиною въ 60, шириною отъ 10 до 12, а глубиною въ 12 футовъ. Челны сіи безъ кила: дно ихъ состоитъ изъ выдолбленнаго бревна ивоваго или липоваго, длиною около 45 футовъ; оно обшивается съ боковъ на 12 футовъ въ высоту досками, которыя имѣютъ въ длину отъ 10 до 12, а въ ширину 1 футъ, и приколачиваются одна къ другой такъ точно, какъ при постройкѣ рѣчныхъ судовъ, до тѣхъ поръ, пока челнъ не будетъ имѣть въ высоту 12, а въ длину 60 футовъ. Длина его постепенно увеличивается къ верху. Челны казацкіе плывутъ на греблѣ скорѣе турецкихъ галеръ. Ставится также и мачта, къ которой привязываютъ въ хорошую погоду довольно плохой парусъ, но при сильномъ вѣтрѣ казаки охотнѣе плывутъ на веслахъ. На челнъ садится отъ 50 до 70 казаковъ, изъ коихъ всякій имѣетъ саблю, двѣ пищали, 6 фунтовъ пороха, достаточное количество пуль и квадрантъ; туда же владутъ ядра для фальконетовъ и необходимые жизненные припасы. Казаки, пользуясь и временемъ и обстоятельствами, чрезъ 36 или 40 часовъ по выходѣ изъ Днѣпра, причаливаютъ

къ берегамъ Натоліи, и оставивъ для караула на каждой лодкѣ по два товарища и по два мальчика, вооруженные пищалями дѣлають высадку, нападаютъ врасплохъ, приступомъ берутъ города, грабятъ, жгутъ, опустошаютъ Натолію, нерѣдко на цѣлую милю отъ морскаго берега; потомъ немедленно возвращаются къ судамъ, нагружаютъ ихъ добычею, и плывутъ далѣе на новые поиски. Казаки выходятъ на морскіе поиски послѣ Иванова дня, а возвращаются не позже первыхъ чиселъ Августа мѣсяца.

(103) Избраніе покойнаго короля Владислава продолжалось 15 дней, и во все это время 80,000 вооруженныхъ всадниковъ, находившихся въ услуженіи сенаторовъ, окружали мѣсто избранія: ибо каждый сенаторъ имѣлъ отрядъ войска, болѣе или менѣе многочисленный, смотря по его силѣ; воевода краковскій привелъ на сеймъ около 7,000 всадниковъ. Это происходитъ отъ того, что сенаторы отправляются на сеймъ въ сопровожденіи друзей своихъ и слугъ, хорошо вооруженныхъ и готовыхъ въ случаѣ раздоровъ поддержать свою сторону саблями.

(110) Шляхтичъ, получивъ обиду въ частной распрѣ, не обязанъ вызывать соперника на поединокъ и шпагою требовать удовлетворенія; вмѣсто сего оскорбленный собираетъ какъ можно болѣе друзей и храбрыхъ слугъ, выѣзжаетъ съ ними въ поле, нападаетъ тамъ на соперника, и если можетъ, бьетъ его. Враги кладутъ оружіе не прежде, какъ порядочно подравшись, если общіе друзья не успѣють примирить ихъ, и вмѣсто сабель податъ огромные кубки съ токайскимъ, которымъ они пьютъ здоровье другъ друга.

Паны-шляхта, по примѣру владѣтельныхъ князьковъ, могутъ вносить короны въ гербы свои, лить по жела-

нію пушки и строить по состоянію крѣпости: ни король, ни республика не вправѣ запретить сей вольности. Одного недостаетъ имъ чтобы сравняться съ коронованными главами—права бить монету, которая прежде чеканилась отъ имени республики, а теперь, отъ имени короля.

(111) Нельзя осудить шляхтича на смерть за умерщвленіе крестьянина чужаго помѣщика: убійца по законамъ платитъ только 40 гривенъ (въ гривнѣ 32 су) пени въ пользу наслѣдниковъ убиеннаго. Въ случаѣ смертоубійства, для осужденія крестьянина достаточно свидѣтельства двухъ шляхтичей; но для улики шляхтича потребно не менѣе 14 свидѣтелей изъ крестьянъ.

(112) Шляхта, какъ мы сказали, вообще богата; но въ Мазовіи, гдѣ она составляетъ шестую часть народонаселенія, шляхтичи ведутъ жизнь горькую, и не стыдятся ходить за сохою, или прислуживать вельможамъ. Впрочемъ, гораздо благороднѣе пахать и служить вельможѣ, нежели сидѣть на козлахъ, на что рѣшаются только самые безмозглые шляхтичи. Двое изъ сихъ шляхтичей, хорошей фамиліи, нѣсколько лѣтъ служили у меня въ кучерахъ, когда я былъ въ Польшѣ старшимъ капитаномъ артилеріи и королевскимъ инженеромъ.

(114) Шляхтичи польскіе почтительны и услужливы предъ высшими воеводами и коронными чиновниками; учтивы и ласковы съ равными себѣ соотечественниками; горды и несносны съ низшими; съ иноземцами же, коихъ въ Польшѣ впрочемъ не много, обходительны, хотя и неохотно принимаютъ ихъ въ свое общество.

(116) Вельможи владѣютъ огромнымъ богатствомъ; нѣкоторые изъ нихъ получаютъ ежегодно до 800.000 ливровъ (съ 6 ливрахъ, или въ ѳсу, 1 р. 45 к.) съ однѣхъ

вотчинъ, не говоря уже о тѣхъ, которые имѣютъ коронныя помѣстья, занимающія шестую часть всего королевства. Паны - шляхта приобрѣтаютъ столь огромныя богатства отъ того, что польскіе земледѣльцы лишены права владѣть наслѣдственными землями: все принадлежитъ шляхтѣ.

Отправляясь на войну, польскіе шляхтичи вооружаются такъ странно, что если бы они явились въ нашемъ войскѣ—французы имѣли бы довольно пищи для своего любопытства, но не очень испугались бы, хотя поляки съ ногъ до головы обвѣшаны смертоноснымъ оружіемъ. Я опишу вамъ вооруженіе Дежинскаго, ротмистра одной роты казаковъ, т. е. всадниковъ, имѣющихъ луки и стрѣлы; сабля его была опоясана по кольчугѣ, голова покрыта желѣзнымъ шишакомъ, закрывавшимъ и шею; чрезъ плечо висѣлъ карабинъ, иногда же вмѣсто его лукъ и колчанъ; къ поясу прицѣплены были шило, ножъ, полдюжины серебряныхъ ложекъ въ красной сафьянной сумкѣ, огниво—для добыванія огня, также для точенія ножа и сабли; за поясомъ заткнутъ былъ пистолеть. Сверхъ того, парадный платокъ, гибкая кожаная баклага, величиною въ шопинъ, для черпанія воды въ походѣ, калита, или большая красная суконная сума съ писмами, бумагами, гребенками, деньгами; ременная нагайка и двѣ или три сажени шелковаго шнура, толщиною въ мизинець, для вязанія плѣнниковъ, коихъ г. ротмистръ могъ взять; все это привязано было къ поясу съ правой стороны; а сабля висѣла съ лѣвой. Кромѣ того онъ имѣлъ рогъ для спуску насосовъ у своихъ лошадей. Къ сѣдлу, съ правой стороны, привязана была деревянная баклага, величиною въ полведра, для поенія коня, и три ременныхъ пута, для спутыванія его во время корма. Если ротмистръ снималъ съ себя лукъ и бралъ карабинъ, то привѣшивалъ

еще кожаную лягушку съ патронами для карабина и для пистолета, ружейную отвертку и рогъ съ порохомъ. Судите сами, можетъ ли свободно сражаться всадникъ, обремененный такими вещами.

Гусары, т. е. копейщики, обыкновенно самые богатые изъ шляхты, получающіе дохода до 50.000 ливровъ, имѣютъ коней превосходныхъ, турецкой породы, приводимыхъ изъ Кармеліи, области Натольской; самая плохая гусарская лошадь стоитъ не менѣе 200 червонцевъ. Каждый гусаръ выводитъ въ поле пять коней, такъ что сотенный эскадронъ состоитъ только изъ 20 товарищей, которые становятся въ переднюю линію; позади же ихъ въ четыре линіи выстраиваются слуги. Копье гусарское имѣетъ въ длину 19 футовъ; копейцо онаго, въ срединѣ пустое, насаживается на древко изъ твердаго дерева; къ концѣ привязывается значокъ отъ 4 до 5 локтей длиною, изъ матеріи бѣлой и красной или синей и зеленой, черной и бѣлой, непременно двухъ цвѣтовъ. Когда гусары, взявъ копье на перевѣсь, понесутся на враговъ, значки, извиваясь около копій, пугаютъ непріятельскихъ лошадей. Гусары надѣваютъ латы, поручники, набедренники, шлемы и проч.; опоясываются саблею; подъ лѣвымъ бедромъ, къ сѣдлу, привязываютъ палаши, а съ правой стороны длинную и широкую шпагу, которая, суживаясь постепенно отъ ефеса, оканчивается четырехграннымъ остриемъ: ею прикалываютъ сбитаго съ лошади непріятели. Она имѣетъ въ длину около 5 футовъ и круглую тяжелую рукоятку для того, чтобы удобнѣе пронзить панцырь врага и приколоть его къ землѣ. — Палашомъ гусары рубятъ непріятели, а саблею разсѣкаютъ латы его. Сверхъ того они имѣютъ бердыши съ длиною рукояткою, вѣсомъ около 6 фунтовъ, и раздробляютъ симъ оружіемъ шлемъ и латы.

(119) Пирь и угощенія еще болѣе отличаются отъ пировъ и угощеній другихъ народовъ. Вельможи болѣе всѣхъ тщеславятся; паны же, богатые и бѣдные, каждый по мѣрѣ силъ, старается угостить какъ можно великолѣпнѣе. Сіи пирь особенно бывають роскошны во время варшавскихъ сеймовъ, въ свободные дни отъ засѣданій; тогда знатные вельможи и коронные сановники издерживають по 50.000 и даже по 60.000 ливровъ. Обыкновенно пригласяются на пиръ четыре или пять сенаторовъ; къ нимъ присоединяются иногда послы иностранные, находящіеся при королевскомъ дворѣ. Такое число гостей несоразмѣрно съ издержками, употребляемыми на угощеніе; но каждый изъ сенаторовъ приводитъ съ собою 12 или 15 пановъ, такъ что нерѣдко 70 или 80 человѣкъ садятся за обѣдъ.

Три стола, длиною около 100 футовъ, сдвигаются концами—наугольникомъ; ихъ накрываютъ тремя тонкими и прекрасными скатертями; столовый сервизъ весь серебряный вызолоченный; на каждую тарелку кладется хлѣбъ подъ салфеткою, величиною не больше носоваго платка, ложка, но безъ ножа. Столы, накрытые такимъ образомъ, ставятся въ большой и просторной залѣ, на одномъ концѣ коей находится буфетъ, украшенный множествомъ великолѣпнаго серебра и обнесенный перилами, за которыя имѣеть право входить одинъ дворецкій съ своими прислужниками. Въ буфетѣ нерѣдко можно видѣть восемь или десять перемѣнъ серебряныхъ блюдеъ, и такое множество тарелокъ, что онѣ стоятъ въ вышину человѣка, хотя люди въ Польшѣ и немалорослые. Противъ буфета, обыкновенно надъ дверями, построены хоры, на которыхъ располагаются музыканты съ разными инструментами, и пѣсенники. Когда поставятъ на столъ множество блюдеъ съ разными кушаньями, приглашаютъ пановъ въ столовую; среди оной ждуть

ихъ четыре шляхтича: двое держатъ серебряный вызолоченный тазъ, имѣющій болѣе трехъ футовъ въ диаметрѣ, и соразмѣрный къ оному рукомойникъ, также серебряный вызолоченный. Они подходятъ къ панамъ, и подавъ имъ умыть руки, уступаютъ мѣсто двумъ другимъ шляхтичамъ, которые держатъ за концы полотенце длиною въ три локтя, и предлагаютъ оное панамъ для утирки рукъ. Послѣ сего хозяинъ и дворецкій просятъ гостей сдѣлать честь трапезѣ и разсаживаютъ ихъ по достоинствамъ и чинамъ. За обѣдомъ прислуживаютъ гостямъ крайчіе, коихъ при каждомъ столѣ находится по три; они подчуютъ гостей поставленными на столахъ кушаньями, изготовленными и приправленными въ польскомъ вкусѣ. Мяса разрѣзываются большими ломтями, чтобы гости могли удобнѣе брать оныя, смотря по своему апетиту, и подаются съ подливомъ, который бываетъ четырехъ сортовъ. Гости кушаютъ, смотря по своему апетиту, мяса съ подливами. По мѣрѣ того, какъ блюда очищаются, подаются другія, наприкладъ, кусокъ свиного сала подъ соленою капустою, или подъ просомъ, или съ варенымъ тѣстомъ. Послѣ первой перемѣны блюдо, подается вторая перемѣна; она состоитъ изъ жаркихъ. Между второю перемѣною и десертомъ подносятся разные фрикасе, и подъ гороховымъ отваромъ большой кусокъ свиного сала: каждый гость отдѣляетъ отъ него часть на свою долю, разрѣзываетъ на кусочки, величиною въ игорную кость, беретъ ихъ ложкою съ гороховымъ отваромъ, и не жуя глотаетъ. Это кушанье самое лакомое для поляковъ: они почли бы себя худо угощенными, если бы не было подано къ концу обѣда сего лакомства, равно какъ пшенной или ячневой каши (по голландски gru) съ масломъ, пироговъ, начиненныхъ сыромъ, и гречневыхъ, небольшихъ лепешекъ въ маковомъ молокѣ. Послѣ второй перемѣны

снимають среднюю скатерть и становятъ десертъ, смотря по обстоятельствамъ и по времени года: сметану, творогъ и другія кушанья, коихъ теперъ не припомню. Вообще кухня польская далеко уступаетъ нашей, но зато поляки умѣютъ лучше всѣхъ народовъ готовить рыбу: поляки готовятъ ее такъ вкусно, что въ самомъ сытомъ возбуждаютъ невольный аппетитъ. Впрочемъ это и не удивительно: поляки не жалѣютъ ни вина, ни масла, ни кореньевъ, ни пряностей, ни другихъ подобныхъ приправъ, которыми даже посредственный поваръ можетъ со вкусомъ приготовить рыбное блюдо. Паны, въ продолженіи обѣда, чтобы не лишиться аппетита, пьютъ немного, и одно только пиво, которое наливаютъ въ высокіе цилиндрическіе стаканы; въ пиво кладется хлѣбъ, поджаренный на маслѣ. Мы уже замѣтили, что блюда первой и второй перемены снимаются со стола почти пусты, хотя гости и немного кушаютъ. Это совершенно справедливо; за стуломъ каждаго гостя стоятъ по два служителя; отдавая имъ тарелку для перемены, господинъ накладываетъ на нее кушанья, слуги же, отходя въ уголъ, съѣдаютъ, или лучше сказать пожираютъ подачу, шумятъ и безчинствуютъ, а господа, по привычкѣ, не обращаютъ на это вниманія. Такимъ образомъ паны наѣдаются досыта за столомъ, а слуги ихъ обжираются по угламъ. Послѣ сего пирующие начинаютъ пить здоровье другъ друга, только уже не пивомъ, а превосходнымъ и лучшимъ въ мірѣ виномъ. Трудно повѣрить, какъ много его тратится: вотъ почему обѣды въ Польшѣ такъ дороги; каждая пинта вина стоитъ четыре ливра; притомъ же смотрятъ болѣе на доброту его, нежели на рѣдкость. Панъ, выпивъ за здоровье одного изъ собесѣдниковъ, подаетъ ему свой кубокъ, наполненный виномъ; тотъ отплачиваетъ ему такую же учтивостью. Гости безъ труда исполняютъ сію

обязанность, и не нуждаются болѣе въ помощи слугъ: ибо столъ бываетъ уставленъ большими серебряными и хрустальными кубками, которые наполняются и осушаются непрерывно. Когда пройдетъ часъ или часа два въ семь пріятномъ занятіи, любопытно взглянуть на множество кубковъ съ виномъ, стоящихъ предъ каждымъ изъ пирующихъ: выпить все невозможно. Четвероугольные, треугольные; круглые и продолговатые кубки и бокалы двигаются въ разныхъ направленіяхъ, такъ что едва ли самыя планеты имѣютъ такое беспорядочное движеніе. Это должно приписать дѣйствию блага вина—напитка, одареннаго непонятною силою. Проведя около четырехъ или пяти часовъ въ столъ знаменитыхъ и не менѣе трудныхъ подвигахъ, одни изъ пирующихъ, утомленные виномъ, засыпаютъ, другіе выходятъ на свѣжій воздухъ, и возвращаются съ новыми силами на состязаніе, а иные рассказываютъ о прежнихъ побѣдахъ своихъ надъ соперниками пиршествъ. Впрочемъ, подвиги пановъ ничтожны въ сравненіи съ дѣлами ихъ слугъ. Мало того, что сіи послѣдніе очищаютъ за обѣдомъ блюда, они еще разоряютъ хозяина во время попойки: выпиваютъ вдесятеро противъ господъ и дѣлаютъ неслыханныя нахальства, вытирая замаранныя грязныя тарелки драгоценными обоями, и даже откидными рукавами контушей своихъ господъ, не оказывая уваженія ни къ нимъ самимъ, ни къ ихъ прекрасному платью. Въ добавокъ къ тому напиваются до нельзя. Паны, слуги, музыканты, словомъ—для всѣхъ море по колѣно; одни только служители, коимъ ввѣрено серебро, нѣсколько воздерживе—по обязанности смотрѣть, чтобы никто не ушелъ изъ дома, прежде собранія серебряной посуды. Впрочемъ и они не любятъ дремать, забываютъ свое серебро и рѣдкій пиръ проходитъ безъ пропажи.

VI.

Извлечение изъ Лабурёра: Histoire et relation du voyage de la Roynie de Pologne et du retour de Madame la Maréchale de Guébrián (Исторія и описаніе путешествія польской королевы и возвращенія гомаршалши де Гебрианъ), par Jean Le Laboureur. Paris, 1648. Путешествіе это польской королевы Маріи Гонзаго, второй жены Владислава IV, изъ Парижа въ Варшаву относится къ 1645—1646 годамъ.

(I. 207). Въ продолженіе всей Страстной недѣли, мы были свидѣтелями чрезвычайной набожности поляковъ, и въ особенности простаго народа, который бичуетъ себя въ церквахъ. Всякую субботу Великаго поста, они не упустили бичевать себя, но съ среды Страстной недѣли до Свѣтлаго воскресенья жалко было смотрѣть на то, какъ они, компаніями отъ пятидесяти до сотни человекъ, слѣдовали за распятіемъ, съ окрашенной кровью плетью на боку; не одна плеть имѣла на концахъ своихъ желѣзный наконечникъ; они горланили ужасно на улицахъ и отыскивали церкви днемъ и ночью съ отвратительными смоляными факелами въ рукахъ. На головѣ у нихъ былъ капюшонъ съ отверстіями для глазъ, одежда изъ бѣлаго холста или чернаго, на которомъ красовалось изображеніе костей человѣческихъ и бѣлой адамовой головы со словами: Memento mori. Въ великую пятницу, они, между прочимъ, постоянно бичевали себя въ церквахъ города и предмѣстій, куда приходили съ

молитвой: *Iesus pius, Iesus fortis, Deus immortalis miserere nobis.* (Святый Иисусе, Иисусе крѣпкій, Боже безсмертный помилуй насъ). Затѣмъ ложились они брюхомъ на землю, и прикладывались къ распятію; потомъ вставали, обнажали голыя плечи, и съ яростью бичевали себя во все время пѣнія плачевнаго *Miserere*; на многихъ раны были глубиною въ палець. Чтѣ происходило въ городѣ, то дѣлалось и въ деревняхъ, но еще съ бѣльшею яростью; съ галереи варшавскаго замка мы видѣли по ту сторону Вислы пылающіе огнемъ факелы, и тысячи такихъ процессій, совершающихся при страшныхъ вопляхъ. Я очень жалѣлъ ихъ плечъ, еще болѣе ихъ суевѣрія: ибо они думали, что достигнуть скорѣе царства небеснаго, бичуя себя подобнымъ образомъ, и не ѣдя масла во время поста, въ чемъ они такъ набожны, что иного скорѣе можно убить, нежели къ тому принудить. Существуетъ и народный обычай давать себѣ пощечины на обѣднѣ, во время возношенія Святыхъ-тайнъ, чтѣ заставляетъ улыбаться тѣхъ, кто имѣетъ столь же искреннюю вѣру, хотя и не въ такой степени наружную. Полагаю, что король Генрихъ III именно отсюда вывезъ этотъ обычай покаянія, который производилъ такіа набожныя комедіи, за чтѣ этотъ добрый монархъ подвергся презрѣнію.

(208). На Святой недѣлѣ гофмаршалша Гебрианъ имѣла у короля двѣ аудіенціи. Она отдала прощальныя визиты всѣмъ принцессамъ, придворнымъ дамамъ, и посѣтила еще разъ нунція, венеціанскаго посланника, и высшихъ государственныхъ сановниковъ, дѣлавшихъ ей пріемъ, между прочимъ князя Радзивилла, великаго канцлера короннаго, вице-канцлеровъ, и в. маршалка Казановскаго. Этотъ послѣдній велѣлъ себя снести на креслѣ внизъ къ крыльцу и хотѣлъ видѣть, какъ она подыметъ вверхъ. Во внутреннихъ покояхъ выстроены

были въ два ряда 300 вооруженныхъ гайдуковъ, а его самого окружало слишкомъ пятьдесятъ шляхтичей въ кафтанахъ изъ желтаго атласа, съ голубыми атласными епанчами, и множество другихъ постарше (такъ какъ первые были пажи), наряженныхъ какъ подобаетъ первымъ магнатамъ. Италия, гдѣ мы послѣ этого побывали, не имѣетъ въ себѣ ничего до такой степени великолѣпнаго и соответствующаго достоинству великаго государя. Признаюсь, я былъ ослѣпленъ, и казалось мнѣ, что меня во снѣ перенесли въ очарованный замокъ. Одно только меня удивило болѣе всѣхъ этихъ чудесъ, когда я вошелъ въ одну изъ комнатъ: это были двѣ чрезвычайно маленькія карлицы, которыя, стоя подобно часовымъ, наблюдали за двумя маленькими собаченками, тоже карлами въ своемъ родѣ; ростомъ собаченки были съ мышь, и лежали въ бѣлой корзинкѣ, величиною немного болѣе руки, на раздушенной бѣлой атласной подушкѣ; услышавъ какъ мы вошли въ комнату, собаченки вскочили съ лаемъ и потомъ вернулись на свое мѣсто, по данному знаку одной изъ карлицъ. Эта послѣдняя была замужемъ; мужа ея мнѣ показали: онъ ростомъ не выше своей супруги, но не такъ строенъ и нѣсколько тучень.

(II. 10). Польскій король точно какъ ичелиная матка: у него нѣтъ жала и онъ не можетъ дѣлать зла своимъ подданнымъ, но много можетъ дѣлать имъ добра, потому что епископства, абатства и всѣ свѣтскія достоинства воеводъ, сенаторовъ, канцлеровъ, каштеляновъ, старостъ и вообще первыя должности по дѣламъ военнымъ, финансамъ; юстиціи и полиціи, зависятъ отъ его назначенія, и онъ замѣщаетъ ихъ по своему усмотрѣнію, при открывшейся ваканціи. Онъ жалуетъ также право гражданства въ большихъ городахъ. А такъ какъ его доходы

не такъ велики какъ другихъ монарховъ, за неимѣніемъ права вѣзять какіе либо налоги для своихъ нуждъ, то онъ не можетъ давать большаго содержанія своей супругѣ. Поэтому, обыкновенно тѣ, кому достается вакантное мѣсто, приносятъ въ даръ королямъ доходъ за годъ или за два съ пожалованнаго мѣста; приличнѣе получить это королевѣ, нежели королю.

Доходы короля прежде были значительнѣе; каждый дымъ (домъ) платилъ ему извѣстный чиншъ; теперь этимъ пользуются шляхта и духовенство въ своихъ имѣніяхъ. Отъ мыта и пошлинъ мало приходится на его долю.

Главный доходъ его въ королевской Пруссіи, гдѣ у него есть управляющій. Кромѣ того, онъ получаетъ часть доходовъ съ соляныхъ копей, съ золотыхъ (?) и серебряныхъ рудниковъ и съ другихъ металловъ, да съ рыбныхъ ловлей, а прежде и съ права охоты; сверхъ того двѣ трети доходовъ съ Ливоніи и подать съ жидовъ, которые несутъ расходы на содержаніе королевскаго двора, на починку его дворцовъ и даже на свадебныя издержки дѣтей короля и его сестеръ, что и заставляетъ ихъ покровительствовать.

(46). Преступленія, совершаемыя въ Рѣчи-посполитой, не проходятъ безнаказанно, за исключеніемъ только одного случая, который очень рѣдокъ, и подвергающіеся взысканію такъ добродушны, что они своимъ правомъ не злоупотребляютъ. Дѣло въ томъ, что шляхтичъ, убивши простолюдина, можетъ погасить искъ со стороны родственниковъ убитаго взносомъ незначительной денежной пени. Можно бы считать предосудительнымъ право шляхты убивать своихъ холоповъ и слугъ; но надо принять во вниманіе, что правомъ этимъ шляхтичъ пользуется рѣдко, да оно и не запрещено положительно закономъ:

это уже политическій расчетъ сохранятьъ власть господъ надъ чернымъ людомъ, который они должны держать въ покорности и страхѣ. Пользуются господа кромѣ того и слѣдующей привилегіей, которую, конечно, можно было бы осудить, если бы ею пользовались въ полной мѣрѣ. Привилегія эта состоитъ въ томъ, что помѣщики, приѣзжая въ деревню, могутъ останавливаться въ той крестьянской избѣ, которая имъ понравится; тамъ они ѣдятъ и пьютъ все, что ни встрѣтятъ, и располагаются съ частью своихъ лошадей, а остальную свиту съ лошадьми отсылаютъ къ другому хозяину; но все это дѣлается безобидно: господа привозятъ съ собою постель въ повозкахъ, также вино, множество соленого и свѣжаго мяса, и варенье.

Такъ какъ шляхтичи польскіе обыкновенно расточительны, то случается зачастую, что дѣти ихъ, лишенные состоянія, поступаютъ на службу къ большимъ панамъ, что не считается предосудительнымъ, даже если бы они предложили услуги свои лицамъ менѣе благороднаго происхожденія нежели они сами, какъ-то: короннымъ чиновникамъ или простымъ шляхтичамъ. Это какъ бы наши пажи во Франціи; съ ними обращаются учтиво и дружески, и, при увольненіи отъ службы, одѣваютъ ихъ въ лучшія платья, если только не особеннаго цвѣта, какъ поступаетъ маршалокъ Казановскій, который имѣетъ у себя на службѣ двѣсти шляхтичей, одѣтыхъ въ желтое атласное платье съ атласной же голубой епанчой.

(105) Въ Польшѣ нѣтъ средняго сословія; народъ не имѣетъ никакого участія и голоса на сеймахъ, за исключеніемъ трехъ главныхъ городовъ, а именно: Кракова въ Польскомъ королевствѣ - собственно, Вильны въ Литвѣ и Данцига въ Пруссіи, изъ которыхъ каждый имѣетъ своихъ представителей. Все

правление находится — въ рукахъ духовенства и шляхты, какъ властвующихъ надъ чернью. Садовники и домашняя деревенская прислуга состоятъ еще въ бѣльшемъ рабствѣ нежели крестьяне: жизнь ихъ, равно какъ и достояніе, зависятъ вполне отъ благоусмотрѣнія помѣщика: онъ распоряжается по произволу судьбою этихъ людей, и домъ его для нихъ мѣсто заключенія, изъ котораго они освобождаются только вмѣстѣ съ жизнію. Самый невинный изъ нихъ становится преступникомъ, если господинъ захочетъ наказать его мучительною смертію: эта кара за другой первородный грѣхъ, — допускаемая закономъ. Люди эти называются на туземномъ языкѣ хлопами, какъ вообще и простой народъ. Обозваніе этимъ именемъ такъ обидно, что панъ, обозванный хлопомъ, не успокоится до тѣхъ поръ, пока не уничтожитъ своего обидчика. Изъ такихъ-то людей набираютъ гайдуковъ и домашнихъ лакеевъ, которые не могутъ оставлять господъ своихъ безъ позволенія, подъ страхомъ смертной казни или изгнанія изъ родины; панъ пользуется полнымъ правомъ ихъ всячески преслѣдовать.

(107) Крестьянскія хаты ничто иное какъ жалкія хижины, крытыя соломой, построенныя изъ тесоваго лѣса; онѣ большею частію снабжены одною печью; въ хатѣ, кромѣ хозяевъ, помѣщаются коровы, лошади, по меньшей мѣрѣ, телята, бараны, которые рѣдки и вкусомъ дурны, поросята и куры. Въ избѣ крестьянской жалкія постели, ребятишки спятъ на соломѣ, большею частію голыя, по причинѣ бѣдности; но за то они имѣютъ въ изобиліи чѣмъ жить, во всякую пору года. Они вина не пьютъ; любимый напитокъ ихъ пиво, изъ котораго выгоняютъ водку, противную для иностранца, но имъ она по вкусу, и они пьютъ ее черезъ мѣру. Есть у нихъ еще и другой напитокъ, такъ называемый медъ; это *mulsum* древнихъ — изъ меда и кипяченой воды; но

хорошаго меда трудно достать, развѣ только на Руси и Подолѣ.

(109—112). Въ случаѣ необходимости вести войну, надо рѣшить ее на сеймѣ, созваніе котораго требуетъ не малаго времени; за тѣмъ надо призвать шляхту; кромѣ того зачастую приходится, для пѣхоты, вербовать людей въ Германіи, Венгріи или Чехіи, или же, на всякій случай, въ дальнихъ мѣстахъ Пруссіи и Ливоніи, на что употребляется много времени; сверхъ того, рѣшенія военнаго совѣта, извѣстныя столькимъ личностямъ, не могутъ быть очень секретны. Между тѣмъ непріятель опустошаетъ край, разоряетъ маленькіе города, и слабая армія, охраняющая границы, не будучи въ состояніи оказать сопротивленія первому напору враговъ, принуждена бываетъ уступать ему поле, и отходить къ важнѣйшимъ городамъ, для обороны ихъ въ случаѣ осады; по этой причинѣ на границахъ королевства мало крѣпостей, потому что онѣ скорѣе берутся чѣмъ обороняются; овладѣвшаго ими непріятеля трудно выбить и прогнать за предѣлы края.

Когда минуетъ непріятельское нашествіе, шляхтѣ становится невыносимо выжидать новаго нападенія; пока она думаетъ о своихъ матеріальныхъ интересахъ, время напоминаетъ ей о произведенныхъ уже издержкахъ, такъ какъ шляхта собирается въ походъ на свой счетъ. Она должна еще удовлетворить своему честолюбію: такъ, всякій магнатъ приводитъ съ собою многочисленную конницу и пѣхоту, составленную изъ гайдуковъ, бѣльшую частію венгерцевъ, сражающихся пицалами, также саблями и топорами. Ей хочется вернуться домой, и такимъ образомъ эта ватага, въ числѣ отъ тридцати до сорока тысячъ шляхты, и до шестидесяти тысячъ слугъ, исчезаетъ какъ туча послѣ грозы.

Такова всегда была польская милиція и образъ ве-

денія войны поляками, которые по призванію всѣ воины; а если бы они такъ же заботились о развитіи своего отечества, какъ о личной своей славѣ, то могли бы управлять государствомъ такимъ образомъ, чтобы оно доставляло въ изобиліи деньги и продовольственные припасы, необходимые для веденія долговременной войны. Для этого, слѣдовало бы дать простому народу, находящемуся въ рабствѣ, нѣкоторую долю свободы, избавить его отъ притѣсненій, невыгодныхъ для государства вообще, и получая изъ деревень и мѣстечекъ извѣстное число рекрутъ, обучать ихъ военному дѣлу. Желательно также, чтобы и духовенство не было пощажено; оно слишкомъ богато, чтобы дѣлать довольно добра, а для турокъ нѣтъ лучшей поддержки въ Польшѣ, какъ господа епископы. Вотъ именно то, что можно бы прибавить къ польской политикѣ, которая впрочемъ превосходна.

(113). Когда я говорилъ объ этомъ съ однимъ польскимъ паномъ, онъ мнѣ сказалъ: „Мы не хотимъ ни большаго простора территоріи, ни слишкомъ сильнаго короля, ни даже слишкомъ храбраго и мудраго. Мы хотимъ, чтобы онъ былъ также щедръ и великодушенъ, какъ мы. У насъ всего вдоволь: земля наша самая лучшая въ свѣтѣ; а такъ какъ въ ней никогда не можетъ быть у насъ недостатка, то мы живемъ лучше въ беспорядкѣ, нежели въ порядкѣ; а если мы плохіе хозяева, то въ силу привилегій мы не боимся разориться; мало того, намъ не приходится никогда и думать о нашихъ дѣлахъ. Живемъ мы настоящимъ, не боимся совсѣмъ будущаго: имѣнія наши ничто иное какъ вещь случайная, подлежащая переворотамъ всякаго рода; но шляхетство вѣчно: это богатство и сила нашихъ земель, и кто приложитъ стараніе сохранить его, тотъ и поддержитъ его, если захочетъ поступать, какъ подобаетъ достоинству его шляхетскаго рода“.

VII.

Изъ Лелевеля (Lelewel): Considérations sur l'état politique de l'ancienne Pologne et sur l'histoire de son peuple, ouvrage rédigé en 1836 et publié pour la première fois en 1844, (во 2-мъ томъ его Histoire de Pologne, publiée par les soins des Polonais. Paris 1844). Возрѣвнiя на политическое положенiе прежней Польши и на исторiю ея народа. Стр. 68—294).

1. Изъ перiода 1374—1607.

(68) Феодализмъ вкрадывался разными стезями во всѣ государства посредствомъ нѣмецкихъ колонiй, западной и германской цивилизации, и частiю въ силу мѣстныхъ обстоятельствъ, черезъ дипломатiю и науку. Эта страшная зараза обхватила князей династiи Пяста; князья Силезскiе и Мазовецкiе, отрекаясь отъ своего кровнаго родства, присягнули королямъ Чехiи и сдѣлались ихъ вассалами. Феодализмъ отрывалъ отъ Польши всѣ тѣ области, которыя посредствомъ присяжничества связывались съ имперiей. Подъ такими же мрачными признаками феодализмъ водворился на почвѣ Лехiи, угрожая ей гибелью въ продолженiи полувѣка (съ 1270 по 1330 годъ). Надо было противоборствовать этому адскому принципу, клонившемуся къ разрушенiю государства. Владиславъ Локѣтекъ оказывалъ ему упорное сопротивленiе.

(83). Прекрасно, что Вислицкій статутъ дѣлаетъ рѣзницу между шляхтичемъ и влодыкою сохраняв-
шуюся долѣе въ мазовецкомъ законодательствѣ. Раз-
ница эта долженствовала скоро исчезнуть. Въ корон-
ныхъ провинціяхъ неравенство это уничтожено было
привилегіями, предоставленными Людовикомъ, догово-
рами, которые съ нимъ заключались, и измѣненіями
законодательства во время царствованія Ягелла. Шляхта
приняла названіе „рыцарскаго“ ордена, *ordo equestris*,
guscerstwo, (съ нѣмецкаго *Ritterschaft*), и затѣмъ всякое
неравенство исчезло. Каждый шляхтичъ принималъ ка-
кой нибудь гербъ.

(122). Шляхта въ сердцахъ не захотѣла больше ви-
дѣть городскихъ депутатовъ въ средѣ своего предста-
вительства, ни признавать ихъ голоса въ общественныхъ
дѣлахъ. Два раза, въ 1537 и 1548 г. земскіе послы
выгнали городскихъ депутатовъ изъ своей палаты, и
два раза Сигизмундъ возвращалъ ихъ на свои мѣста.
Между тѣмъ эти плачевныя распри кончились совершен-
нымъ изгнаніемъ городскихъ депутатовъ.

(139). Въ законодательствѣ различали только шляхту—
ordo equestris и чернь—*populus, plebs*; всѣ городскіе
обыватели въ глазахъ шляхты были равны кметямъ—
civitatenses, oppidani kmetones: между ними установлено
было равенство. Всякій шляхтичъ сталъ полнымъ госпо-
диномъ къ своимъ имѣніямъ. Въ силу стариннаго пред-
разсудка, король считался полнымъ обладателемъ всѣхъ
земель, которыя не принадлежали шляхтѣ, съ тѣмъ
условіемъ, что онъ не могъ ихъ ни отчуждать, ни обре-
менять долгамъ, ни лично управлять ими. Это было вла-
дѣніе, отличавшееся отъ шляхетскаго, но изъ него вы-
вели слѣдующее сходство: какъ король имѣетъ въ своихъ
владѣніяхъ города, мѣстечки и села, такъ и шляхта стро-
итъ и имѣетъ у себя города, мѣстечки и села; подобно тому

какъ *civitatenses*, *oppidani* и кмети подвластны королю, точно также люди эти, водворенные на земляхъ шляхетскихъ, подвластны помѣщикамъ. Король управляетъ имѣніями посредствомъ своихъ старобъ, а шляхта посредствомъ своихъ прикащиковъ, которыхъ называетъ подстаробами. Король имѣетъ право суда надъ своими городскими обывателями и кметями; точно такъ же шляхта пользуется правомъ суда надъ обывателями и кметями въ своихъ вотчинахъ, и т. д. Въ случаѣ постановленія новаго закона относительно мѣщанъ и кметей, законъ предписывалъ и правила, которымъ король и шляхта обязаны слѣдовать. Мѣщанское сословіе сравнено было съ кметями. Не слѣдуетъ однако думать, что бы положеніе кметей выиграло отъ сближенія мѣщанъ съ простонародіемъ, напротивъ, кмети потеряли при этомъ свое прежнее значеніе. Уже прежняя постепенность между природною шляхтою и кметями терялась, вслѣдствіе равенства, установленнаго въ рыцарствѣ, и затирала значительно нравственное братство между ними. Законъ 1420 года запрещалъ кметямъ бранить шляхтича, на что они до тѣхъ поръ имѣли право; изданныя въ томъ году правила, кромѣ того, не дозволяютъ шляхтичамъ никакого фамиллярнаго обращенія съ кметями, и считаютъ несообразнымъ съ достоинствомъ шляхты пить и играть въ гостинницахъ съ кметями, и даже садиться на одной скамьѣ близко одинъ къ другому; по силѣ этихъ постановленій, шляхтичъ не въ правѣ искать правосудія, если онъ получитъ въ такомъ собраніи отъ кметей раны или побои. Шляхта отвергаетъ свое общее происхожденіе съ кметями, которые отнынѣ для нея такъ же чужды, какъ и мѣщане; кмети однако не пріобрѣтаютъ правъ и привилегій мѣщанъ, не подходятъ подъ дѣйствіе тевтоническаго закона, и теряютъ земское право; они уже не коренные жители: одни

только паны-шляхта считаются таковыми—*terrigenae, ziemianie* (земцы); они только *bene nati, urodzeni, rodowici* (родовитые, благородные); кмети только труженики, работники *laboriosi, pracowici*. И кмети и мѣщане зовутся одинаково—хлопами, и это прозвище, какъ позорное, не можетъ быть дано шляхтичу безъ оскорбленія его чести. Оно не было ново, но примѣнялось только къ людямъ порабощеннымъ, и народный говоръ придалъ ему весьма широкое значеніе, въ особенности послѣ многознаменательной эпохи (1493—1511 г.) законодательства.

(140). Участки, влуки и ланы кметей были условною наслѣдственною собственностью, основанною на земскомъ польскомъ законѣ, и свойство ихъ ничѣмъ не могло измѣниться, въ случаѣ даже, если эти участки воздѣлываемы были шляхтичемъ, какъ это ясно видно изъ оговорокъ духовенства, предоставлявшаго себѣ десятину отъ этихъ участковъ, называемую десятиною *illibera* (обязательной). Законъ 1496 года, запрещающій плебею владѣть поземельною собственностью, однимъ почеркомъ пера лишилъ всѣхъ кметей всякой собственности, безъ исключеній, потому что всѣ ихъ права владѣнія проистекали изъ земскаго закона.

(143). Запрещается земскимъ управленіямъ и повѣтовымъ старостамъ выдавать кметямъ паспорта или охранительные листы, *salvus conductus*; они обязаны были даже наблюдать, чтобы кмети были снабжены помѣщичьимъ паспортомъ, отъ имени своихъ господъ. Немѣвшіе такого паспорта считались бѣглыми и бродягами.

(145). Кметь не могъ являться въ земскій судъ безъ своего господина, который всегда отвѣчалъ и дѣйствовалъ за него. Относительно долговъ и обязательствъ, заключаемымъ кметями, нанесеніямъ убытковъ и на-

рушенія законовъ, надо было обращаться къ господину; если господинъ не удовлетворитъ кметя, то преслѣдуется онъ, а не кметь; по дѣламъ смертоубійства или нанесенія ранъ кметь равномерно не являлся въ судъ безъ помѣщика. Въ концѣ концовъ, помимо разнообразныхъ формъ, господинъ лишь дѣйствовалъ за своего кметя, который не имѣлъ права вчинать ни противъ него, ни противъ всякаго шляхтича, никакого иска, развѣ въ случаѣ, если онъ нашель между шляхтою покровителя и патрона, который изъявилъ бы готовность дѣйствовать въ его пользу... Въ такомъ случаѣ дѣло велось между шляхтичами, а кметь былъ лишь однимъ объектомъ или поводомъ процесса.

(148). Всѣ эти законодательныя операціи, развиваемыя въ началѣ XVI столѣтія энергично въ пользу одного только сословія, подъ предлогомъ поддержанія порядка и спокойствія въ краѣ, стремились къ порабощенію народа. Народъ, относясь къ этому пассивно, не проявлялъ никакого сопротивленія, и попадалъ въ сѣти, разставляемыя ему фатальной судьбой и слѣпой жадностью земцевъ.

(150). Неудовольствіе и оскорбленныя чувства побуждали хлоповъ, въ ихъ отчаянномъ положеніи, къ освобожденію себя отъ неправедныхъ притѣсненій. Люди болѣе чувствительные и предприимчивые, идутъ въ изгнаніе, выселяются: пограничнымъ старобстамъ велятъ ихъ преслѣдовать, особенно у предѣловъ Силезіи и Венгріи. Туда недовольные бѣжали, какъ будто тамъ имъ будетъ лучше. Вотъ и первые симптомы равноправности шляхты, создавшей рабство.

(158). Вообще мѣщане и крестьяне обязаны были уплачивать своему господину чиншъ. Что же касается сельскаго люда, такъ называемыхъ кметей, они должны были заниматься хлѣбопашествомъ и прочими домашними

работами въ извѣстные дни съ упряжью, *cum jumentis, dzień ciężły* (день тяглый), а въ другіе дни исполнять ручную работу *manuarius, dzień pieszny*. Кроме того, они обязаны были даровою работою, дармохою (*gratuitas, daremszezyzna, darmocha*), исполняемою всегда безвозмездно. Почти всѣ кметы должны были работать въ эти дни—или сами, или же поставлять служащихъ у нихъ паробковъ *mercenarii*, или поденщиковъ, *oregarii, najemnicy*.

(159). Крестьянскіе кабаки назывались халупами, а жилецъ хаты—халупникомъ. Имя это, представляя аналогію съ именемъ хлопъ, не имѣло однако того-же значенія: подъ халупникомъ разумѣлся человѣкъ, который, не имѣя поля, жилъ въ халупѣ (избѣ).

(160). Не говорю я объ областяхъ, гдѣ продавали крестьянъ; исключилъ я эти провинціи изъ моихъ наблюденій въ этомъ періодѣ. Говорю только о провинціяхъ Польши, простирающихся отъ Одера до Буга, гдѣ крѣпостничество возникло недавно. Были знатные магнаты, жаждавшіе удовлетворить своему чреву и плотскимъ похотямъ, не исключая и епископовъ, обвиняемыхъ гласно всѣмъ польскимъ духовенствомъ, которые обращались съ крестьянами еще жесточе, чѣмъ шляхта.

(163). Петричи, въ своихъ коментаріяхъ на переводъ политики Аристотеля, укоряетъ господъ, присвоившихъ себѣ право жизни и смерти надъ крестьянами. И всѣ эти крики негодованія не могли ни искоренить, ни задержать ростъ глубоко окоренившагося порока; протесты эти оставили по себѣ одно лишь печальное воспоминаніе о тщетѣ благихъ совѣтовъ, и для безопасности крестьянъ осталось только человѣколюбіе, милосердіе и состраданіе къ ихъ положенію. Синоды диссидентовъ относились къ христіанскому милосердію

господь, а проповѣдники католической церкви съ каедрь громили притѣснителей.

(167). Въ силу новаго законодательства, всѣ Вислицкія постановленія, не будучи упразднены, утратили однако свое значеніе. Въ особенности же распоряженія полицейскія лишаютъ кметей всякаго пользованія ихъ давнишнимъ правомъ. Самовластный панъ безнаказанно растлѣваетъ дѣвушку или насилуетъ жену кметя, и не выпускаетъ никого изъ села, даже оскорбленнаго отца или мужа. Этотъ панъ, подвергающійся отлученію отъ церкви, прогоняетъ приходскаго ксендза, оскверняетъ святыню, и распоряжаясь совѣстью своихъ подданныхъ, совращаетъ ихъ съ вѣры и прикрѣпляетъ ихъ къ землѣ. Нѣтъ болѣе Вислицкаго статута!

2. Изъ періода 1667—1795 г.

(190). Чтѣ шляхта пріобрѣтаетъ своимъ мужествомъ, своимъ вѣсомъ, то она теряетъ свою безпечностію и легкомысліемъ. Потому народная пословица гласитъ: „Умень полякъ послѣ бѣды“ (Mądry polak po szkodzie). По видимому, полякъ увертливъ и не легко управлять имъ; но какъ бы онъ шумливъ ни былъ, онъ любитъ миръ, и скоро утихаетъ, если его не подзадориваютъ, не раздражаютъ. Умѣя дѣйствовать кстати, оставляя его на волю, похваляя его храбрость и миролюбіе, усмиряя его въ самоотверженіи, его обезоруживаютъ. Примѣръ, убѣжденія, обольщеніе, увлекаютъ его въ развратъ.

Поляки очень легко мѣняютъ моду. Нѣсколько уже разъ какъ они покидали свой національный костюмъ; въ особенности склонны они къ подражанію французамъ, въ чемъ упрекаютъ сами себя пословицей: „Francuz wymysli, Niemiec to zrobi, a Polak głupi zaraz to kupi“

(французъ выдумаетъ, нѣмецъ сдѣлаетъ, а глупый полякъ сейчасъ купитъ).

(196). Украинцы, населяющіе пограничныя мѣстности, вдали отъ центра, имѣютъ характеръ то веселый, то мрачный и дикій, и заставляютъ обращать на себя вниманіе своимъ страстнымъ увлеченіемъ и буйствомъ. Живая веселость, острый умъ и предприимчивость характеризуютъ подолянъ, обитающихъ на границахъ и въ волнистой мѣстности Днѣстра. Жители этихъ двухъ провинцій долгое время не играли роли въ народныхъ событіяхъ, не занимали видныхъ постовъ среди городского сословія, и заявляли о себѣ только народной злобой и потоками крови, лившейся въ ихъ краѣ. Живой, легкой и нѣсколько пустой темпераментъ волынцевъ, легко воспламеняемый и ослѣпляемый, не способенъ къ блистательнымъ дѣламъ (?). Тутъ все было подавлено огромнымъ богатствомъ и духомъ владычества, который хотя и предъявлялъ свои претензіи на самодержавное господство и свои неумѣстныя права на сценѣ Рѣчи-посполитой, располагалъ однако въ своемъ гордомъ эгоизмѣ, раздутомъ тщеславіемъ, всѣми моральными и матеріальными средствами этихъ провинцій и блисталъ внутри и внѣ республики только своими изолированными движеніями. Изъ этой именно стороны отправлялись рискованныя экспедиціи за Днѣстръ и Днѣпръ. Чувство патриотизма поглощалось въ ихъ личныхъ качествахъ и порокахъ. Высшая культура Червоной Руси, какъ латинская, не могла тутъ развиваться, такъ какъ греческая вѣра имѣла тамъ свою почву, а латинскій обрядъ былъ лишь пришельцемъ.

(207). Орденъ іезуитовъ, съ самаго основанія своего, встрѣтилъ враждебное отношеніе къ нему во всемъ христіанскомъ мірѣ. И въ Польшѣ онъ возбудилъ ужасъ всеобщій; но польская вольность обезпечила іезуитскія

учрежденія. Вскорѣ однако рокошане, горько жалуясь на образъ дѣйствій іезуитовъ и заявляя о вредѣ, который орденъ этотъ можетъ нанести будущимъ поколѣніямъ, предсказывали большія бѣдствія.

(212). Болѣе обширное поле религіозныхъ волненій открылось въ средѣ послѣдователей греческой вѣры, находившихся не только въ областяхъ русскихъ, но и въ бѣльшей части Литвы. Прозелитизмъ новыхъ уніатовъ, развиваясь съ пламеннымъ усердіемъ, вызвалъ жестокое сопротивленіе; онъ насчитывалъ на своемъ лонѣ мучениковъ въ Литвѣ (Іосафатъ Кунцевичъ) и народъ, помимо наказаній, волновался въ высшей степени въ южныхъ провинціяхъ, бунтовалъ и готовился къ большому погрому. Вотъ какую картину, въ теченіе сорока лѣтъ (съ 1607 по 1648 годъ), представляла Рѣчь-посполитая по отношенію къ религіи, болѣе пассивной среди преслѣдуемыхъ на западѣ, но болѣе активной и упорной среди угнетенныхъ на востокѣ. Мрачное предвѣщаніе!

(221). Высшая шляхта смахиваетъ на корольковъ въ подчиненныхъ ей городахъ. Магнаты могутъ имѣть свое войско, тѣлохранителей, крѣпости, сношенія съ иностранными послами, находящимися при дворѣ ихъ же короля, съ которымъ они сносятся на аудіенціяхъ. И это именно подало поводъ къ названію польскаго монарха королемъ королей. Эти корольки или королевята, какъ ихъ называли украинцы, не только ѣздили въ чужіе края заключать браки, но присваивали себѣ и право дѣйствовать самовластно, и вступать въ союзы съ иностранными державами. Рядовая шляхта должна была охранять свои права и отстаивать свои претензіи, чтобы спасти отечество.

(286). Въ 1655 году, въ львовскомъ соборномъ костелѣ, король Янъ Казимиръ и всѣ присутствовавшіе

тамъ сенаторы, во имя шляхты, сконфедерованной для защиты родины, принесли знаменитую клятву, въ которой между прочимъ, всѣ и каждый сказали (сказалъ король, какъ видно изъ этихъ словъ): „Вижу съ глубочайшимъ прискорбіемъ, что Богъ, верховный судія, караетъ мой край, въ теченіе семи лѣтъ (1648—1655), тяжестью всѣхъ золь, чтобы отмстить за угнетеніе и стоны плебеевъ; а потому общаю, съ восстановленіемъ мира, принять, вмѣстѣ со всѣми чинами Рѣчи-посполитой, энергичныя мѣры къ огражденію моего народа отъ угнетеній и тираніи“. Пустая клятва, произнесенная, передъ алтаремъ и передъ Богомъ, королемъ и вѣромными людьми! Король вскорѣ забылъ свои торжественныя обѣщанія, предпочитая вдаваться въ интриги своей жены, и въ проекты назначенія себѣ наслѣдника: какъ же могъ опъ дорожить обѣтомъ даннымъ во время опасности, когда опасность прошла! Чтò можно было ожидать отъ шляхты и ея сената! Въ это время любили твердить латинскую пословицу сдѣлавшуюся національною: каковъ пастырь, таковы и овцы... Народъ былъ забытъ! Пятдесятъ лѣтъ спустя, проповѣдникъ-іезуитъ Ширма напомнилъ, что обманули народъ призрачными обѣщаніями и зато Господь не отложитъ своего гнѣва. Вѣтреная и упрямая шляхта ничего не видѣла, ничего не понимала, чтò могло бы вывести ее изъ этого отупѣнія.. Почтенный публицистъ Скршетускій въ 1777 году говорилъ ¹⁾, что сеймы ничего не рѣшили въ отношеніи человѣчности; кажется даже, что они никогда не помышляли о вопросѣ народа.

(268). Между тѣмъ, положеніе крестьянъ польскихъ и русскихъ, шизматиковъ и католиковъ, ухудшалось

¹⁾ Prawo polit. narodu polsk. II 172.

еще больше, такъ что это была эпоха, въ которую угнетеніе достигало своего апогея. До того времени оставалось еще нѣчто отъ формъ, условій, обычаевъ, но съ тѣхъ поръ все изглаживается; нѣтъ болѣе никакого уваженія къ этому низкому, подлому, презрѣнному проклятому отродію. Мало называть крестьянина хлопомъ, кровь его нечистою, проклятою небомъ при самомъ выходѣ изъ Ноева ковчега: это нечестивое отродіе Хама, обреченное въ рабство. Въ деревняхъ и халупахъ, мужикъ, владѣющій полувлокой въ три паровыя поля, или же участкомъ болѣе значительнымъ непахатной земли, долженъ еженедѣльно отправлять панщину три дня, съ упряжью (*dzién siągły*) и три дня пѣшую (*pieszy*), всего шесть дней. Но кромѣ того вездѣ существуетъ и панщина чрезвычайная, извѣстная подъ страшнымъ именемъ гвалта (съ нѣмецкаго *Gewalt*) и панщина даровая — даремщизна; цѣль ея — ускорять жатву; тогда всѣ халупники, способные владѣть серпомъ, мужчины и женщины, должны выходить на жниво господскаго поля. Этотъ общій выходъ крестьянъ въ такомъ случаѣ называется тлукой (толокомъ) народа, и во время жатвы бываетъ ихъ два, три, четыре и болѣе. Во многихъ помѣстьяхъ господинъ имѣетъ право нанимать насильно рабочихъ за опредѣленную имъ же плату; плата назначается очень низкая и производится ассигновками, выдаваемыми на имя жида-корчмаря, на отпускъ водки, который и рассчитывается потомъ съ помѣщикомъ. Есть кромѣ того еще панщина, повинность для женщинъ и мужчинъ, обязательная солидарно для всего сельскаго населенія: это очередь (колея) на ежедневную службу: на господскомъ дворѣ, ходить за домашнимъ скотомъ и птицею; другая повинность — ночная стража (*stróża*), съ отопкой господскихъ печей. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что мѣстами есть еще

повинность чрезвычайная, какъ-то: прясть, пасти скотъ, рубить дрова, возить, исправлять проселочныя дороги и особенно прислуживать во дворѣ; самъ панъ выбираетъ для этой цѣли мальчиковъ и дѣвочекъ. Кромѣ этой панщины и личной службы, крестьянинъ уплачиваетъ чиншъ за хату, въ которой онъ живетъ; онъ долженъ подносить помѣщику известное количество яицъ, каплуновъ, куръ, гусей или утокъ, по принятому обычаю, также льна, пеньки, шерсти и зерна, въ известной мѣрѣ; а за позволеніе, данное ему ходить въ лѣсъ, долженъ снабжать пана орѣхами, клубникой и прочими ягодами и сушеными грибами, которые онъ самъ собираетъ.

(292). Прежняя поземельная подать съ лана и съ влуки была наконецъ упразднена, по ея совершенному ничтожеству съ паденіемъ курса грошей, и замѣнена подымной (rodumne) и подушной (rogłowne). Десятина была взимаема натурою духовенствомъ, и считалось бы смертнымъ грѣхомъ не заплатить ее въ срокъ и съ излишкомъ.

(293). Владѣльцы большихъ имѣній почти никогда не видѣли въ глаза трудолюбивыхъ рабовъ; а мелкопомѣстные, пользуясь услугами жидовъ, приказчиковъ и ихъ замѣстителей, не нуждались въ этомъ рабочемъ классѣ. Большое число шляхты, приведенное въ бѣдность разореніемъ края, вмѣсто того, чтобы отыскивать себѣ занятіе, не соответствующее шляхетскому достоинству, предлагаютъ услуги свои другимъ помѣщикамъ, въ качествѣ администраторовъ ихъ имѣній, и составляютъ такимъ способомъ классъ управляющихъ, известныхъ подъ именемъ „экономовъ“, которымъ предоставляется иногда изъ учтивости болѣе почетное званіе вице-старостъ и комисаровъ, которымъ въ свою очередь подчинены субституты (помощники), влодаръ, карбовый,

ассауль, — отродіе нечестивое, подлые льстецы своихъ господъ, грабители господской собственности, тираны хлоповъ, которыхъ они презираютъ и ненавидятъ.

(294). „Не могу безъ ужаса подумать“ — говоритъ король Лещинскій — „о томъ законѣ, по которому шляхтичъ, убившій крестьянина, подвергается уплатѣ денежной пени лишь въ размѣрѣ пятнадцати франковъ. Мы смотримъ на этихъ людей какъ на существа другаго рода и почти отказываемъ имъ въ томъ воздухѣ, которымъ они дышатъ вмѣстѣ съ нами“.

УІІІ.

Изъ Величка: Лѣтопись событій въ югозападной Россіи въ ХУІІ вѣкѣ. Издано Временною Коммисією для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ 1848 г. Томъ І.

1. ЗАГЛАВІЕ ЛѢТОПИСИ И РУКОПИСИ.

(1). Сказаніе о войнѣ казацкой съ поляками чрезъ Зиновія Богдана Хмелницкаго Гетмана войскъ Запорожскихъ, въ осми лѣтахъ точившійся; а до дванадцати лѣтъ у поляковъ съ другими панами провлекшійся. Якою онъ Хмелницкій, при всеильной помощи Божественной, съ Козаками и Татарми отъ тяжкого ига Лядскаго вибился и подъ высокодержавное Пресвѣтлѣйшаго Монарха Россійскаго Алексія Михайловича владѣніе добровольнѣ поддался.

Отъ авторовъ:

Нѣмецкаго—Самуила Пуфендорфія, Козацкаго—Самуила Зорки и Польскаго—Самуила Твардовскаго, войну тую въ книгѣ своей, Война Домова названной, вѣршомъ Полскомъ описавшого. Нинѣ же вратцѣ стилемъ историчнымъ и нарѣчіемъ Малоросійскимъ справленное и написанное тщаніемъ

Самуила Величка,

Канцеляристи негдись войска Запорожскаго.

Въ селѣ Жукахъ, уѣзду Полтавскаго, року 1720.

2. О ДІАРІУШЪ ЗОРКИ.

(54). Въ тоє время кгда прибылъ Хмелницкій зъ Чигрина до Сѣчи, было на Кошу два писарѣ барзо добрихъ, и въ рѣчахъ писарскихъ языкомъ Славенскимъ и Полскимъ добре цвѣчонихъ: еденъ старѣйшій Степанъ Брацлавскій, а другій молодшій Самуилъ Зорка зъ Воляня; зъ тихъ убо старѣйшій на кошу оставленъ, а молодшій зъ Хмелницкимъ зъ Сѣчи отпущенъ, за неже онъ и въ Криму былъ зъ нимъ Хмелницкимъ; тотъ убо Зорка, чрезъ увесь часъ войны Козадкой зъ Поляками бывшой, застаючи писаремъ и секретаромъ при Хмелницкомъ, о всѣхъ рѣчахъ и поведеніяхъ совершенно вѣдалъ а досканале и пространно въ діаріушѣ своемъ оніе описаль, которій діаріушъ былъ въ товарища моего Силивѣрста Биховца, канцеляристи войсковаго. Его же отецъ Іоаннъ Биховець, при тогочныхъ Чигринскихъ гетманахъ бѣ канцеляристомъ и тамо тотъ Хмелницкаго дѣяній діаріушъ переписаль былъ себѣ: изъ него-же азъ (взявши въ сина его помененнаго. товарища же моего) зѣло сокращеннѣ потребнѣйшіе и нужнѣйшіе Хмелницкаго военныхъ сукцессовъ вычерпнувши и понотовавши рѣчи, потрудихся въ сей моей книзѣ оніе положить и выразити. Аще же въ томъ пререченого Самуила Зорки діаріушѣ были ретелне положени листовніи Хмелницкаго о тогдашнихъ дѣлѣхъ и поведеніяхъ, до постороннихъ монарховъ и владѣтелей корреспонденціи, но я ихъ (аще и велце были потребни) безъ переписаня оставилемъ, едно краткости послѣдствуя, другое и часу поволного на тоє не имѣя, всегдашними и непрестанными въ канцеляріи войсковой будучи обовязанъ и отягощенъ дѣлами.

3. Корсупская битва.

(65). По уконченню оного кроваваго Желтоводскаго дѣянiя (въ которомъ и козаковъ полтораста человѣка смертную испило чашу, а раннихъ зтолкожь въ Чигринъ одослано, кромѣ побитихъ и раннихъ татаровъ), Хмелницкiй съ Тугай-Беомъ на томъ же мѣстцу стоялъ неподвижно чрезъ три днѣ, приспособляючи и управуючи войско и обозъ на наступающую зъ самими гетманами коронными баталiю; особливе пятнадцать арматокъ воднихъ, новимъ образцомъ на двоихъ тилко колесахъ и о единомъ коню приправуючи для легшого и скорѣшого зъ ними военной потребѣ обороту. Стануло уже тутъ у Хмелницкаго арматъ и арматокъ 26, до которыхъ Хмелницкiй добрихъ Запорожскихъ стрелцовъ придалъ, спѣсивши пять сотъ человѣка, а коннихъ для всякаго случаю триста человѣка; якiи новоучиненiи пушкарѣ такъ умѣли зъ арматъ стрѣляти, якъ и изъ мушкетовъ.

По прошествiи теди дней троухъ, то есть мая 11 въ пятокъ шестой недѣлѣ по Пасцѣ, устроившия зовсѣмъ якъ належало, Хмелницкiй рушилъ спѣшно отъ Води Жолтой зо всѣмъ войскомъ ку самимъ Гетманамъ Короннимъ; якого дня отъ Чигрина, Крилова, и иншихъ мѣсть и сель, на двѣ тысячи прибыло воинскаго охотника ку Хмелницкому. Гетманъ зась Великiй короннiй велимъ наполненъ фрасункомъ, кгда непотѣшнiи една за другой отбѣралъ вѣдомости, а именно: же козаки воднiи, вибивши Нѣмцовъ зъ собою на водѣ бывшихъ, до Хмелницкаго пристали, и же Хмелницкiй на Желтой Водѣ сина его Гетманскаго зо всѣмъ войскомъ Полскимъ осадилъ, для котораго ратунку, либо заразъ онъ гетманъ короннiй зъ гетманомъ полнымъ зо всѣмъ

войскомъ (якое уже было готове въ совокупленіе) рушилъ былъ къ Водѣ Жолтой; однакъ у Масловаго Ставу получивши вѣдомость отъ единого ранного, зъ Желтоводской остатной потреби прибылаго жолнѣра, же уже тамъ войско Полское чрезъ козаковъ и Орду на голову поражено, обозъ зовсѣмъ взято и синъ гетманскій смертно раненъ, а подобно и не жіеть, заразъ цофнулися назадъ къ Корсуну, начавши думати и промышляти о своей головѣ и всего войска Короннаго цѣлости, которого при нихъ тогда знайдовалося на двадцать шесть тысячей зъ новоприбылимъ зъ Полци войскомъ. Многи тогда зъ пановъ полскихъ приписовали имъ гетманамъ несправность ихъ и глупство, едно, же войско роздѣлвши послали водою и землею, другое же, жадной о Хмелницкомъ немѣючи вѣдомости, сквапливе одослали и отдалили оное далеко отъ боку своего; зъ якихъ мѣръ обидва гетмани любо погружались въ жалю сердечномъ и поношеніи срамотномъ за несправность отъ всего войска своего, однакъ еще якъ колвекъ трезвили: лечъ кгда потомъ послышали зближающагося къ себѣ Хмелницкого, и войска своего драгунскаго три тысячное число въ передней стражѣ бывшее зраду, же къ Хмелницкому передалося, неимѣючи отъ гетмановъ заслуженной себѣ плати, тимъ барзѣй обятъ ихъ страхъ и всеконачное цѣлости своея отчаяніе, недоумѣваху бо весма что творити, якъ зъ войскомъ поступити, якъ и на якомъ мѣстцу до бою оное устроити. Станули однакъ обозомъ, якъ ихъ тогда помѣшанній научилъ разумъ, на одной ровнинѣ надъ рѣкою Россою, котрая до обороны приличнѣйшая имъ быти здавалася, близко Корсуна; и якъ обозъ тотъ ровомъ ошанцовали, такъ и войско належите до бою ушиковали и распорядили.

Мая теди 16, въ среду седмой недѣли по Пасхѣ, скоро ясно свѣтлое слонце зъ оцезу на свѣтъ свои

лучи появилось, и мракъ нощній въ нощніе прогнало страни, заразъ отъ наступаючаго пятнадцато-тысячнаго (кромѣ Орди) числа войска козацкаго показались быти полякомъ дими и прахи земніи, конскими копитами отъ земли взрушенніи и на воздухъ вознесшіися, нѣби отъ стотисячной квоти войска оного козацкаго; особливою тогда мглою страхъ полякомъ засунуль былъ очи, же ся имъ тое мечтало, чого отнюдь въ самой не было рѣчи. За тимъ абіе Хмелницкій своимъ и ординскимъ войскомъ мужественно наступаетъ, и крѣпко ударяетъ на поляковъ, которіи мало що въ шику своемъ посто-явши, а болше отнюдь оружію противному стерпѣти невозможше, зъ великимъ страхомъ уступили у окопъ свой, внѣ онаго отбѣгши, трупомъ полеглой братіи своей на три тысячи; зъ окопу зась стали отстрѣливати-ся зъ арматъ, якихъ было осмнадцать.

Вскорѣ потомъ Хмелницкого армата зъ пѣхотою на-стигла, и егда вздовжъ и впоперегъ войско и обозъ ляд-скій начаша рисовати и проносити, часто густо уби-ваючи жолнѣровъ и коней, ломаючи тежъ и трощачи вози и каравани, тогда поляки, познавши мѣстце тое до цѣлости своей неспособное, рушили отъ толь на гору тамъ же близко будущую; но и на горѣ той крайне свое увидѣвши небезпеченство, заразъ рушили и отъ толь, на конечную свою погибель, всѣмъ обозомъ и войскомъ, ушиковавши оное якъ было возможно: якому ихъ пору-шеннюся радъ былъ Хмелницкій. Скоро теди поляки зъ своихъ висунулися окоповъ, заразъ Хмелницкій зъ ордою началъ около нихъ (якъ приказуютъ) веремѣя крутити, и обозъ ихъ въ килко лавъ ушикованній зъ арматъ своихъ на разнихъ мѣстцахъ густо розривати, ламати и мѣшати: многихъ и жолнѣровъ полскихъ при нихъ въ шикахъ своихъ бывшихъ, зъ мелкого и армат-ного бою покладаючи трупомъ. Увидѣвши то гетмани,

ижъ злая ихъ есть справа, що не тилко звичайнымъ боемъ въ полю, конно не могутъ постояти противъ войска козацкого, аже и обозъ приходитъ въ разрушеніе, рассказали къ пѣхотѣ своей многимъ корогвамъ коннымъ зпѣшитися, на горшій уронъ свой. Що ся кгда стало, заразъ служки конѣ въ пановъ своихъ принявшіе, всѣвши на тѣе-жъ кони, в чаючи бѣгствомъ своимъ отъ бѣди настоящей улучити спасеніе, перхнули врознь отъ обозу по лѣсахъ и лугахъ тамошнихъ, пановъ своихъ въ зброяхъ желѣзныхъ и при военныхъ ристункахъ, въ крѣпкій тогда зной и варъ солнечній, оставивши не обиклое имъ пѣхотинское на полъ милѣ и далѣй двигати иго. Сему творящуся абіе войска полскіе и обози ихъ, за проводничествомъ нѣякогось непевного албо и незичливого себѣ челоувѣка, надходятъ надъ яри и кручи, и зъ нихъ спускаются зъ великимъ бѣдствомъ, ворочаючи въ тѣе кручи и ламаючи вози и каравани, и наступуючи на переправу, тамъ въ долинѣ крутой приключшуюся, багнистую, зѣло грузкую и до скорой переправи весма неудобную. Уже и армата полская ничого дѣйствовати не можетъ, да и изъ ручного оружія рѣдкое уже начало быти ку Хмелницкого непрестаемому и зѣло полякамъ вредителному стрѣлянню отвѣтствованіе. Часть обозу полскаго въ помененной твани и грузкости вибейкавшися, дерется квалтомъ на прикрую гору, и отнюдь на неѣ взійти не можетъ; другая часть въ болотѣ ономъ загрузла и прочимъ заднимъ путь затарасовала: третая часть зъ гори спускаючись (акоже рѣхъ), поломавши вози и каравани и сплетнися зъ собою купама, къ погибели наклонила; къ тому козаки на мѣстцахъ приличнихъ, куда би полякамъ можно было уходить, позакопували и лѣсами позасѣкали дороги. Гетмани обидва зъ иними многими знаменитими панами, аки во изступленіи ума суще, по

обоимъ сторонамъ обозовихъ зъ многими хорогвами конними шатаются, невѣдуци болѣе что творити. Хмелницкій теди съ Тугай-Беомъ совершенно уже познавши свое въ тотъ часъ благополучіе, дали сами покой обозовѣ; только приказали пѣхотѣ своей и арматамъ, аби дополнили того зъ пилностью, чого на всеконечное раздрушеніе лядскому обозовѣ недоставало. Самъ тежъ Хмелницкій зъ Тугай-Беомъ на самихъ гетмановъ, уже въ отчаяніи жизни своей бывшихъ, крѣпко ударивши, стерль и поламалъ ихъ шики весма, приложивши нещадно остріе оружія свои на ихъ шляхетскіе головы; гдѣ множайшая часть войска полскаго паде трупомъ, смертного не ухибивши термену; другая двотисячная чили тритисячная часть, зъ нѣкими вождами, бѣгствомъ лѣсами и дугами спаслася отъ погибели, неусмотрѣвшу ихъ Хмелницкому; третья зась часть до полшести тисячи въ плѣнъ взята, зъ обома гетманами, зъ которыхъ полній гетманъ Калиновскій zostалъ раненъ; при гетманахъ зась онихъ короннихъ взято въ неволю: Синявского, Балабана, Бѣгановского, Одриволского, Ясколского и инихъ знаменитой и високородной шляхти до осмидесяти человекъ. Що при весильной помощи Божіей Хмелницкій счастливе одного дня зорудовавши, стануль обширне обозомъ своимъ надъ тоєю-жъ кручею и долиною, въ которой и обозъ лядскій опановалъ себѣ; а зъ обозу оного килконадцать каравановъ лутшихъ и боатшихъ приказавши пѣхотѣ своей примкнути до себе, прочее все войску козацкому и татарскому позволилъ забрати и подуванитись тимъ; кромѣ воинскихъ апартаментовъ, зъ которыхъ три булави, каменіемъ драгимъ саженихъ, осмнадцать штукъ арматъ добрихъ, девятнадцать паръ котловъ, пятьдесятъ шість корогвей, два бунчуки, тридцать осмъ трембачовъ и инихъ служителей обозовихъ, не въ числѣ воинскомъ бывшихъ, до

пяти сотъ человекъ. А съ Хмелницкого козаковъ семдесятъ забитихъ а девяностъ пять раннихъ (кромѣ татаръ забитихъ и раннихъ) тогда явилося. По тихъ теди военныхъ фатигахъ, станувши Хмелницкій въ обозѣ своемъ зъ Тугай-Беомъ, розбилъ свои, а набарзѣй здобични зрядни намети людскіи и переночевавши въ нихъ, первѣе всего въ четвертокъ тогдашній мая 17-го отдалъ молебное благодареніе Господу Богу, помогившу ему на сопостатовъ поляковъ, при трикратномъ арматномъ и мушкетномъ огня паленіи; по тимъ валній учинилъ банкетъ, учредивши на немъ довольно старшину свою и козаковъ значнихъ, также Тугай-Бей съ значними татарами и плѣнниковъ пановъ полскихъ; а на рядовое козацкое и татарское войско 25 куфъ горѣлки видалъ, приказавши оною напоити и рядовое плѣненное товариство полское. За тимъ отдыхомъ, на томъ мѣстцу чрезъ дней десять, въ которомъ отпочинку до Сѣчи зъ посліюю певнихъ вещей, а въ Крымъ до хана зъ посліюю полоняниковъ полскихъ отправилъ экспедицію, которая виразнѣ тутъ же полагається.

(70). При двохъ гетманахъ короннихъ взято въ полонъ полковниковъ, ротмистровъ, капитановъ, поручиковъ, хоружихъ и изнехъ начальниковъ воинскихъ, значнихъ и високороднихъ 127, рядоваго товариства осмь тысячъ 520 человекъ; трембачовъ 63, и инихъ служителей не въ числѣ воинскомъ бывшихъ 580, добошовъ 27, котловъ великихъ и малихъ паръ 31, корогвей самихъ знаменитихъ 94, а иншіи меншіи корогви и котли татарамъ досталися; бунчуковъ 4, булавъ 5, арматъ болшихъ 41, зъ достаткомъ пороху и куль; иншихъ засѣ вещей, яко то наметовъ, коней, рондовъ, сѣделъ, пѣстолѣтовъ, янчарокъ, фузѣй, сайдаковъ, вышменѣтихъ и дорогихъ шабель, коней, обуховъ оправнихъ, збрѣй и панцировъ дорогихъ зъ пишаками, мѣсюрками и кар-

вашими, телембасовъ сребнихъ и мѣднихъ позлоцѣстихъ, палубовъ и возовъ зъ харчами и напитками простими и дорогими, каравановъ зъ креденсами достатними столовыми, сребними и позлоцѣстими; на остатокъ таляровъ битихъ, червонихъ золотихъ и дробной монети, особливо спецѣяловъ всякихъ златихъ и сребнихъ, зъ драгимъ каменіемъ и безъ каменія бывшихъ; также канаконъ и перстенковъ многоцѣнныхъ, при сукняхъ, сукнахъ и матеріяхъ дорогихъ нешитихъ, значная часть въ руки Хмелницкаго досталася. А иніе такіе-жъ драгіе и многіе вещи попались въ руки Тугай-Беовъ и инимъ начальникамъ казацкимъ и татарскимъ; прочее же все пошло въ руки всего войска тамъ бывшаго. Колко тежъ зо всего войска лядскаго забито и сколько отъ смерти спаслося, а колко особно попало въ руки ординскіе, того совершенно было довѣдатися невозможно.

ІХ.

ДВѢ УКРАИНСКІЯ ДУМЫ.

1. Шлѣнь польскихъ гетмановъ (1648).

Отъ такъ пиха наробила лиха коронному Потоцькому.
Отъ такъ була и тобі скрута польному Калиновскому.
Отъ тамъ жолніре идіте сміло на зимовиско,
Въ Білагороді въ загороді майте становиско.
Нехай христіяне ваши подоляне не распложують куры,
Що виловили, виносили ваши джурьы.
А ви въ татарахъ, въ тяжкихъ кайданахъ до смерти
сидіте;
Акъ ми одъ васъ, такъ ви одъ насъ теперъ потер-
піте.

(Изъ рукоп. XVII в. Львѣоп. Ерлича).

2. Побѣдное.

Торжество русскаго народа (1647—1648).

Честь Богу хвала! Навіки слава войску дніпровому,
Що изъ Божой ласки загнали ляхки къ порту висля-
ному,

А родъ проклятий жидівський стятий, чиста Украина,
А віра святая вцале зостала—добрая новина!

И ти Чигирине, місто украинне, не меньшую славу
Теперь въ собі маешь, коли оглядаешь въ рукахъ бу-
лаву

Зацного Богдана, мудраго гетьмана, добраго молодця,
Хмельницкого чигириньского, давного запорозьця.

Богъ бы указаль и войску подалъ, аби имъ справо-
валь,

А жеби покорнихъ одъ рукъ онихъ гордихъ аби ра-
товаль.

Учинишь Боже, всімъ намъ гоже, аби булавою...

Войсько тее славне всіму світу явно за его головою!

(Изъ рукоп. XVII в. лѣтоп. Ерлича).

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

О П Е Ч А Т К И.

		<i>Напечатано.</i>		<i>Должно быть.</i>	
Стр.	21	строка	7 сверху	Берхъ	Бергъ
»	25	»	3 снизу	Смизмунда	Сигизмунда
»	37	»	2 »	наст оѣ	настроѣ
»	38	»	6 »	Niepodlagłość	Niepodległość
»	41	»	10 »	же же	же
»	46	»	2 »	a cette	á cette
»	52	»	6 »	военноначальниковъ	военачальниковъ
»	63	»	10 »	внутоеннею	внутреннею
»	109	»	3 »	Замойокаго	Замойскаго
»	110	»	6 »	1709	1609
»	114	»	5 »	погвѣъ	погибѣ
»	122	»	6 сверху	польскія	польская
»	127	»	5 »	1864	1634
»	139	»	13 снизу	Хмельнжицкаго	Хмельницкаго
»	153	»	14 »	наводился	находился
»	163	»	4 »	время	время
»	170	»	6 »	казакалъ	казакамъ
»	175	»	3 сверху	Тугасъ-Бей	Тугай-Бей
»	188	»	5 »	до тѣмъ	до тѣхъ
»	207	»	14 »	возведеіця	возведенія
»	210	»	3 снизу	кратко;	кратко:
»	224	»	1 »	съ 6 ливрахъ,	въ 6 ливрахъ,
»	240	»	10 »	быле	было
»	247	»	7 »	присваивили	присвоивали

ТРИ НАРОДНОСТИ:

- ПОЛЬСКАЯ
- ЛИТОВСКАЯ
- РУССКАЯ

разграничены по этнографическим картам Шафарика и Мирковича, дополнены Гиттихом и по Петричевскому Атласу России Павлищева.

Воеводства и земли разграничены по Атласу Зипони, изданному в 1772 году в Лондоне Курляндия считалась ленными владениями Королевства Польского

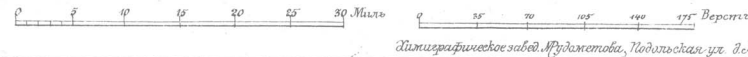
Лифляндское воеводство принадлежало совокупно Королю и Литве.

Малая Русь в общирном смысле заключала в себя воеводства VII, VIII, IX и X.

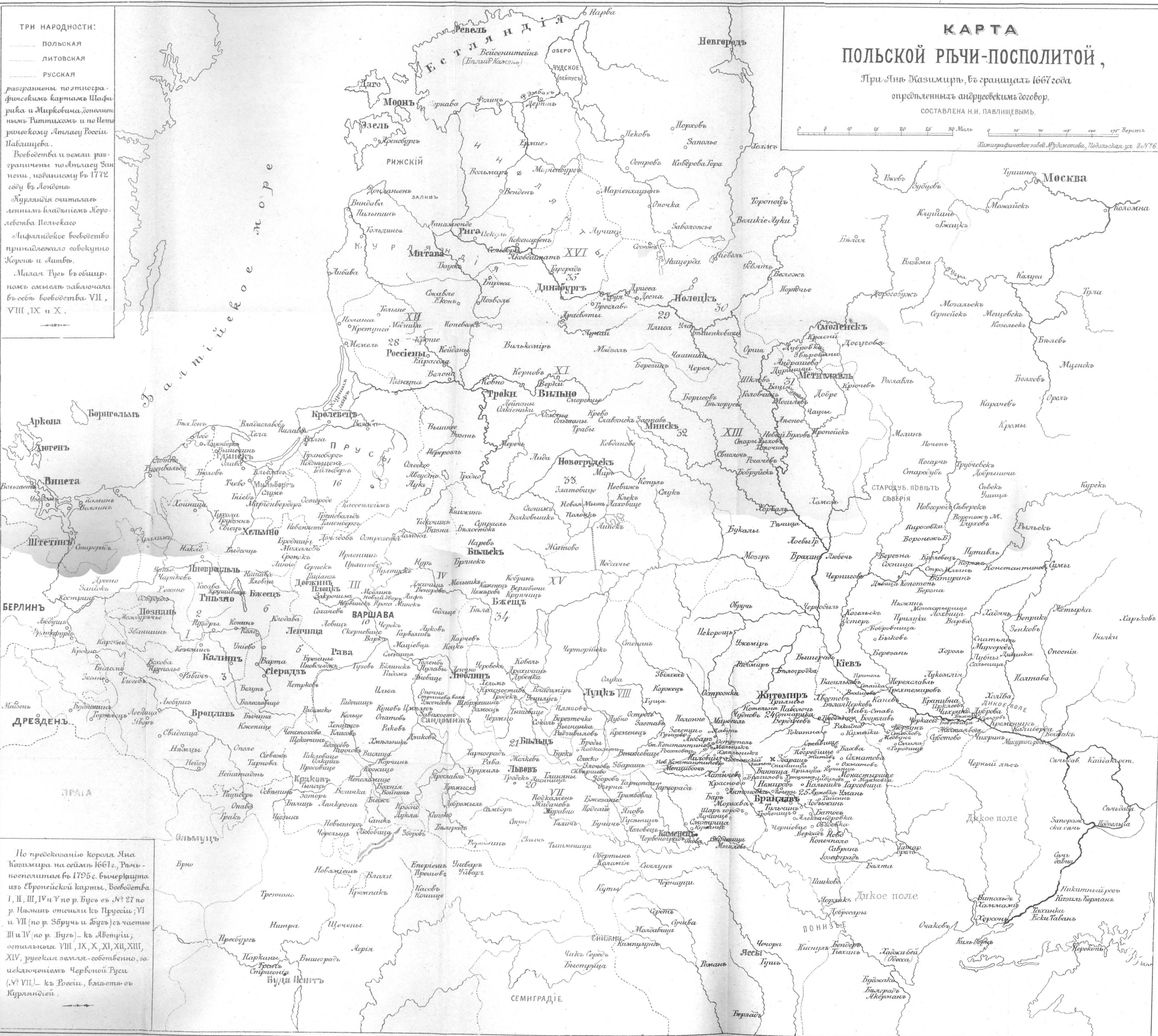
КАРТА
ПОЛЬСКОЙ РЪЧИ-ПОСПОЛИТОЙ,

При Цне Казимире, въ границахъ 1667 года
опредѣленныхъ андреевскимъ договоромъ.

СОСТАВЛЕНА Н. И. ПАВЛИЩЕВЫМЪ.

Алтиметрическое завѣд. А. Фудасевича, Подольская ул. в. 1796.

КОРОЛЕВСТВО ПОЛЬСКОЕ.

(Корона.)

КРАИ	ВОЕВОДСТВА
ВЕЛИКАЯ ПОЛЬША	1. Познанское.
	2 Гиньзское
	3 Калишское
	4 Серадское
	5 Ленчицкое (земля)
КУЯВЫ	6 Брестско-Куявское
	7 Пловлацкое
	8 Доброминская з.
МАЗОВІЯ	9 Плоцкое
	10 Мазовецкое
ПОДЛЯСЬЕ	11 Равацкое
	12 Подляское
ПРУССЫ	13 Хелминское
	14 Мамборское
	15 Наморское
МАЛАЯ ПОЛЬША	16 Варминское (земля)
	17 Краковское
ЧЕРВОНАЯ РУСЬ	18 Сандомирское
	19 Люблинское
ВЪЛЬНЬ	20 Русское
	21 Хеломское
ПОДОЛЬ	22 Валынское
	23 Подольское
УКРАИНА	24 Киевское
	25 Брацлавское
ЛИТВА	26 Виленское
	27 Трокское
ЖМУДЬ	28 Жамойтское
	29 Полоцкое
БѢЛЛА РУСЬ	30 Витебское
	31 Мстиславское
ЧЕРНАЯ РУСЬ	32 Минское
	33 Новогородское
ПОЛИСЬЕ	34 Брестское
	35 Лифляндское

По предсказанию короля Яна Казимира на сеймахъ 1661 г., Речь-посполитая въ 1795 г. вычеркнута изъ Европейской карты. Воеводства I, II, III, IV и V по р. Бугъ съ № 27 по р. Неманъ отошли къ Пруссіи; VI и VII (по р. Сѣвручъ и Бугъ) съ частью III и IV (по р. Бугъ) — къ Австріи; остальные VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV, русская земля — собственно, за исключеніемъ Червонной Руси (№ VII) — къ Россіи, вѣдѣны съ Курляндіей.